САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ И ГУМАНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАЗАРБАЕВ ЦЕНТР»

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА
при МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕЕ ЕВРАЗЭС

ЦЕНТР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
при МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕЕ ЕВРАЗЭС

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
и ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

28-29 ноября 2013 года

Санкт-Петербург
2013

УДК 340+341+342+343+34.03+34.05
ББК 67.304+67.305+67.308+67.5+67.9(04)+69.073
П78

Работы, опубликованные в материалах международных и всероссийских конференций, зачитываются как отражающие основные научные результаты диссертаций при их защите (абз. 3 п. 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 в редакции Постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475).

Рецензенты

И.Е. Нельговский, профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор;

А.И. Чучаев, профессор кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

П78 Проблемы гармонизации законодательных механизмов обеспечения безопасности личности, общества и государства на евразийском пространстве: сборник научных статей (из материалов Международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума «Интеграционные процессы на евразийском пространстве: успехи, проблемы, перспективы». Санкт-Петербург, 28–29 ноября 2013 г.) / Науч. ред. А.Е. Шилова. — СПб.: МИЭП, 2013. — 278 с. **ISBN 978-5-91950-046-9**

В сборник включены научные статьи участников Международной научно-практической конференции «Проблемы гармонизации законодательных механизмов обеспечения безопасности личности, общества и государства на евразийском пространстве», проходившей в рамках Евразийского научного форума «Интеграционные процессы на евразийском пространстве: успехи, проблемы, перспективы» 28-29 ноября 2013 года, представляющие интерес для научно-педагогических, научных и практических работников в сфере юриспруденции, а также аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов юридических вузов и факультетов.

УДК 340(075.8)+321(075.8)+348.2(075.8)
ББК 69.073+66.0+67.99(2)+67.405
П78

Утверждено к изданию на заседании Ученого совета Межрегионального института экономики и права 24 декабря 2013 года, протокол № 6.

Ответственность за точность цитирования, оценку использованных материалов в публикуемых статьях несут авторы.

© Коллектив авторов, 2013
© МИЭП, 2013

В.А. Барышев
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»,
г. Витебск, Республика Беларусь

Необходимость принятия и концепция Конвенции «Об иммунитете государств-членов Евразийского экономического сообщества»

Аннотация. В статье обосновывается необходимость принятия и концепция конвенции, регулирующей иммунитет государства в рамках Евразийского экономического сообщества. Автор предлагает в качестве концептуальной основы конвенции теорию абсолютного иммунитета государства. По мнению автора, теория функционального иммунитета, распространенная в европейских странах, создает конфликтные ситуации в межгосударственных отношениях.

Ключевые слова: Евразийское экономическое сообщество, государство, суверенитет, абсолютный иммунитет, функциональный иммунитет, конвенция.

Abstract. The article explains the need for and the conception of the convention governing the immunity of the State in the framework of the Eurasian Economic Community. The author proposes the theory of absolute state immunity as a conceptual framework of the Convention. In the opinion of the author, the theory of functional immunity, common in European countries, creates conflicts in international relations.

Keywords: Eurasian Economic Community, the State, sovereignty, absolute immunity, functional immunity, Convention.

14 ноября 2003 года Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества приняло постановление № 13 «Об имплементации международных норм и принципов в сфере обеспечения иммунитета государства и его собственности в законодательстве государств-членов ЕврАзЭС» [7]. В названном Постановлении были рекомендованы основные направления международного и национального нормативно-правового обеспечения согласованной межгосударственной политики государств-участников в сфере обеспечения иммунитетов, где под номером один было определено – разработать конвенцию об иммунитете государств-членов ЕврАзЭС по аналогии с Европейской конвенцией об иммунитете государств 1972 года.

Однако за истекшие после принятия Постановления десять лет Конвенция об иммунитете государств не была предложена для принятия государствами-членами ЕврАзЭС, а государства Сообщества не приняли соответствующие законы об иммунитете государства. Воз-

можно, намеченная работа не выполнена по той причине, что 16 декабря 2004 года Генеральная Ассамблея ООН предложила всем государствам стать участниками Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности [6]. Однако Конвенцию ООН достаточно сдержано восприняло большинство государств мира: на 01.10.2013 года ее ратифицировали только 14 государств, в то время как для вступления в действие Конвенции требуется тридцать государств-участников [10]. Из государств-участников ЕврАзЭС Конвенцию ООН ратифицировал только Казахстан [3]. Европейская конвенция об иммунитете государств, принятая 16 мая 1972 года в рамках Совета Европы, предложенная в Постановлении Бюро Межпарламентской Ассамблеи в качестве образца, имеет в настоящее время всего восемь государств-участников из 47 членов этой организации [9]. Как видно, ни универсальная, ни европейская региональная конвенции, регулирующие иммунитеты государств, не получили широкого признания.

В то же время проблема иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях остается одной из самых актуальных в межгосударственных отношениях, о чем свидетельствует решение Международного Суда ООН по иску Германии к Италии, объявленное 3 февраля 2012 года [13]. Еще одним наглядным примером воздействия иммунитета государства на межгосударственные отношения может служить недавнее решение суда округа Колумбия (США), обязавшее Россию передать «библиотеку Шнеерсона» религиозной общине хасидов, находящейся в США, что было негативно воспринято официальными властями и российской общественностью [4].

В связи с этим представляется актуальной разработка проекта и принятие Конвенции «Об иммунитете государств-членов Евразийского экономического сообщества». Это мотивируется тем, что все государства-члены ЕврАзЭС активно участвуют в экономических отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами, что всегда связано с проблемой иммунитетов государства.

При разработке проекта Конвенции предстоит решить главную проблему — определить теорию, которая будет положена в ее основу. Как известно, существуют две основные теории иммунитета государства: абсолютная и функциональная. Теории абсолютного иммунитета государства, которая последовательно отстаивалась советской юридической школой на протяжении всего периода существования СССР, длительное время была общепризнанной в большинстве государств мира. Она представляет собой общий принцип международного права, вытекающий из суверенного равенства государств. В 1920-30 годы теория абсолютного иммунитета государства сыграла важную позитивную роль в отклонении многочислен-

ных исков, выдвигавшихся в иностранных судах против СССР, что облегчило процесс международно-правового признания советского государства и налаживания им нормальных отношений с западными странами.

Ситуация с иммунитетом государства изменилась, когда на Западе в 1970-е годы теория абсолютного иммунитета была заменена теорией функционального иммунитета государства, которая явилась типичным продуктом холодной войны. С помощью теории функционального иммунитета западные страны во главе с США получили еще один рычаг воздействия на социалистические и развивающиеся страны в интересах собственных монополий. На протяжении всего времени существования система социализма юристам социалистических стран удавалось общими усилиями отбиваться от теории функционального иммунитета государства, отстаивая собственное видение и понимание гражданско-правовых отношений государства. К сожалению, ряд специалистов по международному частному праву на постсоветском пространстве охотно «повелись» на теорию функционального иммунитета государства, активно продвигая ее принятие в странах СНГ. При этом из совершенно очевидных фактов, свидетельствовавших о неприемлемости теории функционального иммунитета, делались совершенно неправильные выводы. Так, дело швейцарской компании «Noga» некоторые российские юристы восприняли как доказательство правильности их предложения о переходе в отношениях между государствами к теории функционального иммунитета. Об этом свидетельствует пояснительная записка к проекту Федерального закона «О юрисдикционном иммунитете иностранного государства и его собственности», который был внесен в Государственную думу в 2005 году [8]. В указанной записке, в частности, содержится следующее утверждение: «Иностранные суды в каждом конкретном случае, руководствуясь своим национальным правом, решают вопрос, пользуется ли Российская Федерация иммунитетом или нет, что по сути может вести к подчинению Российской Федерации иностранному праву и юрисдикции иностранных судов». Это совершенно правильное утверждение, но какой странный вывод делается на его основании: «Все это свидетельствует о том, что российское законодательство, основанное на концепции абсолютного иммунитета, нуждается в изменении». При этом не принималось во внимание то обстоятельство, что в случае принятия предложенного Федерального закона основанного на функциональном иммунитете, Россия фактически признала бы обоснованность нарушений ее иммунитета иностранными судами, имевшими место ранее, и законность подобных действий в будущем. Однако Государственная Дума России, хотя и не сразу (проект Федерального Закона прошел первое чтение) правиль-

но оценила все отрицательные последствия подобного шага, и в апреле 2011 г. проект указанного Закона, основанный на теории функционального иммунитета, окончательно был отвергнут и снят с обсуждения.

Если давать критическую оценку теории функционального иммунитета, то наиболее существенным ее изъяном является противоречие суверенитету государства. С этих позиций выступала против теории функционального иммунитета советская юридическая наука, остается актуальной эта критика и в настоящее время. И сегодня современно звучит оценка М.М. Богуславского, данная теории функционального иммунитета более полувека назад: «Теория функционального иммунитета несовместима с международным правом, которое ныне призвано организовывать сотрудничество на началах сосуществования, равенства и невмешательства государств. Основной ее порок состоит в том, что она в корне противоречит принципу государственного суверенитета» [1, с. 36]. На этот же изъян указывает Г.К. Дмитриева, являющаяся в российской юридической науке наиболее последовательным противником теории функционального иммунитета: «Государство и суверенитет неотделимы друг от друга так же, как неделим государственный суверенитет. Какую бы деятельность не осуществляло государство, оно всегда выступает как носитель государственной власти, т.е. как jure imperii. Участвуя в частноправовых отношениях, государство не теряет присущее ему качество властности и суверенности» [5, с. 238].

Полностью солидаризируясь с приведенными оценками, считаем необходимым отметить следующее. Теория функционального иммунитета — часть общего наступления западной юридической науки на суверенитет государства. Эта теория, прежде всего, — продукт своего времени. Она появилась в то время, когда роль государства подвергалась переоценке в направлении приуменьшения и принижения его значимости в обществе под воздействием распространения в 1960-70 годы на Западе теории минимального государства или государства «ночного сторожа». Следует отметить, что именно в 1960-е годы в СССР провозглашают программу строительства коммунизма, в ходе реализации которой государство на высшей стадии развития общества должно было отмереть, уступив свое место коммунистическому самоуправлению.

Как видно, заблуждения и наивные представления о роли и месте государства в общественном развитии в 1960–70-е гг. представляли собой общемировую тенденцию. На этом фоне появление теории функционального иммунитета вполне объяснимо и вписывается в общее представления о государстве и направлении его развития. В настоящее время ситуация изменилась: ценность и значи-

мость государства и его суверенитета, как в оценках политологов и юристов, так и в реальности возросли. Современные государства полны решимости защищать свой суверенитет и весьма болезненно реагируют на любое посягательство на него, в том числе и в сфере иммунитетов в гражданско-правовых отношениях, которыми они уже длительное время пользуются. Следует отметить, что нарушают иммунитет иностранного государства судебные учреждения, но эти действия воспринимаются как недружественные в отношении государства в целом и негативно влияют на межгосударственные отношения. Можно привести в качестве примера дело швейцарской фирмы «Нога», чьи попытки использовать правовые системы Франции, Швейцарии и других государств, чтобы добиться удовлетворения финансовых претензий со стороны России, деструктивно воздействовали на межгосударственные отношений названных государств и Российской Федерации [2, с. 225-228]. Такое же негативное воздействие оказало дело Ф. Зендельмайера на российско-германские отношения [12]. Безусловно, не добавило позитива в отношениях России и США недавнее дело о принадлежности библиотеки Шнеерсона [11].

В итоге теория функционального иммунитета, выдвинутая как новый и прогрессивный подход в сфере регулирования гражданско-правовых отношений с участием государства, начала создавать серьезные проблемы в межгосударственных отношениях. Это в очередной раз доказывает, что не всегда переход к новым теоретическим построениям, на первый взгляд, логичным и правильным, на практике означает прогрессивное развитие права. На наш взгляд, теория абсолютного иммунитета более соответствует практике развития сотрудничества государств, нежели теория функционального иммунитета. Не позволяя иностранным судам осуществлять юрисдикцию в отношении государства, теория абсолютного иммунитета создает необходимую «подушку безопасности» в отношениях государств, препятствует возникновению конфликтов и трений, которые возможны в самых тесных интеграционных образованиях, примером чему может служить конфликт по вопросу иммунитетов между Германией и Италией, который был разрешен Международным Судом ООН. При этом следует отметить, что Международный Суд стал на сторону Германии, практически единогласно поддержав иммунитет государства, несмотря на то, что итальянская сторона приводила аргументы о приоритете важнейших прав человека над иммунитетом государства.

По нашему мнению, современные реалии международных отношений со всей определенностью свидетельствуют в пользу теории абсолютного иммунитета государства в гражданско-правовых от-

ношениях. Суверенитет государства в современном мире неизмеримо вырос в цене и превратился в абсолют по сравнению с 60-70 годами прошлого столетия, когда получила распространение теория функционального иммунитета. К тому же названная теория была предложена и поддержана «старыми» государствами. Сегодня в мире появились новые центры силы – Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, отвергающие модель постмодернистского государства, готового жертвовать суверенитетом ради экономического процветания, и на практике утверждающие абсолютный суверенитет в духе Томаса Гоббса.

В связи с вышеизложенным в основу предлагаемого проекта Конвенции об иммунитете государств-членов ЕврАзЭС следует положить теорию абсолютного иммунитета государства. Автором подготовлен проект Конвенции «Об иммунитете государств-членов Евразийского экономического сообщества», основанный именно на этой теории.

Список литературы

1. *Богуславский М.М.* Иммунитет государства / М.М. Богуславский. – М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. – 169 с.

2. *Богуславский М.М.* Практика применения принципа иммунитета государства и проблема законодательного регулирования / М.М. Богуславский // Международное частное право: современная практика: сб. ст. под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. – М.: ТОН – Остожье, 2000. – С. 225-228.

3. Казахстан ратифицировал Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности // [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/news.asp?id=107349 Дата доступа: 01.04.2013.

4. Лавров обвинил Госдеп в «вялой позиции» по делу библиотеки Шнеерсона // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа http://www.aif.ru.politics/news/291551 Дата доступа: 10.03.2013.

5. Международное частное право: учебник / Г.К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 3-е изд. – М.: Проспект, 2010. – 656 с.

7. О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: Конвенция Организация Объединенных Наций, принята в г. Нью-Йорке 2 декабря 2004 года // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

8. Постановление Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 14 ноября 2003 года № 13 «Об имплементации международных норм и принципов в сфере обеспечения иммунитета государства и его собственности в законодательства государств-членов ЕврАзЭС» // [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: http://www.busel.org/texts/cat9ad/id5fwreen.htm Дата доступа: 01.04.2013.

9. Проект Федерального закона № 127618-4 «О юрисдикционном иммунитете иностранного государства и его собственности» (ред. принятая ГД ФС РФ в I чтении 11.03.2005) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

10. Список подписаний и ратификаций Европейской конвенции об иммунитете государств (ETS № 74) // [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=24704 Дата доступа: 01.04.2013.

11. Статус Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» // [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons /cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=49619 Дата доступа: 01.04. 2013.

12. Суд в США обязал Россию выплачивать по 50 тыс. долларов ежедневно за библиотеку Шнеерсона // [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: http:www.newsru.com/religy/17jan2013/shneers.htnl Дата доступа: 20.02.2013.

13. Франц Зендельмайер против России: все дело в доме // [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: http://www.mknews.de/news/ 2012/08/24/740365-frants-zedelmayer-protiv-rossii-vse-delo-v-dome.html Дата доступа: 29.03.2013.

14. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening) // [Elektronic resource] 2013. – Mode of access: http://www.icj-cij.org/docket/index Date of access: 08.11.2012.

М.Е. Бодыкова
Академия финансовой полиции
Агентства Республики Казахстан
по борьбе с экономической и
коррупционной преступностью;
г. Астана, Республика Казахстан

О должностных лицах иностранного государства или международных организаций как субъекте дачи и получения взятки

Аннотация. В данной статье рассматриваются рекомендации международных организаций по борьбе со взяточничеством. Автор приводит правовой анализ привлечения к уголовной ответственности должностных лиц иностранного государства и международных организаций за дачу и получение взятки.

Ключевые слова: должностные лица, дача и получение взятки, уголовная ответственность за взяточничество, субъекты преступления.

Abstract. This article reviews the recommendations of international organizations to combat bribery. The author gives a legal analysis of criminal

liability for giving and receiving bribes to foreign officials and international organizations.

Keywords: officials, giving and accepting bribes, criminal liability for bribery, the subjects of the crime.

Среди глобальных проблем современности, от решения которых зависит дальнейшее развитие мирового сообщества в новом столетии, выделяется проблема эффективного противодействия преступности. В условиях глобализации преступность стала вызовом мировому развитию. Можно с определенной долей уверенности сказать, что все мировое сообщество находится сегодня в поисках верного алгоритма преобразований, расстановки акцентов и оптимального совмещения приоритетов в борьбе с преступностью.

Полагаем, в целом, в Республике Казахстан выстроена государственная система борьбы с преступностью. Залогом ее успеха является, прежде всего, наличие сильной и твердой политической воли Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Глава государства Нурсултан Назарбаев в своем послании «Стратегия Казахстан – 2050: новый политический курс состоявшегося государства», обозначая обязательные условия дальнейшего развития страны, поручил усилить борьбу с коррупцией, так как коррупция – не просто правонарушение. Оно подрывает веру в эффективность государства и является прямой угрозой национальной безопасности. В этой связи главным направлением внутренней политики государства должны стать меры по противодействию коррупционным правонарушениям. Приоритеты здесь заключаются в усилении профилактической работы, повышении среди населения правовой культуры и доверия к государственным органам. И выступить против коррупции нужно всем обществом. От этого зависит судьба и безопасность каждого казахстанца и страны в целом.

Обратим внимание на пожелание п. 4 примечания к ст. 311 УК РК, где к должностным лицам применительно к даче взятки и получению взятки относятся должностные лица, указанные в примечаниях к статье 307 УК РК, а также должностные лица иностранных государств или международных организаций.

Здесь сразу возникает целый ряд вопросов. Принимают ли иностранные должностные лица властные решения в рамках казахстанской государственной и правовой системы? В каких случаях? Если, согласно требованиям законодательств, регулирующим порядок вступления на государственную службу, иностранные граждане и лица без гражданства не могут быть субъектом государственной службы, то причем здесь Казахстан и почему не оставить прерогати-

вы привлечения к уголовной ответственности иностранных должностных лиц тем государствам, от имени которых иностранные должностные лица осуществляют свои властные полномочия? Неужели ситуация с коррупцией в стране обстоит столь благополучно, что законодатели решились направить свои усилия на «помощь» иностранным государствам на поприще искоренения этого объективного зла? Понятно, что поставленные здесь вопросы имеют сугубо риторический характер. Рационально ответить на них невозможно, что делает для нас еще более загадочным смысл соответствующих положений уголовного законодательства.

Можно, конечно, предположить, что появление этой идеи связано со стремлением Казахстана в перспективе интегрироваться в международные экономические организации, в частности, в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Уже сейчас Республика стремится имплементировать в свое законодательство различные акты этой и других организаций. Судя по приведенному выше положению, мы не исключаем, что законодатель обратил внимание на так называемую Антикоррупционную Конвенцию ОЭСР [1][1], которая вступила в силу 15 февраля 1999 г. Данная Конвенция, действительно, обязывает ратифицировавшие ее государства бороться с «коррупцией иностранных должностных лиц». Но если внимательно вчитаться в текст самой Конвенции, то выяснится, что в нем ни словом не упоминается о так называемой пассивной коррупции, то есть об ответственности собственно иностранных должностных лиц. Речь в ней идет совершенно о другом — о необходимости борьбы с так называемой активной коррупцией, то есть с любыми попытками дачи взяток иностранным должностным лицам и иными формами их подкупа. В такой ситуации совершенно непонятно, зачем «уточнять» перечень иностранных должностных лиц, подлежащих ответственности по уголовному законодательству РК. Антикоррупционная Конвенция ОЭСР этого от них совершенно не требует. Если законодатель предполагает следовать положениям данной Конвенции, рекомендуемым в качестве международного «стандарта» даже для тех стран, которые не являются членом ОЭСР, то от него требуется другое — предусмотреть уголовную ответственность казахстанских граждан, а также иных лиц, действующих на территории Казахстана, не только за дачу взятки и иные формы подкупа, совершенные в отношении казахстанских должностных лиц, но и за те же действия, совершенные в отношении иностранных должностных лиц. Иными словами, если казахстанский предприниматель пытается дать взятку или ока-

[1] Ее полное название — Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций [2].

зать услугу иностранному должностному лицу за продвижение своего товара на рынке соответствующего иностранного государства, то он должен нести уголовную ответственность не только по законодательству данного государства (классический подход), но и по казахстанскому уголовному законодательству, независимо от того, объективно полезны или вредны его действия для казахстанской экономики (новейший подход, рекомендуемый ОЭСР [3]).

Таким образом, каковы бы ни были намерения властей в международно-экономической плоскости, не существует ни теоретических, ни международно-правовых оснований для «пересмотра» «понятия должностного лица в целях уточнения перечня иностранных должностных лиц, которые могут быть субъектами отдельных коррупционных преступлений». Субъектами «отдельных коррупционных преступлений» должны быть в данном случае лица, подлежащие ответственности по УК РК с точки зрения классических положений о действии уголовного закона во времени и в пространстве, а «понятие должностного лица» может уточняться лишь в смысле криминализации различных форм подкупа не только казахстанских, но и иностранных должностных лиц (активная коррупция). Что же касается уголовной ответственности собственно иностранных должностных лиц (пассивная коррупция), то заботу о ней, видимо, следует оставить властям тех государств, которые они представляют.

Список литературы

1. OECD Anti-Bribery Convention

2. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions

3. Новый английский Закон о коррупции (Bribery Act) 2010 года, вступивший в силу с 1 июля 2011 г.

Ю.А. Волошин

Мариупольский государственный университет;

г. Мариуполь, Украина

Взаимодействие правопорядка межгосударственных объединений и конституционного правопорядка государств (на примере ЕС, Совета Европы, СНГ)

Аннотация. В статье систематизированы средства взаимодействия правопорядка межгосударственных объединений и конституционного правопорядка государств. Даются различные способы классификации процесса согласования международного и национального права и средств интерна-

ционализации внутригосударственного права, а также их подробная характеристика с позиций различных исследователей в данной области.

Ключевые слова: интернационализация, межгосударственная интеграция, международно-правовые нормы, модельный акт, гармонизация.

Abstract. The article systematizes the interaction facilities of interstate associations' law and order and the constitutional order of states. The different ways of classifying the process of international and national law harmonization and the internationalization of domestic law, as well as their detailed characterization in terms of various researchers in present field are given there.

Key words: internationalization, interstate integration, international legal norms, transformation, modal act, harmonization.

На постсоветском правовом пространстве в правотворческой работе органов межгосударственных интеграционных объединений уделяется значительное внимание модельным нормативно-правовым актам. Несмотря на то, что существуют различные дефиниции таких источников — «типичный (модельный) законодательный акт» [1, с. 97-100], «типовой проект» [2], «нормативный правовой акт» [3], они стали предметом не только научных дискуссий, но и широко используются в законотворческой работе законодательных органов власти государств СНГ. Можно согласиться с мнением Б.М. Лапина, что Межпарламентская Ассамблея СНГ накопила тот опыт, который не имеет аналогов в практике международных сообществ, опыт создания модельных законов, используемых парламентами СНГ для унификации и развития различных отраслей внутреннего права своих государств. Ею принято и рекомендовано к использованию более 100 типовых нормативно-правовых актов [4, с. 22].

В научном обороте появилось понятие международной модельной нормы и модельного нормотворчества [5, с. 2]. В отечественной доктрине конституционного права под модельным законом понимают законодательный акт рекомендательного характера, содержащий типовые нормы и дающий нормативную ориентацию для определенного количества национальных законодателей [6, с. 284]. В научной литературе также отмечается, что международная модельная норма обязывает государство или другие субъекты разработать и принять правовой акт или отдельные нормы (международные или внутригосударственные) в соответствии с содержанием.

Модельное правотворчество при этом выступает частью международной правовой унификации, которая понимается как правотворческий процесс, направленный на создание единых или однообразных правовых норм не только с целью исключения противоречий и различий между национальными правовыми системами или между международно-правовыми нормами, но и с целью создания новых норм, которые заполняют пробелы в регулировании со-

ответствующих вопросов. Ю.С. Безбородов в соотношении категорий «правовая унификация» и «модельное правотворчество» выделяет следующие критерии. Так, результатом унификации является унифицированный акт, содержащий унифицированные нормы, а результатом модельного правотворчества выступает унифицированный акт, содержащий модельные нормы, на основе которых создается унифицированный акт, закрепляющий унифицированные нормы. Таким образом, по мнению ученого, модельное правотворчество является первой стадией в процессе правовой унификации — международно-правовой или внутригосударственной [5, с. 5].

Более широкое использование, как в научной литературе [7, с. 170-185; с. 79-83], так и на законодательном уровне получили модельные законы, которые рассматриваются как важное средство гармонизации. Кроме того, Ю.А. Тихомиров как особую форму модельных актов называет доктринальные законопроекты, подготовленные учеными и их коллективами, отдельными специалистами [8, с. 88].

Нормативное определение модельного закона (рекомендательного законодательного акта) содержит ст. 15 Регламента Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Это примерный законодательный акт, принимаемый Ассамблеей с целью ориентирования согласованной законодательной деятельности Сторон Соглашения [9], т.е. с целью согласования правовой политики и сближения законодательства. Структуру модельного закона представляют систематизированные нормы, призванные регулировать соответствующую отрасль общественных отношений, общие положения, базовые принципы, основные условия. Ю.А. Тихомиров разновидностями модельных актов называет общие принципы и основы, образцовый закон, модель кодекса, основные условия, основные положения [8, с. 91].

При рассмотрении вопроса о механизмах осуществления правовой интеграции (унификации и гармонизации) нередко отмечается, что заключение международных конвенций и принятие модельных законов являются главными и эффективными средствами сближения правовых систем [10, с. 193]. Более того, некоторые специалисты указывают, что модельный закон как средство создания единообразного права имеет даже определенные преимущества касательно такого инструмента гармонизации права, как международный договор. Эти преимущества, по мнению А.П. Коровиной, обусловлены тем, что использование модельного закона дает возможность выработать нормы качественно новые, более совершенные, учитывая специфику современных отношений, поскольку государство, принимая их, имеет право частично видоизменять, адаптировать к особенностям своей правовой системы, отменить в одностороннем порядке,

если они оказываются малоэффективными. К тому же, процесс создания модельных законов, процедура принятия и изменения созданных на их основе норм национального права гораздо проще и требуют меньших затрат времени и сил, чем при разработке международной конвенции. Все это, по мнению Е.П. Коровиной, делает модельный закон более гибким и эффективным инструментом для создания однообразных норм, в отличие от международного договора, а механизму правовой интеграции на основе модельного закона добавляет «менее связующего характера» [11, с. 41].

По мнению В.Г. Вишнякова, модельный акт является типичным образцом нормативного правового регулирования конкретной сферы общественных отношений, как примерный акт, ориентирующий национального законодателя в правотворческой деятельности, и как целенаправленное воздействие наднационального органа на национальную законотворческую практику государств-участников межгосударственного объединения. Он позволяет обеспечить общность концептуальных подходов и подробную согласованность развития национальных законодательных систем государств-членов [12, с. 50].

Следует отметить, что модельный закон как способ создания единообразного правового регулирования использовался еще в конце XIX в. в форме конвенций [11, с. 41]. Практика разработки соответствующих конвенций сопровождалась однообразным законом и не получила распространения. Однако в середине XX в. было подготовлено несколько международных конвенций, сопровождавшихся однообразными законами. Сейчас модельные законы принимаются как на универсальном, так и на региональном уровне. В ЕС на региональном уровне можно отметить закон, который прилагается к договору и который стал средством гармонизации в интеграционном еврорегионе Бенилюкс [13, с. 98-105]. Следует вспомнить и Модельный гражданский кодекс, который использовался при разработке национальных гражданских кодексов стран СНГ, Типовой закон о международном коммерческом арбитраже, принятый резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1985 г.

Модельные акты, как правило, разрабатываются международными организациями, реже государствами и затем предлагаются законодательным органам разных стран в качестве образца, на базе которого может быть принят тот или иной правовой документ [8, с. 88]. При этом, однако, в большинстве случаев ни одно государство не связано априори обязательством использовать эту модель. Исключение составляют лишь случаи, когда принятие внутригосударственного правового акта на основе модели является уставным

долгом государства, являющегося членом международного интеграционного объединения (международной организации).

Другого, негативного, мнения о сближении национального законодательства на основе модельных актов придерживается французский ученый Р. Давид. Он отмечал, что существенными недостатками модельного законотворчества является, во-первых, возможность внесения в модель исправлений (что вполне естественно для любой законодательной процедуры), во-вторых, опасность того, что государство впоследствии внесет изменения в принятый национальный акт или вообще от него откажется. Все это, по мнению Р. Давида, не может обеспечить однообразия правового регулирования, и поэтому модельное законотворчество имеет лишь теоретическую ценность [7, с. 170-185].

Обобщая анализ правовой природы модельного закона, следует привести мнение ведущего специалиста по данной проблематике С.В. Багина: принципиальное обстоятельство, которое надо констатировать по сближению правовых систем государств на основе модельных актов, заключается в том, что при этом осуществляется не унификация, т.е. создание единых правовых норм, которые бы действовали во всех государствах, использующих данный акт, а гармонизация права, т.е. создание схожих норм национального права. То, что в результате использования моделей создается не единственное право, а похожие акты (или нормы) национальных правовых систем, существенно влияет на механизмы функционирования, толкования и применения таких норм [7, с. 170-185].

Считаем, гармонизация национального законодательства на основе модельных законов является менее эффективной процедурой в тех случаях, когда различия между системами права государств столь существенны, что их ликвидация может быть лишь постепенной. Другим случаем, когда использование модельных актов считается продуктивным средством, выступает ситуация, когда в государствах еще отсутствуют определенные отношения правового регулирования, а использование модельного акта сразу позволяет сформировать соответствующие национальные акты в различных правовых системах.

Продолжая анализ процессов гармонизации, нельзя обойти определенный опыт европейской межгосударственной интеграции. Ведь самый высокий результат средство гармонизации дает Европейскому Союзу. Как отмечает Н.Г. Доронина, законодательная деятельность органов Союза, направленная на гармонизацию права, привела к наиболее высокой степени интеграции [14, с. 58].

Европейские юристы рассматривают формирование и развитие категории «гармонизация права» главным образом сквозь

призму процессов межгосударственной интеграции. Немецкий исследователь Х. Штайн отмечал, что устранение различий между нормами национального права государств-членов ЕС осуществляется через механизм их сближения, или аппроксимацию. Он означает достижение определенного уровня единства в законодательстве, когда достигается так называемый «коридор колебаний», с помощью которого задаются общие параметры нормативно-правовых актов органами государства [15, с. 45]. Похожее определение дает Ханссон – «координация действий при осуществлении экономической политики и мер по снижению различий при их осуществлении» [15, с. 45]. По мнению Д. Исаева, в этих определениях делается упор на гармонизацию не только материальных норм, но и правоприменительной практики [16].

Однако межгосударственные правовые интеграционные процессы в рамках ЕС имеют комплексный и универсальный характер. Это означает, что процессу гармонизации подвергаются в определенной степени все основные отрасли национального права государств-членов. Кроме так называемых материальных норм отраслей права, интеграционные процессы охватывают и процессуальные аспекты правового регулирования. Однако можно констатировать: если ряд отраслей права уже подвергся успешной гармонизации, в результате чего принят целый комплекс регламентов и директив в ЕС, то остается немало проблем, связанных, в частности, с «торможением» интеграционного процесса в некоторых сферах функционирования самого ЕС.

Благодаря комплексным процессам гармонизации стало возможным создание общего, а затем и единого рынка в рамках ЕС. Этот метод получил законодательное закрепление как в договоре о Европейском Сообществе, так и в договоре, который образовал Европейский Союз (Маастрихтский договор 1992 г.) [17]. Кроме того, Маастрихтский договор закрепил гармонизацию и относительно определенных совместных действий государств-членов ЕС в сфере юстиции и внутренних дел. В частности, ст. 29 договоров закрепляет гармонизацию положений уголовного права государств-членов ЕС как один из путей достижения высокого уровня безопасности их граждан. Ст. 31 Договора устанавливает необходимый минимум правового регулирования уголовно-правовых отношений на уровне Евросоюза [17].

К нормативно-правовым актам ЕС относятся: 1) регламент; 2) директива; 3) рамочное решение. Подобная классификация источников вторичного коммунитарного права закрепляется в Договоре об учреждении ЕС (ст. 249). Указанный перечень видов нормативно-правовых актов не является исчерпывающим.

Основным нормативно-правовым актом, который гармонизирует законодательство в этой сфере, оказалось рамочное решение (ст. 34 (2) b). В отличие от директив рамочные решения не имеют прямого действия в праве государств-членов ЕС. Однако во всех других аспектах они аналогичны директивам, являются обязательными для государств относительно конечного результата гармонизации, а также дают возможность выбора средств ее достижения. Гармонизационно-правовым актом в праве ЕС стала также конвенция. Она принимается советом ЕС и имплементируется к праву государств-членов в соответствии с их конституционными процедурами (статья 34(2)d).

Обращаясь к нормативному закреплению понятия гармонизации, необходимо отметить, что в праве Европейских Сообществ используются различные термины для обозначения процессов приближения норм национального и европейского права. Так, Договор, учреждающий Европейское Сообщество, содержит понятия «аппроксимация» (ст. 3, 94, 136) и «гармонизация» (ст. 93, 129, 149, 150 и 174).

Анализ практического опыта имплементации права ЕС с национальным правом государств-членов, проведенный Д. Исаевым, показывает, что различий между этими понятиями нет. Вместе с тем, термин «гармонизация» применяется юристами ЕС с целью отражения всех процессов создания гомогенной правовой среды в рамках европейских интеграционных объединений, так что гармонизация не требует от государств-членов принятия одинаковых законов. В ЕС применяются три подхода, основанные на сочетании норм нескольких правовых систем, использовании норм отдельной правовой системы, а также внедрении норм, новых для права государств-членов ЕС. С момента создания Европейских Сообществ гармонизация осуществляется преимущественно на основе третьего подхода, путем внедрения норм, новых для права государств-членов ЕС, через принятие директив — основных правовых актов гармонизационного строительства [16].

В науке европейского права этот феномен получил название «модели полной гармонизации» [18, с. 31]. Со временем она была заменена на относительно новую в праве ЕС модель минимальной гармонизации. В доктрине европейского права этот подход к гармонизации также известен как метод создания гармонизированных технических стандартов. Быстрое развитие новых технологий привело к появлению новых технических барьеров на пути реализации свободы перемещения товаров и услуг. Часто этот фактор использовался отдельными государствами ЕС для защиты интересов собственных производителей, что нарушало конкуренцию на общем

рынке. Установление минимальных стандартов позволяло решить эти проблемы. Гармонизация законодательства стала осуществляться только по нормативам и требованиям, которые касаются безопасности и защиты здоровья, интересов и прав пользователей.

По сравнению с моделью полной гармонизации установление минимальных стандартов не препятствует научно-техническому развитию, так как при определении основных направлений гармонизации в таких сферах, как социальная защита, интересы и права пользователей, экологические нормативы, в утвержденных стандартах предусматривается возможность их изменения с учетом новых научных достижений.

Появление в праве ЕС разнообразных моделей гармонизации свидетельствует, во-первых, о его динамичном развитии, постоянной эволюции процесса гармонизации, поиске новых форм и методов, который получает легальное закрепление в первичном и вторичном праве ЕС. Кроме того, толкование нормативных актов гармонизационного характера Судом ЕС позволило выработать основные принципы гармонизации: транспарентность, взаимное доверие, контроль страны происхождения товара, единое лицензирование.

Существенным фактором протекания процессов гармонизации в ЕС стала деятельность Суда ЕС, который в своих решениях по целому ряду дел, связанных с существованием и осуществлением общих принципов и стандартов в рамках Европейских Сообществ, фактически и юридически «вывел» многие сферы правового регулирования из сферы внутригосударственного регулирования на орбиту коммунитарного порядка, нередко используя при этом элементы наднациональности в его компетенции и общеобязательность решений Суда ЕС.

Это приводит нас к выводу о наличии нормативных основ, определяющих специфику компетенции Суда ЕС в анализируемой сфере гармонизации. Кроме всего прочего, практика Суда ЕС во многом определила выбор конкретных направлений, форм и способов гармонизации права государств-членов с правом Европейского Союза.

Значительную роль в процессах гармонизации права государств-членов ЕС играет деятельность Европейской Комиссии, которая согласно Лиссабонскому договору выполняет функции правительства ЕС. Именно этот институт определил конкретные сферы, механизмы и способы коммунитаризации в ЕС. Указанная деятельность, прежде всего, связана с принятием Европейской Комиссией документов, которые наметили как пути дальнейшего совершенствования сближения национального законодательства стран-членов ЕС в соответствующих областях, так и перспективы внедре-

ния единых инструментов правового регулирования в рамках всего интеграционного объединения.

Среди средств интернационализации национальных правопорядков и правовой интеграции особое место занимает создание организационно-правового механизма гармонизации законодательства. Вместе с тем именно создание такого механизма фактически является главной теоретической и практической проблемой функционирования ЕС. Ведь осуществление эффективной межгосударственной интеграции будет зависеть именно от него. Однако нельзя говорить, что сложилась некая единая, универсальная схема гармонизации национального права государств Европы. Сами механизмы варьируются в разных государствах, функционируют с учетом особенностей политической и правовой систем, специфики исторического развития каждого народа и статуса соответствующего государства.

Список литературы

1. Основные положения программы модельного правотворчества в Содружестве Независимых Государств // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи СНГ. – М., 1997. – Вып. 12. – С. 97-100.

2. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // Бюллетень международных договоров Российской Федерации. – 2000. – № 5.

3. Устав Союза Беларуси и России // Информационный бюллетень Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. – 1998. – № 1.

4. *Лапин Б.Н.* О проблемах межгосударственной интеграции гражданско-процессуального законодательства / Б. Н. Лапин // Актуальные проблемы международного гражданского процесса : тез. докл. междунар. конф., 10–11 окт. 2002 г. / гл. ред. Л.Н. Галенская. – СПб., 2002.

5. *Безбородов Ю.С.* Международные модельные нормы :автореф. канд. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.10 Международное право, Европейское право / Ю.С. Безбородов. – Казань, 2003.

6. *Колодій А.М.* Використання розроблених у СНД модельних законів як засіб вдосконалення законодавства України // Проблеми гармонізації законодавства України з міжнародним правом. Матеріали науково-практичної конференції. Гол. ред. кол. В.Ф. Опришко. – К.: Інститут законодавства Верховної Ради України, 1998.

7. *Бахин С.В.* Модельное право / С.В. Бахин // Правоведение. 2003. № 1. – С. 170-185; *Бахин С.В.* Понятие и механизмы международно-правового сближения правовых систем / С.В. Бахин // Российский ежегодник международного права, 2001. – СПб.: Россия-Нева, 2001. – С. 79–83; *Безбородов Ю.С.* Международные модельные нормы: автореф. канд. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.10 Международное право; Европейское право / Ю.С. Безбородов. – Казань, 2003. – 29 с.

8. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Инфра-Норма, 1996.

9. Регламент Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: http://www.iacis.ru/data/normdoc/regl-ipa.doc

10. *Апсель М.* Сравнительное право и унификация права / М. Апсель // Очерки сравнительного права / сост., пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М., 1981.

11. *Коровина О.П.* Методы унификации норм международного частного права: (На примере международного частного морского права) / О. П. Коровина // Торговое мореплавание и морское право. М., 1986. – Вып. 13.

12. *Вишняков В.Г.* Право и межгосударственные объединения / В.Г. Вишняков, В.Н. Елизаров, Ю.А. Королев и др. ; под общ.ред. В.Г. Вишнякова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

13. *Швыдак Н.Г.* Правовое сотрудничество и унификация права стран Бенилюкса. Ч. 1 / Н.Г. Швыдак // Законодательство зарубежных государств. Обзорная информация. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 1–28; *Швыдак Н.Г.* Унификация права стран Бенилюкса / Н.Г. Швыдак // Журнал российского права. – 1997. – № 10. – С. 98-105.

14. *Доронина Н.Г.* Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции / Н.Г. Доронина // Журнал российского права. – 1998. – № 6.

15. *Laan R. Van der* Harmonization versus differentiation. EU environmental policy with respect to stationary sources / R. Van der Laan. – Groningen, 2002.

16. *Исаев Д.* Основные теории гармонизации законодательства в процессе формировании общих пространств Россия – ЕС [Электронный ресурс] / Д. Исаев // Документы РЕЦЭП. – Режим доступа :http://www.recep.ru/ru/group-eurf-docs.php?subaction=showfull&id=111221960&ucat=19

17. Маастрихтський договір від 17 лютого 1992 р. //«Україна – Європейський Союз: зібрання міжнародних договорів та інших документів (1991 – 2009)»/ За заг. ред. С.О. Камишева. – К.: Юстиніан, 2010.

18. Hans-Dieter Kuschel Harmonization of legislation: experience of EU member state sand countries of Easternand Central Europe // Ukrainian law review. – 2004. – № 2.

А.М. Воронцов, М.Н. Никанорова
Научно-образовательный центр
экологической безопасности
Балтийского института экологии, политики и права,
А.В. Медимнов,
Государственный университет кино и телевидения,
Б.Б. Тангиев
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Модернизация системы экологической безопасности на основе инновационных методов оперативного реагирования на загрязнение вод и морской среды

Аннотация. Представлены результаты исследований, проведенных на межотраслевой основе, позволяющие модернизировать качество экологического мониторинга, обеспечить действенность Системы экологической безопасности и предупреждения чрезвычайных экологических ситуаций, вызванных эмиссией загрязняющих веществ в водной среде.

Ключевые слова: экологический мониторинг, чрезвычайные ситуации, латентность экологической преступности, экологическая безопасность, диверсионные действия, террористический акт, отравляющие химические вещества, химическое воздействие на природные воды, датчики экологической сигнализации, экокриминология, методы автоматического контроля воды.

Abstract. Results of researches lead on the inter-branch basis are presented, allowing to modernize quality of ecological monitoring, to provide effectiveness of the System of ecological safety and prevention of environmental emergencies caused by emissions of polluting substances in the aquatic environment.

Keywords: ecological monitoring, emergencies, latency of ecological criminality, an ecological security, subversion actions, the act of terrorism, poisoning chemicals, chemical influence on natural waters, gauges of the ecological signal system, methods of the automatic control of water.

На протяжении последних пятнадцати лет группа ученых химиков, экологов, юристов и практиков, работающих в организациях и учреждениях Санкт-Петербурга, принадлежащих различным ведомствам (РАН, МЧС, МВД, Минтранс, Минобрнауки РФ), ведет межотраслевые (междисциплинарные) исследования и разработки по обеспечению действенности Системы экологической безопасности, в частности, в области предупреждения ЧС природного и техногенного характера, снижения латентности транснациональной экологической преступности и противодействия экокоррупции, экологическому терроризму. Координацию работ выполняет юридическая секция МАНЭБ (действительными членами которой являются авторы настоящей статьи).

В 2010 году для научного обеспечения совместных исследований в этой области Балтийским институтом экологии, политики и права организован межфакультетский научно-образовательный Центр экологической безопасности (ЦЭБ БИЭПП), деятельность которого нацелена на выполнение фундаментальных исследований, решение прикладных инновационных задач, повышение качества основного и дополнительного образования экологов и юристов.

1. Состояние проблемы оперативного реагирования при раннем выявлении химического загрязнения вод и морской среды

Существующая концепция экологического мониторинга основана на периодическом, проводимом строго по графику, измерении ограниченного количества заранее определенных параметров и построении рядов наблюдений. Выполняя прогностическую функцию, экологический мониторинг не позволяет пресечь противозаконную деятельность и «схватить за руку» правонарушителя кратковременного аварийного или нелегального сброса, момент его непредсказуем. В итоге институт неотвратимости наказания исключается.

Декларированные в 1994 г. работы по созданию в России Единой государственной системы экологического мониторинга (ЕГСЭМ) фактически свернуты, что можно объяснить реальной необходимостью развития не столько систем мониторинга, сколько систем оперативного контроля качества природных объектов, желательно, непрерывного контроля «в реальном времени»: именно такой подход может обеспечить экологическую безопасность, в частности, безопасность водоснабжения населения. Открытые протяженные источники водоснабжения природного происхождения (реки, озера) и искусственные (водохранилища, каналы) часто подвергаются аварийным и нелегальным сбросам промышленных предприятий, но наиболее они уязвимы в диверсионно-террористическом отношении, в частности, легко доступны для химических атак. В то время, как террористические акты носят демонстративный, устрашающий характер, диверсионные действия могут быть скрытными, то есть, иметь высокую латентность (до 97-99%), характерную для экологических преступлений по Главе 26 УК РФ, связанных с эмиссией опасных веществ в окружающую среду [1]. Очевидно, что раннее выявление факта химической атаки на источник водоснабжения крупного населенного пункта может предотвратить масштабную катастрофу.

Существующие методы химразведки нацелены, во-первых, на ограниченную номенклатуру табельных отравляющих веществ, во-вторых, рассчитаны на применение в воздушной и наземной обстановке, но не в водной среде, где реакция распада иная и носит более длительный, необратимый характер. Отсюда, гораздо сложнее

определить причинно-следственную взаимосвязь при инкриминировании признаков преступления, предусмотренных соответствующей статьей УК РФ и закреплении доказательной базы. Кроме того, в качестве химического агента при диверсионно-террористической деятельности может быть использовано большинство известных и синтезированных к настоящему времени химикатов, общее число которых в 2009 г. достигло ста миллионов. Эти искусственные химические конструкты чужды нормальным процессам метаболизма как человека, так и водных организмов и микроорганизмов, в большинстве своем они не могут не быть токсичными, канцерогенными или мутагенными. Не удивительно, что методов и средств химразведки водной среды, рассчитанных на быстрое обнаружение присутствия токсичных веществ любой неизвестной природы, не существует ни в нашей стране, ни за рубежом.

В экологической аналитике наметилась тенденция перехода от контроля конкретных веществ в объекте к контролю состояния самого объекта, поскольку в большинстве случаев адресату аналитической информации необходимо знать: состояние объекта «в норме» или состояние объекта «не отвечает норме». Только во втором случае адресат информации должен принимать решение и действовать. Только второй вариант влечет необходимость оперативных действий по обеспечению безопасности, в частности, дополнительному исследованию объекта с целью поиска конкретного химического агента, повлекшего отклонение от нормы, т.е. причастного к совершению выявленного правонарушения или преступления. В данном контексте под нормой следует понимать заранее определенное среднестатистическое значение контролируемой величины.

К настоящему времени хорошо изучены зависимости состава и свойств растворенного органического вещества (РОВ) вод, органического вещества почв и донных отложений от особенностей функционирования соответствующих экосистем и их компонентов. Например, суммарное количество и соотношение легкоокисляемых и трудноокисляемых РОВ позволяют судить о таких важнейших характеристиках водоемов, как первичная продуктивность и степень эвтрофирования; относительное содержание водорастворимых, трудноокисляемых и легкоокисляемых гуминовых веществ — о степени антропогенной нагрузки на почвы. Отметим, что во всех случаях речь идет о совокупности органических веществ биогенного происхождения, их равновесное содержание в экосистеме поддерживается метаболизмом элементов биоты и изменяется при любом негативном воздействии на эти элементы. Так, РОВ водоемов и водотоков представляет собой, в основном, смесь внешних метаболитов фитопланктона, зоопланктона, бактериопланктона со значи-

тельной добавкой продуктов биодеградации вещества наземных и почвенных стоков, а эмиссия в водоем угнетающих или стимулирующих биоту веществ любой априори неизвестной природы неизбежно приводит к нарушению равновесия и резкому изменению, как общего содержания, так и устойчивости (биодоступности) растворенного органического вещества.

Постулирование невозможности любого внешнего химического воздействия на природные воды, которое не приводит к изменению продукционно-деструкционного баланса, то есть, к изменению состава и свойств РОВ, позволило использовать РОВ как естественный природный индикатор, дающий быстрый отклик на химическую атаку с участием одного или нескольких априори неизвестных опасных веществ любой природы.

К настоящему периоду наших исследований аналогов предлагаемого метода и разрабатываемых средств не существует, поскольку сама задача неспецифической химразведки водной среды путем непрерывного в реальном времени автоматического поиска гидрохимических аномалий по изменению системы интегральных показателей в международной практике поставлена впервые.

2. Основные результаты исследований научного коллектива по обеспечению действенности Системы экологической безопасности, предупреждения чрезвычайных экологических ситуаций и противодействия экопреступности

2.1. Сформулирована *концепция молекулярной биоиндикации* состояния водных экосистем, требующая изучения воздействия химического загрязнения на водную биоту не на ставшем привычным уровне изучения популяций, организмов или отдельных клеток, а на уровне изучения внешних метаболитов гидробионтов — растворенного органического вещества биогенного происхождения [2].

2.2. Сформулирована *концепция неспецифической химразведки*, требующая поиска неселективных интегральных показателей качества природного объекта, аномальные изменения которых имманентно связаны с состоянием объекта и могут служить сигналом об аварийной или нелегальной эмиссии в наблюдаемый объект любых активных химических агентов априори неизвестной природы [3].

2.3. Сформулирована *концепция датчиков экологической сигнализации* — функциональных и стоимостных аналогов датчиков пожарной сигнализации и датчиков охранной сигнализации, требующая создания нового класса средств контроля природных объектов, то есть, внелабораторных средств, способных без обслуживания и ревизии непрерывно и продолжительно получать в реальном времени информацию об изменении выбранного аналити-

ческого параметра и генерировать сигнал тревоги при резком его изменении [4].

2.4. Обнаружен эффект хемилюминесценции, возникающей при окислении озоном молекул растворенного органического вещества биогенного происхождения в непрерывном потоке пробы природной воды, установлен факт корреляции величин интенсивности хемилюминесценции и общего содержания растворенного органического вещества [5].

2.5. Предложен метод оценки общей устойчивости к окислению растворенного органического вещества природных вод и оценки доли легкоокисляемого (лабильного) органического вещества, ответственного за биопродуктивность водных экосистем, основанный на анализе кинетической кривой реакции окисления растворенного органического вещества в пробе воды избытком озона [6].

2.6. Предложен метод и разработан прибор для непрерывного в реальном времени контроля качества природных вод по величине, эквивалентной суммарной концентрации растворенного органического вещества и выражаемой в единицах ХПК (химическое потребление кислорода, мгO_2/л) или в единицах ООУ (общий органический углерод, мгС/л) [7].

2.7. Установлено, что величина константы скорости реакции озонолиза растворенного органического вещества природных вод уменьшается пропорционально загрязненности водных экосистем и может служить индикатором степени антропогенной нагрузки на них [6].

2.8. Дано комплексное обоснование инновационного научного направления «Экокриминология», разработан и предложен для международного научного оборота критериальный, научно-понятийный аппарат, методология и практика правоприменения. Выработаны способы выявления и контроля составляющих экологической преступности [8].

2.9. Разработана инновационная концепция экокриминологического (криминалистического) мониторинга на основе геоинформационных систем. Обозначены способы выявления, управления, оценки и прогнозирования экокриминогенной ситуации с помощью автоматизированных технологий экокриминологического (криминалистического) мониторинга. Проведена модернизация методов проведения экокриминологической (криминалистической) экспертизы [9].

2.10. Создано новое социально-правовое направление «Экологическая девиантология — эколого-социальный контроль» [10].

2.11. Разработана научная концепция эколого-криминологического комплекса (НЭКК) по обеспечению действенности Си-

стемы экобезопасности, предупреждению ЧС и противодействию экопреступности [11].

2.8. Разработаны совместно с ЗАО «МЭЛП» (Санкт-Петербург) озонохемилюминесцентные анализаторы РОВ природных вод WQMI-01 и OSM-02.

3. Перспективное развитие работ по модернизации Системы экобезопасности

3.1. Создание сети автоматических необслуживаемых датчиков раннего выявления гидрохимических аномалий, структурно и функционально подобной сетям датчиков пожарной и охранной сигнализации, способных подать сигнал тревоги при химической атаке на природный объект как неизвестными индивидуальными токсикантами, так и их сочетанием, включая аналоги бинарных отравляющих веществ. Размещение датчиков возможно на борту пришвартованных и патрулирующих плавсредств (включая маломерные моторные, парусные и гребные суда), на буйковых станциях, в опорах мостов, причалах, в гидросооружениях, на берегах водотоков, на водозаборах, на выпусках очистных сооружений, в технологических линиях предприятий и т.п. Возможным станет создание систем сбора и непрерывной передачи информации в антитеррористические структуры, природоохранные службы, оперативные службы МЧС, службы экологической полиции.

3.2. Разработка технических средств (стационарных и мобильных датчиков, внелабораторных приборов экспресс-обнаружения химических аномалий) для противодействия диверсионно-террористической деятельности, связанной с преднамеренным химическим загрязнением природных вод и систем водоснабжения населенных пунктов.

3.3. Разработка автоматических систем раннего обнаружения возможности возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, связанных с аварийными или нелегальными сбросами токсичных веществ водоемы и водотоки, в частности, при создании сетей датчиков экологической сигнализации — функциональных и стоимостных аналогов сетей датчиков пожарной сигнализации и охранной сигнализации.

3.4. Разработка средств автоматического контроля качества воды в искусственных водных экосистемах — аквапарках, океанариумах, бассейнах, а также на выходе очистных сооружений, содержащих искусственные водные экосистемы с «активным илом».

3.5. Разработка средств изучения пространственно-временного распределения растворенного органического вещества, в частности, легкоокисляемого органического вещества, в пресноводных и морских акваториях для фундаментальных гидрохимических и гид-

рологических исследований и для прикладных исследований, связанных с оптимизацией технологии выращивания морекультур, технологии рыболовства и т.п.

4. Сеть датчиков экологической сигнализации как основа построения открытой иерархической системы экологического контроля и оперативного реагирования

Фактически, приборы WQMI-01 и OSM-02 представляют собой первые разработки, отвечающие предложенной ранее [4] концепции «датчиков экологической сигнализации» (ДЭС) — функциональных и стоимостных аналогов датчиков пожарной и охранной сигнализации. ДЭС могут быть установлены непосредственно в существующие линии связи систем пожарной и охранной сигнализации, включая протяженные линии охраны периметров. Применение ДЭС в привычной правоохранительным органам инфраструктуре придаст смысл созданию экологической полиции.

Сформулированы основные требования к этому новому классу приборов:

— ДЭС — неспецифический датчик для регистрации аналитического параметра, коррелирующего с тем обобщенным показателем (суммарным свойством компонентов), который в максимальной мере определяет состояние водной экосистемы или атмосферы;

— ДЭС должен в реальном времени измерять значения аналитического параметра, подавать сигнал тревоги при регистрации его аномальных изменений, обеспечивать документирование процесса измерения (функции «черного ящика» и порогового извещателя);

— ДЭС должен обладать автономностью и способностью функционировать без ревизии, обслуживания, заправки реагентами и т.п. минимум несколько месяцев (электрогенерирование реагентов, исключение эффекта обрастания в природных водах);

— ДЭС должен обладать совместимостью (кодировка сигналов, протоколы обмена информации и т.п.) с существующими автоматическими информационно-измерительными системами безопасности, включая системы датчиков охранной сигнализации и датчиков пожарной сигнализации;

— ДЭС должен работать без генерации каких-либо сбросов, выбросов, излучений, способных оказать негативное воздействие на контролируемый объект или демаскировать датчик;

— ДЭС должен подключаться к существующим проводным и беспроводным линиям связи — как внутриобъектовым, так и к протяженным линиям охраны периметров;

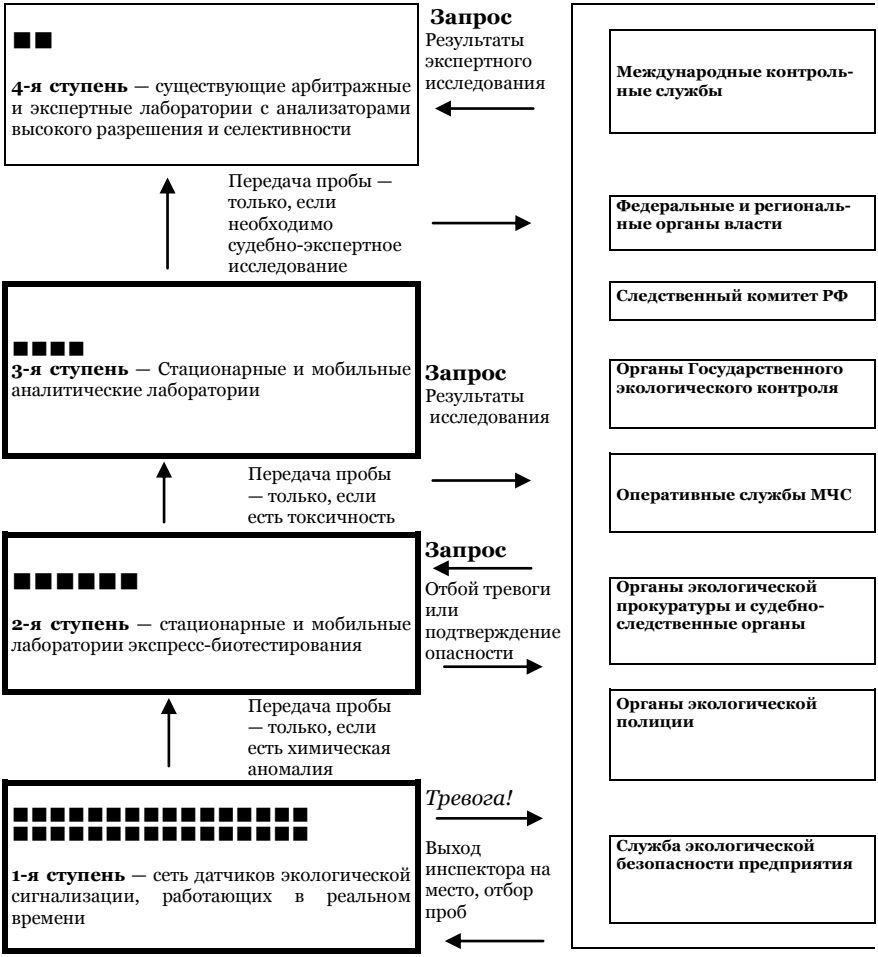

Рис. 1. Схема открытой иерархической системы экологического контроля

— ДЭС должен обладать малыми габаритами и энергопотреблением, низкой ценой и возможностью массового тиражирования.

Массовое применение подобной аппаратуры обеспечит раннее выявление аварийной или нелегальной эмиссии токсичных веществ априори неизвестного состава, что позволит снизить латентность экологической преступности и обеспечить высокий уровень экологической безопасности. Сеть ДЭС позволяет построить открытую иерархическую систему экологического контроля (ИСЭК), где на каждой более высокой ступени расположены средства измерения более высокого метрологического качества [3]. Схема ИСЭК приведена на рисунке.

На *первой ступени* ИСЭК работает группа автоматических датчиков экологической сигнализации, установленных на буйковых станциях и в опорах гидросооружений, а также на патрулирующих или выполняющих маневры поиска судах, что обеспечивает непрерывный процесс химической разведки. Для этого ДЭС определяют аномалии в потоке пробы воды, непрерывно подаваемой с поверхности или с различных глубин по трос-кабель-шлангу от буксируемых аппаратов, траектория которых может точно повторять рельеф дна (ГУП ЦНИИ «Гидроприбор») или телеуправляемых аппаратов с телекамерами, способных взять пробы воды и донных осадков в непосредственной близости от возможного источника загрязнения (ЗАО «Интершельф»).

Сигнал тревоги от датчика экологической сигнализации является также сигналом для передачи пробы на *вторую ступень* ИСЭК, где проводится экспресс-определение токсических свойств пробы методом биотестирования. В настоящее время в ГЭТУ (ЛЭТИ) создан вариант прибора «Биотестер» для экспресс-анализа (несколько минут) токсичности проб воды по хемотаксису нескольких видов тест-объектов. Хемотаксис регистрируется в капиллярной кювете, что позволяет применять прибор во внелабораторных и судовых условиях.

Факт определения токсичности пробы является сигналом для передачи пробы на *третью ступень* ИСЭК для идентификации токсикантов, производимой с помощью химико-аналитической аппаратуры высокого уровня, в частности, высокоэффективных хроматографов и хромассов.

В случае необходимости может быть реализована *четвертая ступень* ИСЭК — ступень судебно-экспертного исследования в существующих экспертных и арбитражных лабораториях.

Предлагаемая открытая иерархическая система кроме возможности поиска химических аномалий в реальном времени путем неспецифической химразведки имеет еще одну уникальную особенность — отсев «пустых» проб при переходе на каждую следующую ступень, то есть, *скрининг*. ИСЭК производит скрининг не только

отдельных проб, как это принято в химико-аналитической практике, но впервые переходит к скринингу протяженных акваторий в пространстве и времени, отбирает пробы только в случае нахождения биохимических аномалий, что крайне важно, поскольку аналитическое определение микросодержания токсичных веществ это не только длительный, но и очень дорогой процесс. Так, например, пробоподготовка и хроматомасс-спектрометрическое определение некоторых суперэкотоксикантов в одной пробе занимает до десяти часов, а его стоимость может превосходить 30 000 рублей. Понятно, что существующая методология контроля водной среды, когда измерительные аналитические процедуры начинают с применения хроматографов и хромассов, неизбежно приводит к огромным неоправданным затратам при попытках детального оконтуривания опасных зон, а главное, не обеспечивает необходимой оперативности выявления угрозы, не обеспечивает экологическую безопасность. Применение предлагаемой иерархической системы ИСЭК позволит передать на высшую ступень, где установлены «дорогие» анализаторы, только те пробы, что отвечают критериям «есть химическая аномалия» и «есть токсичность». Таким образом, дорогостоящий длительный процесс идентификации угрозы происходит, во-первых, после выявления факта угрозы и немедленного принятия мер по защите от нее и, во-вторых, только в том случае, если угроза действительно существует.

Авторы уверены, что без скорейшего внедрения внятных правореализационных методов и механизмов, проблемы будут только усиливаться, а система экобезопасности будет носить виртуальный характер.

По всей видимости, эти и другие проблемы и послужили основой поспешного созыва 30 января 2008 года, по своей сути исторического заседания Совета безопасности РФ посвященного созданию действенной системы экологической безопасности в России. Круг вопросов, поднятых Совбезом, носит концептуальный характер по развитию стратегии экологической политики, направленной на обеспечение экобезопасности России. Краеугольным камнем всей национальной политики признается необходимость создания действенной системы экологической безопасности. В своем вступительном слове на этом историческом заседании, В.В. Путин акцентировал внимание на том, что «<...> наконец, надо учиться эффективно, защищать интересы России на международной арене, прежде всего, парируя угрозы экологической безопасности, вызванные трансграничным загрязнением территории Российской Федерации. Так, в последнее время обострилась экологическая ситуация в регионах Балтийского, Охотского, Черного, Каспийского морей, в бас-

сейнах рек Амур и Иртыш». Далее, он подчеркнул, что «Сегодня разговор об экологических проблемах надо вести в наступательном и практическом ключе и выводить природоохранную работу на уровень системной, ежедневной обязанности государственной власти всех уровней». Затем выступил Д.А. Медведев и более подробно остановился на решении этих проблем в практическом плане: «<...> прежде всего, о недостатках правовой базы природоохранной деятельности. Несмотря на наличие специального законодательства, тем не менее, оно сегодня не стимулирует переход на экологически эффективные технологии и проведение природоохранных мероприятий. Не определены статус и режим регулирования пограничных и трансграничных водных объектов и особо охраняемых природных территорий. Медленно идут реформы технического регулирования, что тормозит разработку обязательных экологических требований, кстати сказать, несмотря на то, что изменились принципы формирования технологических регламентов. Отсутствуют, кроме того, правовые механизмы возмещения экологического вреда. Говоря в целом, надлежащее качество окружающей среды должно быть сегодня законодательно закреплено как необходимый элемент социальных стандартов жизни в стране». Вот в таком конструктивном ключе проходило заседание по выработке стратегии экологической политики России.

Скоро исполняется четыре года со дня этого исторического заседания СовБеза, но итоги до сих пор не подведены, в учебной и научной литературе не проведен системный анализ по сути доктринальных положений этого заседания. Многие проблемные вопросы, рассмотренные на Совете Безопасности, были нами научно обоснованы и предложены в ряде научных работ еще в 2000-2007 гг. Все эти доводы убедительно свидетельствуют, что наши исследования направлены именно на решение указанных проблем. Поскольку повышенную угрозу для экобезопасности представляет экопреступность, то становится очевидным роль и место экокриминологии, эколого-криминологической (криминолого-криминалистической) инноватики, информационно-криминологических технологий по созданию действенной системы экобезопасности, способной эффективно справляться с имеющимися техногенными и антропогенными факторами загрязнений, детерминируемых экопреступлениями. Экокриминология со свойственной ей методологией способна достаточно динамично вырабатывать прогностические функции противодействия новым вызовам и проблемам в упреждающем режиме.

Нам представляется, нет необходимости цитировать отдельные фрагменты материалов этого заседания, потому что все, кто интересуется проблемами обеспечения экобезопасности, с ними

знакомы, и согласятся, что именно 30 января 2008 г. начался отсчет качественно нового этапа становления системы экобезопасности. Но историческое значение этого заседания состоит еще и в том, что было фактически признано отсутствие работоспособной системы обеспечения экобезопасности, поэтому ставится основная задача по созданию действенной системы. Действенность есть способность системы эффективно выполнять возложенные на нее функции. С экокриминологической точки зрения, относительно экологической безопасности она есть или ее нет. В рассматриваемой области, ни в одной цивилизованной стране мира нет действенной или бездейственной системы. По нашему глубокому убеждению, система экологической безопасности априори может быть только действенной, в противном случае это всего лишь декларативно-виртуальная субстанция. Понятно, что и сама Система здесь будет иметь особый режим и статус и включать в себя различные подсистемы и блоки поддержки. Но пока никто из специалистов нам так и не ответил, что должна представлять собой современная Система экобезопасности, включающая полный перечень подсистем, блоков поддержки, их количественные и качественные составляющие, по компетентности, взаимодействию и ответственности, не говоря о нормативных показателях оперативного реагирования.

Литература

1. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Тангиев Б.Б.* Классификационный анализ экологической преступности как метод выявления приоритетных угроз экологической безопасности: Материалы научно-практической конференции «Правовые основы обеспечения экологической безопасности» 27-28 ноября 2006 г., СПб институт Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 2009. С. 48-56.

2. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Новикова Н.В., Медимнов А.В.* Водная экосистема как нетрадиционный объект криминалистического исследования // Методологические проблемы экологической безопасности: сб. ст. СПб.: ВВМ, 2008. С. 126-137.

3. *Воронцов А.М., Донченко В.К., Никанорова М.Н.* Химико-токсикологический контроль морской среды на трассе Северо-Европейского газопровода: Материалы VIII Международного экологического форума «День Балтийского моря». СПб.: ООО «Диалог», 2007. С. 253-257.

4. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н.* Проблемы экологической преступности и поиск путей ее снижения. Гос. Доклад о состоянии окружающей среды СПб и ЛО в 1998 году. Т. 2. СПб.: 1999. С. 280-297.

5. *Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Мелентьев К.В.* Экспресс-контроль суммарного содержания органических веществ в водной среде методом озонохемилюминесценции // Водные объекты Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Администрации СПб, 2002. С. 73-79.

6. *Новикова Н.В., Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Пацовский А.П.* Озонохемилюминесцентные датчики для получения оперативной информации о состоянии водных объектов // Известия ОрелГТУ, 2008, № 43/272 (500). С. 79-90.

7. *Воронцов А.М., Пацовский А.П., Никанорова М.Н.* Возможности применения озонохемилюминесценции для оценки содержания органических веществ в природной воде // Водные ресурсы, 2011, т. 38, № 5. С. 548-552.

8. *Тангиев Б.Б.* Экокриминология (oikoscrimenlogos) Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. Монография (в приложении программа обучения). СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 432 с.

9. *Тангиев Б.Б.* Криминология: Контроль и противодействие экологической преступности. Монография (в приложении программа спецкурса). СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. 342 с.

10. *Тангиев Б.Б.* Экологическая девиантология: эколого-криминогенные девиации поведения. Журнал о гражданских правах // Гражданин и право. М.: Изд. «Новая правовая культура», 2010, № 8, с. 51-58.

11. *Тангиев Б.Б.* Научный эколого-криминологический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности: Монография (в приложении программы для подготовки специалистов) СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2010. 515 с.

А.А. Дмитриев
ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права»
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Юридико-лингвистический анализ законодательного определения коррупции

Аннотация. В статье дан комплексный анализ определения понятия коррупция, включая его понимание как социального явления. На основе произведенного анализа разработана авторская редакция термина.

Ключевые слова: законодательное определение коррупции, родовидовое понятие, юридико-лингвистический анализ.

Abstract. The paper gives a comprehensive analysis of the definition of corruption, including its understanding as a social phenomenon. Produced on the basis of analysis there is the author's edition of the term.

Key words: legal definition of corruption, generic concept, legal-linguistic analysis.

В последние годы практически ни один документ, характеризующий социально-экономическую и политическую ситуацию в современной России, а также положение дел с преступностью, не об-

ходится без упоминания термина «коррупция». Однако определение самого термина «коррупция» имеет ряд вопросов и проблем, и подчас термин используется с разным содержанием.

Последовательное и системное противодействие коррупции в Российской Федерации началось сравнительно недавно, и применение на практике антикоррупционного законодательства пока недостаточно эффективно. Данное положение дел, дает нам основание и возможность рассмотреть и проанализировать различные подходы к законодательному определению понятия «коррупция», также являющегося относительно новым для российского законодательства. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального Закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 (далее по тексту Закон о ПК) [11], под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение вышеуказанных деяний, от имени или в интересах юридического лица. В целом это сводит термин «коррупция» к содержанию статей 201-204, 285, 286, 288-292.1 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту УК РФ) [10], а проблему борьбы с коррупцией – к проблеме борьбы с определенного рода преступностью, то есть не в полной мере решает задачу правовой дефиниции по отграничению понятия «коррупция» от смежных понятий [1, с. 135].

Научный анализ определения понятия коррупции, сформулированного в Законе о ПК, позволяет сделать нам вывод о том, что его законодательное изложение не совсем удачно, так как, во-первых, на наш взгляд, при конструировании определения термина «коррупция» в Законе о ПК законодатель пренебрег требованиями законодательной техники, которые предложены в научной правовой литературе для разработки юридической терминологии [2, с. 107-112], а во-вторых, определение, данное в Законе о ПК, не унифицировано с действующим законодательством и, в частности, с уголовным, поскольку использует формулировки, нетипичные для норм УК РФ.

Исходя из требований юридической техники, традиционно-нормативные дефиниции подразделяются на описательные (казуистические), перечневые и родовидовые [3, с. 92]. Как видно, приведенное определение законодателем термина «коррупция» носит

перечневый характер. Данная дефиниция не позволяет определить существенные признаки коррупции, и как следствие невозможно определить границы содержания данного понятия по сравнению с другими терминами, используемыми в действующем уголовном законодательстве. Так, использование в Законе о ПК признака «злоупотребление служебным положением» приводит к неоднозначности понимания коррупции и коррупционных составов в действующем уголовном законодательстве, что позволяет сводить имеющееся нормативное определение коррупции к таким составам, как незаконное помещение в психиатрический стационар, нарушение авторских и смежных прав и некоторым другим (насчитывается порядка сорока подобных составов), не имеющим прямого отношения к коррупционным составам.

Общепризнанным является, что «в строго логическом смысле казуальные перечни определениями не являются – они просто используются вместо определений, так как в той или иной степени раскрывают содержание нормативного понятия» [4, с. 69], не раскрывая при этом сущности самого термина. Как справедливо отмечает Н.И. Хабибуллина в своем диссертационном исследовании, «перечневой способ определения термина свидетельствует о расплывчатом характере его значения, так как при этом происходит расчленение понятия. Основным недостатком подобного рода определений является приблизительность» [5, с. 170]. Подобная конструкция нормативного определения коррупции, раскрывает лишь некоторые формы её проявления, приблизительное описательное выражение. По мнению Л.М. Бойко, «где бы не помещалось объяснение термина, ясно одно, что их недопустимо заменять описательными выражениями, так как это может привести к громоздкости нормативных актов и затруднению их применения» [6, с. 8]. Необходимо отметить, что, конструируя определенную нормативную дефиницию, законодатель должен выбирать такую форму изложения, которая наиболее полно отражает содержание терминируемого понятия и отражает его сущность. Ю.А. Тихомиров отмечал, что «нечеткость и неточность понятий и терминов, заложенных в законах, их недооценка мстят за себя потом юридическими ошибками, ложными взглядами и ошибочными позициями правоприменителей» [7, с. 81-82].

На наш взгляд, ныне действующее нормативное определение коррупции нуждается в совершенствовании с учетом требований юридической техники. Идеальной формой дефиниции считается построение определения через родовой признак и видовое отличие. Преимущество родо-видовых дефиниций в том, что они обладают достаточно объемным содержанием при компактной форме, тем

самым, создавая более четкое представление о нормативном понятии. Следует отметить, что попытки законодательного закрепления термина «коррупция» путем построения через родовой признак и видовое отличие, были предприняты еще в октябре 1999 года, в проекте Федерального Закона РФ «О борьбе с коррупцией» [8], в котором под коррупцией, понималось не предусмотренное законом принятие материальных и нематериальных благ и преимуществ субъектами, определенными данным проектом, с использованием их официального статуса и связанных с ним возможностей, а также подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ. Как известно, многие юридические понятия возникают на основе более широких социальных понятий и, подвергаясь законодательному дефинированию, обозначаются общеупотребительными терминами, приобретающими юридическую значимость. Представляется, что коррупция - это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах. Как видно, нормативное определение коррупции в проекте было весьма удачным. Определение имеет компактную форму при наличии объемного содержания. Определению не требовалось дополнительного толкования ни расширительного, ни ограничительного, что свидетельствует о совпадении «духа» и «буквы» закона. При правильной и разумной доработке данного определения, можно было обеспечить универсальность понимания термина «коррупция», то есть единство его применения и понимания во всех отраслях законодательства. Но, данное определение не нашло отражение в ныне действующем Законе о ПК.

Особого внимания при рассмотрении нормативного определения коррупции заслуживает вопрос о цели таких деяний. Закон о ПК закрепил специальную цель действий субъектов коррупционных отношений: «<...> получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами». Данный признак предполагает обязательную материальную заинтересованность лица, направленную на незаконное пополнение либо собственных материальных фондов, либо материальных фондов третьих лиц. В теории уголовного права подобную целевую направленность действий лиц, совершающих преступления, характеризуют термином «корысть». Корыстная цель имеет

место в случаях как преступного обращения чужого имущества виновным в свою пользу, так и передачи его другим лицам, в материальном положении которых виновный заинтересован [9, с. 352].

Полагаем, что при формулировании в Законе о ПК цели противоправных действий виновного лица, было бы целесообразно заимствовать из действующего уголовного законодательства устоявшуюся формулировку «...из корыстной или иной личной заинтересованности». Подобная формулировка имеет, на наш взгляд, определенные преимущества. Во-первых, сформулированная в Законе о ПК цель не соотносится с содержанием конкретных коррупционных составов в УК РФ. Так, цель, обозначенная в Законе о ПК, в ч. 1 ст. 290 УК РФ является содержанием преступного деяния объективной стороны, аналогичная ситуация и со ст. 204 УК РФ. Данное положение Закона о ПК, на наш взгляд, является противоречивым и не соотносится с действующим законодательством. Таким образом, формулировка корыстной и иной личной заинтересованности позволяет соотносить цель коррупционной деятельности с действующей редакцией коррупционных статей УК РФ, выделяя данный признак, именно как цель, без возможной ее трансформации в содержание иных элементов состава преступления. Во-вторых, термин «заинтересованность» более полно охватывает субъективное отношение лица к совершаемому деянию, так как в совокупности позволяет оценить мотивационную сферу психической деятельности лица, совершающего коррупционное преступление. Таким образом, предложенный нами вариант изложения цели, как корыстная и иная личная заинтересованность, является собирательным, включающим признаки, закрепленные в цели данной Законом о ПК. Использование данной формулировки позволит снизить излишнюю громоздкость определения цели, данную в п. а ч. 1 ст. 1 Закона о ПК.

На основе проведенного научного анализа представляется целесообразным предложить авторскую редакцию термина «коррупция», которую можно использовать в процессе дальнейшего совершенствования антикоррупционного законодательства России: «Коррупция – это использование уполномоченным лицом своего официального статуса и связанных с ним возможностей для непредусмотренного законом принятия материальных и нематериальных благ и преимуществ, а также противоправное предоставление данным лицам указанных благ и преимуществ, совершаемое из корыстной или иной личной заинтересованности».

Список литературы

1. *Алексеев Г.В., Морозов Г.Н.* К вопросу об уточнении понятия «коррупция» в российском законодательстве // Власть, 2011, № 5.

2. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1990.
3. *Савицкий В.М.* Язык процессуального закона. – М., 1987.
4. *Губаева Т.В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2004.
5. *Хабибуллина Н.И.* Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона (Теоретико-методологическое исследование). Дисс. … докт. юрид. наук. – СПб., 2001.
6. *Бойко Л.М.* Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества. – Ташкент. 1988.
7. *Тихомиров Ю.А.* Юридическая коллизия. – М., 1994.
8. Проект Федерального Закона РФ N 99097368-2 «О борьбе с коррупцией» (ред., внесенная в ГД ФС РФ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2009.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 13.12.2012) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
11. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228.

В.Н. Елгешин
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
Санкт-Петербург, Россия

О проблемах гармонизации национального гражданского законодательства

Аннотация. Автор рассматривает в статье некоторые проблемы формирования национального гражданского законодательства в последние десятилетия, вносит предложения по устранению неточностей с целью обеспечения гармонизации законодательств стран-членов Евразийского экономического сообщества.
Ключевые слова: гражданское законодательство, недостатки, причины, этапы, гармонизация.
Abstract. The author of the article considers some problems of formation of national civil law legislation in recent decades, makes proposals for eliminating inaccuracies with the purpose of harmonization of legislations of the countries-members of EurAsEC.
Key words: civil law, faults, causes, stages, harmonization.

Одной из важнейших проблем законотворчества в современной России является разработка гражданского законодательства, что играет существенную роль в гармонизации национальных законодательств стран-членов ЕврАзЭС в целом. Представляется необходимым представить себе картину проблем, имеющихся в действующем законодательстве РФ. Следует вникнуть в суть процесса законотворчества на современном этапе, а также обратиться к природе возникновения этих самых проблем. Важно раскрыть истоки пагубного воздействия некоторых факторов на законодательный процесс и выявить причины, порождающие возникновение отдельных правовых норм, которые непригодны для практического применения в условиях российской действительности. Прежде, чем говорить о полезности имеющихся или возникающих общественных отношений, нужно задуматься: каким образом влияет на их развитие или повлияет в дальнейшем конкретное правовое регулирование, то есть затронуть некоторые исторические аспекты.

Когда в стране имеется сильная и надёжная власть, то законотворчество для регулирования соответствующих общественных отношений должно быть поставлено во главу всей экономической и, в том числе, социальной политики[1]. А уж если говорить более конкретно о политике социальной, то здесь законодательство должно быть отрегулировано на таком уровне, чтобы ни у одного юриста, а тем более обычного гражданина, не могло даже мысли возникнуть о каком-то неоднозначном толковании правовой нормы. Но это, к сожалению, лишь только мечты о том, как всё должно быть. В реальности гражданин зачастую сталкивается с таким явлением, как коррупция. Это явление имеет место практически во всех странах и обсуждается почти каждодневно самими же коррупционерами со времён мироздания. Масштаб этой коррупции, конечно же, везде разный, но с российским, в силу специфики менталитета, не сравнимый. Теперь посмотрим на процесс законотворчества, а точнее на положение национального законодательства, начиная со времён так называемой «перестройки», то есть вернёмся к некоторым основным причинам негативного воздействия на формирование нового гражданского законодательства в нашей стране. Итак, главной настольной книгой каждого юриста, имеющего гражданско-

[1] Под определением «сильная» автор имеет в виду ту власть, которая без каких-либо проблем может контролировать любые процессы, происходящие в экономике и в социальной сфере, а также защищать интересы населения своей страны именно при помощи такого контроля. Если же сказать про определение «надёжная», то здесь автор имеет в виду, что народ, избравший власть, без всяких сомнений надеется на неё и доверяет ей разрешение своих проблем на любом уровне.

правовую специализацию, является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ).

Теперь посмотрим на дату введения в действие такого важного нормативно-правового акта. Он, точнее, его Часть 1 – Общие положения, был введён только с января 1995 года. Фактически про действующее законодательство попросту забыли. С момента провозглашения «перестройки» со скоростью лавины в стране начали возникать совершенно новые общественные отношения. Законодательство же, а именно главные нормативные правовые акты, осталось на прежнем уровне, то есть оно могло регулировать те общественные отношения, которых в стране фактически уже не было. Однако, главное-то правило осталось: «разрешено всё, что не запрещено законом». А закон и не мог ничего запретить, поскольку в сфере складывающихся новых общественных отношений он вообще не действовал. Этим воспользовался не только российский, но и весь международный криминал, подмяв под себя практически всех новых чиновников, природные ресурсы огромной страны, заводы, фабрики и прочие стратегические объекты, то есть всё, что являлось когда-то народным достоянием.

Что касается практики применения права, которая сложилась в сфере регулирования экономики иностранных государств, то здесь нужно было перенимать только то, что проверено и необходимо для развития соответствующих отношений применительно именно к российской действительности. Не нужно было «хватать» всё подряд, в том числе совершенно ненужные товары сомнительного качества, а тем более отдавать управление отечественными нефтедобывающими предприятиями американским менеджерам. Такая защита экономических интересов страны возможна только тогда, когда имеются чётко прописанные нормы, воплощённые в соответствующие статьи национального законодательства, которое необходимо излагать *в целях нормального практического применения в реальных условиях складывающихся общественных отношений*.

Если же говорить о положении российского гражданского законодательства в тот период, то, кроме отдельных подзаконных актов, никакой нужной «перестройки» на правовом поле фактически не происходило. У юристов с учёными степенями, да и просто здравомыслящих юристов-практиков имелись определённые предложения по восполнению огромных на то время пробелов в действующем гражданском законодательстве. В процессе такой усиленной работы вдруг из Франции на российское правовое поле «перебирается» французское законодательство и приобретает вполне приемлемую форму в виде Части 1 ГК РФ. Но, наверное, даже не юристу вполне ясно, что содержание правовых норм, воплощённых в соот-

ветствующие статьи уже Кодекса РФ, необходимо было не только проработать, но и для конкретных случаев исправить так, чтобы все эти положения можно было применять на практике в России, а не во Франции. К сожалению, ГК РФ де-факто до сих пор остаётся по отдельным его положениям весьма проблематичным в плане практического применения соответствующих статей. Как можно было, например, записать, о каких-то «*разумных сроках»* исполнения обязательства или о получении акцепта в *«нормально необходимое время»*? Для субъектов наших российских отношений – это просто нонсенс!

Что же касается непосредственного правового регулирования в сфере таких важных отношений в экономике, как купля-продажа товаров, выполнение работ и оказание услуг, то здесь в «срочном» порядке, а именно 01 марта 1996 года на развалины развитого социализма «высаживается десант» французских норм в облике Части 2 ГК РФ. При этом отечественные законодатели не обращают никакого внимания на не совсем, мягко говоря, понятный российским юристам-практикам перевод содержания тех самых отдельных французских норм. Видимо, перевод осуществляли лица, не имеющие к праву никакого отношения. Для них действовало правило «главное — вовремя отрапортовать», а там практики разберутся. Вот практики и разбирают до сих пор. Тем временем быстро переводятся с французского языка тексты правовых норм, образующие сначала Часть 3 ГК РФ, регулирующую, в частности, наследственные правоотношения, затем и Часть 4, регулирующую правоотношения в сфере различных результатов творческой деятельности. Фактически мы получаем пример и образец того, как не следует писать законы.

Даже не внедряясь в подзаконные акты гражданского законодательства, а их тысячи, можно сказать о том, что весь процесс «перестройки» общественных отношений в постсоветской России весьма пагубно повлиял на развитие той основной законодательной базы, что мы имеем и пытаемся применять на практике для разрешения различного рода споров, возникающих в сфере так называемых рыночных отношений. На протяжении многих лет российские законодатели вообще не занимались корректировкой и исправлением норм, которые просто сами «кричат» о том, чтобы их исправили.

Проблемы, сформировавшиеся за годы «перестройки» в сфере создания и применения гражданского законодательства, касаются не только норм материального права, но и норм процессуального права. Здесь мы уже имеем дело с соответствующим процессуальным законодательством, которое при разрешении конкретного дела в суде предусматривает применение этим судом, как раз, норм соответствующего материального права. Поэтому все проблемы, что

называется, «вылезают» на поверхность, поскольку всё законодательство взаимосвязано. Что же касается процессуального законодательства, то оно имеет свои правовые «шедевры», требующие отдельного их рассмотрения.

В заключение хотелось бы сказать о том, что необходимость проработки и устранения, имеющихся в основных актах гражданского законодательства ошибок уже давно назрела. Говорить же о гармонизации национальных законодательств стран-участниц ЕврАзЭС можно только в том случае, если эти страны на своём внутреннем правовом поле будут создавать и приводить в порядок действующие нормы, которые смогут реально на практике обеспечить правовое регулирование соответствующих общественных отношений. До тех пор, пока в России, в частности, гражданское законодательство находится в состоянии невозможности регулирования отдельных, причём очень нужных, общественных отношений, ни о какой перспективе гармонизации не может быть и речи. В связи с этим на сегодняшний день, необходимо, прежде всего, создать цивилизованное национальное законодательство и только затем уже, во-вторых, говорить о тех или иных перспективах гармонизации такого законодательства с законодательством других стран.

Н.Ф. Звенигородская
Северо-Западный филиал
Российской академии правосудия,
г. Санкт-Петербург, Россия

Брачный договор: сравнительно-правовой анализ в контексте формирования Евразийского Союза

Аннотация. Автор анализирует развитие института брачного договора в законодательстве стран СНГ и Балтии, выделяет общие и особенные черты в правовом регулировании. Отмечается унификация семейно-правовых норм и усиление государственного контроля в частно-правовой сфере, что признается нежелательным в брачном договоре.

Ключевые слова: брачный контракт, унификация норм семейного права, механизм правового регулирования.

Abstract. The author analyzes the development of the institution of marriage contract in the legislation of CIS and Baltic countries, highlights the general and specific features in the legal regulation. There is a unification of family law norms and the strengthening of state control in the private law sphere, which is recognized as desirable in the marriage contract.

Keywords: marriage contract, the unification of family law, legal regulation mechanism.

Высшей социальной ценностью любого общества и государства является брак и семья (родительство и детство), поскольку они обеспечивают воспроизводство населения. Проблема оптимизации регулирования семейных отношений постоянно привлекала внимание правовой науки. Внедрение рыночных отношений в жизнь общества на постсоветском пространстве потребовало пересмотра правового регулирования имущественных отношений в семье – ячейке общества. Усиление интереса, возобновление пристального внимания к семейному праву и семейному законодательству обусловлено расширением договорных и диспозитивных начал в семейных отношениях. Семейное законодательство стран Содружества Независимых Государств, будучи одним из результатов изменений в социально-экономической сфере, произошедших в конце XX века, характеризуется диспозитивно-договорными ориентирами.

Использование брачного договора (брачного контракта, брачного соглашения) как договорной формы регулирования имущественных отношений супругов позволяет учесть многочисленные интересы, потребности людей, многообразные факторы, с которыми сталкивается жизнь конкретной семьи, предоставляя при этом каждой из сторон известные гарантии. Брачный договор направлен на регулирование супружеских отношений в имущественной сфере. Сравнительно-правовой анализ института брачного договора в законодательстве стран – участников СНГ и стран Балтии позволяет ученым констатировать идентичность механизма договорного регулирования супружеских имущественных отношений на постсоветском пространстве, что обусловлено единством целей и функций семейно-правового регулирования на территории названных государств, реализацией и защитой семейных прав их граждан.

Так, в семейно-правовых актах отмечается единообразный подход к определению понятия брачного договора. Под брачным договором в этих государствах принято понимать соглашение лиц, вступающих в брак или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (например, ст. 40 Семейного кодекса (далее — СК) РФ [11], ст. 29 СК Республики Узбекистан [8] и аналогичные нормы права законодательства стран СНГ). Такой теоретический и законодательный подход объясняется общими тенденциями формирования в семейном праве стран СНГ правового института брачного договора.

Семейное право самостоятельных и независимых государств на постсоветской территории развивается во многом сходно. Следует выделить 3 главные тенденции в его развитии: во-первых, влияние собственных традиционных положений, во-вторых, воздействие

международных стандартов в этой области супружеских отношений и, наконец, в-третьих, заимствование зарубежного опыта. Вместе с тем, зависимость от национально-культурных и религиозных особенностей не исключает единых подходов и унификации семейного законодательства.

Последующая за распадом СССР постсоветская кодификация семейного права убедительно подтвердила, что семейное право государств-участников СНГ — самостоятельная отрасль права, характеризующаяся собственным предметом, методом, принципами и функциями правового регулирования. Она включает в себя определенные правовые институты, среди которых институт брачного договора занимает особое место в брачном праве. Следует отразить гармоничное сочетание положений национального законодательства независимых государств и общих принципов государственной семейной политики стран СНГ. Это проявляется, например, в императивном запрете противоречия содержания брачного контракта основным началам семейного законодательства. Законом установлено, что содержание брачного договора должно соответствовать основным началам семейного законодательства, среди которых названа необходимость укрепления семьи. В случае нарушения требования закона к содержанию брачного договора он может быть признан судом недействительным. Судебная практика по реализации указанной нормы права позволяет отметить эффективное взаимодействие методов публично-правового и частноправового регулирования в механизме защиты имущественных прав супругов.

Примером сочетания публичных и частных начал в договорном регулировании супружеских имущественных отношений также является установленное императивной нормой права требование к форме брачного договора. Во всех государствах-участниках СНГ предусмотрена его квалифицированная письменная форма [10, 6, 7]. Требование кодифицированных семейно-правовых актов о нотариальном удостоверении брачного договора служит дополнительной гарантией соблюдения законных прав граждан. Несоблюдение формы брачного договора влечет его недействительность как ничтожной сделки.

Большинство норм современного семейного права, регулирующих брачный договор, характеризуются их идентичностью, что объясняется общими историческими предпосылками.

Следует напомнить, что еще со времен Древнего Рима и Древней Греции известен прообраз брачного договора — соглашение о dos (о приданом). В законодательстве Российской империи мы также находим договорное регулирование супружеских имущественных отношений, когда супруги придают dos (приданому) важную

роль. Она заключается в образовании из dos (приданого) фонда, из которого предстояло покрывать расходы в семейной жизни. В некоторых случаях dos могло стать штрафом за развод по вине жены. В то время dos (приданое) рассматривалось как самостоятельный юридический институт и как имущество, которое жена или за нее другие лица назначают супругу в пользование для поддержания «тягостей брачной жизни» [13].

Традиционно в наших странах Содружества брак понимался и понимается как союз мужчины и женщины, что не допускало возможность создания семьи лицами одного пола. Именно поэтому субъектный состав брачного договора определяется в нормах права стран СНГ императивно, когда устанавливается, что его заключить могут только мужчина и женщина, аналогично заключению брака. Такой вывод следует из систематического толкования норм права.

Отмечается и единообразный подход в решении вопроса о недопущении заключения брачного контракта недееспособными лицами. В противном случае законодатели наших государств-участников СНГ признают такие договоры недействительными. Этот запрет проистекает из недопустимости заключения брака лицами, страдающими психическими заболеваниями и признанными судом недееспособными. Длительная история существования указанных традиционных подходов свидетельствует об их важности и значимости в сфере регулирования супружеских отношений. Эти положения так называемого брачного права оформились практически в одно время на территории наших государств. По ним можно судить не только об общем происхождении и принципах, лежащих в основе регулирования брачного договора в различных правовых пространствах, но и возможности унификации, происходящей в результате интенсивной конвергенции мировых правопорядков.

Представляется необходимым отметить особенности национальных законодательств, которые не разрушают систему принципов интегрирования и унификации. Опыт зарубежных стран, в которых законодательство давно признало возможность заключения брачного контракта, подтверждает тот факт, что чаще всего заключению брачного контракта предшествует вступление в брак. Это же доказывает и сложившаяся на постсоветском пространстве практика правоприменения анализируемого правового института.

В этой связи возникает проблема возможности быть субъектами брачного контракта для фактических супругов, т.е. мужчины и женщины, хоть и проживающих одной семьей, но не состоящих в зарегистрированном браке. Фактические брачные отношения в силу различных объективных и субъективных причин приобрели значительную распространенность и часто характеризуются длительностью

и устойчивостью. В соответствии с международными нормами допускаются различные модели семьи. Так, кроме названного фактического сожительства за рубежом имеют место быть полигамные браки, однополые партнерства и т.д. Международное право предоставляет правовую охрану семейным отношениям названных лиц независимо от их государственной регистрации. В соответствии с международными нормами в настоящее время государственная регистрация брака утратила свое конститутивное значение. Но страны СНГ, кроме Украины, где юридически признаны фактические браки, остались верны сложившемуся в советский период представлению о легитимном браке как браке, зарегистрированном в органах ЗАГС.

В законодательстве многих европейских государств и США нет различий между зарегистрированным и фактическим браком с точки зрения порождаемых ими правовых последствий, в т.ч. и в имущественной сфере. Например, фактические супруги наделены правом на взыскание алиментов, применение к совместно нажитому имуществу правового режима супружеского имущества, заключение соглашений, аналогичных брачному договору. В рамках Совета Европы 7.3.1988 г. Комитет Министров принял Рекомендацию № R(88)3 о действительности контрактов между совместно проживающими в качестве фактических супругов лицами и их завещательных распоряжений. В ней указывается, что многие проблемы, касающиеся лиц, проживающих совместно в качестве фактических супругов, могут быть решены через заключаемые между ними контракты или завещательные распоряжения одного лица в пользу другого. Государствам-членам Совета Европы было бы желательно принять необходимые меры для того, чтобы контракты, регулирующие имущественные отношения между фактическими супругами, в течение продолжения этих отношений либо в период, следующий за их прекращением, признавались действительными.

В ходе исследования установлена общая для государств – участниц СНГ правовая традиция, заключаемая в комплексном характере брачного контракта, что означает, что брачный контракт в силу закона может включать положения как относительно принадлежащего супругам имущества, так и относительно взаимного содержания супругов. Но в него не могут включаться условия: а) касающиеся личных прав и обязанностей супругов; б) уменьшающие объем прав ребенка по сравнению с тем, который установлен законодательством, в) ставящие одного из супругов в чрезвычайно невыгодное материальное положение.

Предлагаем обратить внимание на лояльность законодателей отдельных стран СНГ, например, Украины, в части регулирования фактических супружеских отношений. СК Украины [12], принятый

10.1.2002 г., предусматривает три основных вида имущественных отношений супругов, которые регулируются брачным договором. Так, в брачном договоре стороны могут предусмотреть правовой режим своего имущества (ст. 97), порядок пользования жильем (ст. 98), право супруга и их детей на содержание (ст. 99). Представления о семейных отношениях как об отношениях, носящих частный характер, нашло свое выражение в украинском семейном законодательстве в том, что государство признает не только зарегистрированный брак, но и фактические супружеские союзы. СК Украины устанавливает, что мужчины и женщины, проживающие одной семьей и не состоящие в браке между собой, также могут заключать различного рода договоры. Заключение брачного договора предусмотрено ст.92-103 СК Украины, а фактические супруги могут согласно СК Украины заключать аналогичный брачному договору договор об определении правового режима имущества мужчины и женщины, которые проживают одной семьей без регистрации брака (ст. 74), договор о прекращении права на содержание (ст. 89, ч. 3, ст. 91). Как видим, договорные имущественные отношения фактических супругов в отличие от законодательства России и др. государств стран СНГ приравнены к семейным отношениям и регулируются нормами семейного законодательства. Практика Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что провозглашенный российским законом принцип о признании исключительно зарегистрированного брака оставляет безуспешными попытки придать правовое значение фактическому браку [9].

Однако это — новелла украинского семейного законодательства, появившаяся уже в период перестройки. Семейно-правовые акты союзных республик, в т.ч. и Украины, до перестройки соответствовали Основам законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье [4], принятым в 1968 г. В истории семейного права данный факт оценивается исследователями как попытка унификации семейно-правовых норм. В начальный период перестройки, в связи с распадом СССР на его территории формируются новые государства. Они стремятся создать свое национальное семейное законодательство, основанное на тех ценностях, которые им представлялись приоритетными, но противоречащими принципам длительного советского единства. Поэтому объективные причины разрешили проблему единообразия семейного права. Свой путь избрали страны Балтии и Грузия. В Литве [3], Латвии [2] и Грузии [1] семейные отношения стали регулироваться Гражданскими кодексами. Эстония 18.11.2009 г. приняла Закон о семье [5]. Проблема единообразия советского семейного права изжила себя, ей на смену пришла другая – проблема унификации семейного права госу-

дарств-участников СНГ. Разрабатывая новые семейные кодексы законодатели бывших союзных республик помимо своих национальных особенностей приняли также во внимание и зарубежный опыт. Отрадно, что вместе с тем семейно-правовое регулирование их семейного права основано на выработанных в советский период многих принципах и осуществляется прежними методами. В качестве исключения следует назвать Латвию, на территории которой было реставрировано досоветское семейное законодательство. Политики, социологи и правоведы объясняют это априорным неприятием всего советского, включая и опыт правового регулирования. В семейно-правовой науке отмечается, что с точки зрения юридической техники и современных реалий ГК Латвийской Республики 28.1. 1937 г., регулирующий в настоящее время семейные отношения, выглядит архаично.

Другое направление своего развития семейного законодательства избрала Грузия. Так же, как и в Латвии и Литве, семейные отношения в этом государстве в настоящее время регулируются Гражданским кодексом, но в отличие от названных государств Грузия заимствовала положения Германского гражданского уложения. Следует оценить такую законодательную практику положительно, т.к. она позволяет использовать уже известный опыт, сократить сроки собственной кодификации. Несмотря на то, что Грузия отказалась от советского права, в ее семейном праве отмечается преемственность, т.к. в основе семейного права дореволюционной России лежали германские правовые нормы.

Добившись суверенитета и независимости, страны СНГ и Балтии смогли понять, что на смену периоду увлечения правовой автономизацией вновь приходит период унификации семейно-правовых норм стран СНГ. И по примеру советского периода учеными предлагается унификация наследственных норм (О.Е.Блинков), а в области семейного права А.Н. Левушкин внес предложение принять модельный Семейный кодекс для государств СНГ.

Проанализировав цели и принципы семейно-правового регулирования стран СНГ, мы обнаружили усиление контроля со стороны государства в частно-правовой сфере осуществления семейных прав граждан. Отмечается также расширение сферы государственного вмешательства в целях выполнения функции защиты прав граждан, но это более характерно для родительских отношений, нежели для договорных имущественных отношений супругов. Нельзя отрицать процесс гармонизации общих и национальных интересов в семейно-правовой сфере. Бесспорно также влияние внутренних правовых систем на развитие международного права. Основным принципом современного международного права является

принцип уважения прав человека и гражданина, посредством которого право ищет компромисс между свободой и необходимостью.

Современные государства на постсоветском пространстве, являясь частью мирового сообщества, приняли на себя определенные международно-правовые обязательства, которые заключаются во введении стандартов прав человека и гражданина в национальное законодательство и строгое их соблюдение, в частности в имущественной сфере супругов. Введение института брачного договора в национальное законодательство свидетельствует об ориентации законодательств стран СНГ и Балтии на частно-правовое регулирование. Значительное расширение договорных начал в семейном праве стран Содружества ставит под сомнение приоритет публично-правового регулирования семейных отношений.

Полагаем, что в сфере регулирования договорных имущественных отношений супругов скорее следует признать правильным и поддержать сочетание в механизме правового регулирования частных и публичных начал, нежели в институте брачного договора отдать предпочтение приоритету публично-правового регулирования. Такой подход, на наш взгляд, будет отвечать современным экономическим и социально-политическим отношениям в обществе, способствовать в итоге укреплению семьи как основной ячейки общества.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Грузии от 15.10.1998 г. // Законодательный вестник Грузии.1998.

2. Гражданский кодекс Латвийской Республики от 28.1.1937 г. (в ред. 2006 г.) Часть первая: Семейное право // Обзор законодательства государств-членов Содружества Независимых Государств и стран Балтии в сфере актов гражданского состояния. Т. 3. М., 2008.

3. Гражданский кодекс Литовской Республики от 18.7.2000 г. Часть третья: Семейное право // Обзор законодательства государств – членов Содружества Независимых Государств и стран Балтии в сфере актов гражданского состояния. Т. 3. М., 2008.

4. Закон СССР от 27.6.1968 г. «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 27. Ст. 241.

5. Закон Эстонской Республики от 18.11.2009 г.//Государственный вестник. 2009, 15, 154.

6. Семейный кодекс Азербайджанской Республики от 28.12.1999 г. //Обзор законодательства государств-членов Содружества Независимых государств и стран Балтии в сфере актов гражданского состояния. Т. 1. М., 2008.

7. Семейный кодекс Республики Армения от 8.12.2004 //Обзор законодательства государств-членов Содружества Независимых государств и стран Балтии в сфере актов гражданского состояния. Т. 1. М., 2008.

8. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30.04.1998 г. (С изм. и доп. на 1.5.2007). Ташкент: «Адолат», 2007.

9. Определение Конституционного Суда РФ № 26-О от 17.5.1995 г. (документ не был официально опубликован, с его текстом можно ознакомиться в СПС «Консультант-Плюс»)

10. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13.11.1998 г.; Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 9.7.1999 // Национально-правовой портал Республики Беларусь.

11. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ//СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

12. Семейный кодекс Украины от 26.12.2002 // Ведомости Верховной Рады. 2002. № 21-22. Ст. 135.

13. Свод Законов Российской империи (Свод Законов гражданских). Т. X. См.: книга 1 «О правах и обязанностях семейственных».

А.К. Ибраев, М.Е. Бодыкова
Академия финансовой полиции
Агентства Республики Казахстан
по борьбе с экономической и
коррупционной преступностью;
г. Астана, Республика Казахстан

О феномене коррупции с учетом европейского опыта борьбы с должностными преступлениями

Резюме. Авторы в данной статье рассматривают опыт европейских стран в борьбе с коррупцией и рекомендации ООН по поведению и этике государственных служащих.

Ключевые слова: коррупция, зарубежный опыт в борьбе с коррупцией, кодекс чести государственных служащих, признаки коррупции.

Summary. The authors of the article examine the experience of European countries in the fight against corruption and the UN recommendations on the conduct and ethics of public servants.

Keywords: corruption, foreign experience in fighting corruption, the code of honor of civil servants, the signs of corruption.

Во многих странах коррупция стала частью политической и административной реальности. Взяточничество, злоупотребление властью, превышение власти, растраты или другие виды коррупции стали причиной ухудшения экономической и политической ситуации и причинения вреда обществу в целом. Это заставило многие

страны уделить большее внимание контролю над коррупцией. О какой бы сфере не шла речь (о политике, государственном управлении или экономике), одно известно наверняка: коррупция разрастается, как раковая опухоль. Она образует главное препятствие на пути экономического развития.

В настоящее время проблема коррупции стала играть совершенно другую роль в науке и политике. Скандалы в демократических странах, где, по общему мнению, коррупции не существовало, явились причиной того, что предполагаемая причинно-следственная связь между рыночной экономикой и демократией, с одной стороны, и единство интересов государственных служащих, граждан и предприятий, с другой стороны, были поставлены под сомнение. Коррупция может существовать необычайно долгое время даже в развитых демократических странах и в открытых рыночных экономиках, может даже возникнуть заново. Феномен коррупции возник в западных демократических странах лишь недавно, вот почему рост внимания к этой проблеме в международных кругах в последние несколько лет был неизбежен. Евросоюз также признал тот факт, что коррупция способна нанести серьезный вред, и объявил о начале всесторонней компании по борьбе с ней [1].

Новое направление борьбы с коррупцией — стремление не только к эффективности, но и к прозрачности и подотчетности в работе государственного сектора. Недостаточная прозрачность, присущая этому сектору, усугубляется еще и благодаря принципу соблюдения секретности. Там, где процесс государственного управления стал непрозрачным даже для его собственных управленческих органов, борьба граждан зачастую обречена на провал. Нередко это зависит от самих условий доступа к информации и определяет поведение как чиновников, так и тех, кто с ними взаимодействует. Вот почему во многих странах базовые положения законов о предоставлении гражданам доступа ко всей информации искажаются, а государство вынуждено отдельно устанавливать необходимые ограничения.

В Германии принято следующее определение коррупции:

•злоупотребление государственной должностью, политическим влиянием или положением в сфере торговли или промышленности;

•предоставление преимуществ третьему лицу;

•получение какой-либо выгоды должностным лицом или третьим лицом;

•вред обществу (если речь идет о государственной или политической фигуре) или компании (если речь идет о лице, занимающем должность в области коммерции).

В Германии, согласно официальной полицейской статистике, в середине 1990-х годов в получении взяток было уличено около 2 тыс. государственных чиновников. По оценкам специалистов, ежегодные потери страны от заключения различных контрактов за взятки оценивались в 10 млрд. немецких марок.

Для противодействия коррупции в Германии были приняты меры законодательного и административного характера. В 1997 г. вступил в силу Закон о борьбе с коррупцией с одновременным внесением изменений в Уголовный кодекс Германии. Был расширен перечень коррупционных преступлений: получение выгоды; получение взятки за нарушение служебного долга; обещание, предложение выгоды, взятки; дача взятки за нарушение служебного долга; получение и дача взятки в хозяйственном обороте; ограничивающие конкуренцию соглашения при конкурсах.

Наиболее громкие скандалы последних лет были связаны с крупнейшими немецкими транснациональными компаниями: «Сименс», «Фольксваген» и «Даймлер». В частности, в 2007 г. власти Германии за доказанные взятки компании «Сименс» в Нигерии, России и Литве на общую сумму 12 млн. евро наложили на фирму штраф в размере 201 млн. долл. В результате скандала компании «Сименс» пришлось уволить 130 руководителей различных подразделений, включая менеджеров высшего звена концерна.

В качестве организационно-правовой меры министерствам и федеральным органам управления представили пакет документов, получивший название «Директива Федерального правительства о борьбе с коррупцией в федеральных органах управления». В Директиве содержатся положения, направленные на предупреждение коррупции: определение перечня должностей, наиболее подверженных коррупции; усиление внутриведомственного контроля в форме ревизий; особенно тщательный подход при назначении лиц на должности, исполнение которых допускает возможность совершения коррупционных действий; обучение и повышение квалификации сотрудников для неприятия ими действий, подпадающих под состав коррупционных преступлений; усиление служебного надзора руководством федерального органа; ротация персонала, занимающего должности, наиболее подверженные коррупции; строгое соблюдение предписанных процедур при выделении и оформлении государственных заказов. Одновременно с Директивой разработали Рекомендации по соблюдению Кодекса антикоррупционного поведения. К Рекомендациям прилагалось «Руководство к действию», предназначенное для руководителей, поскольку эффективность мер воздействия и предупреждения коррупции, в первую очередь, зави-

сит, по мнению германских законодателей, от руководящих лиц государственной службы [2].

Антикоррупционное законодательство Франции направлено на борьбу с должностными преступлениями государственных чиновников, принимающих политико-административные решения, а также противодействие деятельности политических партий, применяющих незаконные методы финансирования и проведения избирательных кампаний. Первое направление получило развитие еще в 1919 г., когда в Уголовный кодекс была включена статья, запрещающая государственным чиновникам в течение пяти лет после отставки работать в компании, которую они контролировали, находясь на государственной службе. Неисполнение этого требования наказывалось лишением свободы до двух лет и штрафом в размере 200 тыс. франков. В 1946 г., затем в 1992 г. в связи с принятием Устава о государственной службе ответственность по данной статье была ужесточена.

Для осуществления контроля за трудовым перемещением сотрудников, находящихся на государственной службе, и ограничения их влияния на решение каких-либо вопросов, связанных с деятельностью данного ведомства, после их увольнения, правительством Франции создана Комиссия по деонтологии государственной службы[1]. Данная комиссия призвана оценивать совместимость будущей работы государственного служащего с его функциями на службе. Комиссия по деонтологии играет роль своего рода фильтра, не позволяющего государственным служащим злоупотреблять своим служебным положением в интересах частных или государственных компаний.

В системе противодействия коррупции функционируют специальные подразделения криминальной полиции, МВД, прокуратуры, таможенной службы и налоговой инспекции. Координация этой деятельности возложена на Центральную межведомственную службу по предотвращению коррупции при Министерстве юстиции.

Одной из приоритетных форм противодействия коррупции во Франции была признана профилактика, включающая в себя комплекс законодательных мер, связанных с образованием, воспитанием государственных служащих и менеджеров, формированием антикоррупционной профессиональной этики, функционированием сдерживающих и контролирующих государственных структур, кадровой политикой [3].

В Италии царит культ подношений и подарков, поэтому взятка в сознании обывателей давно перестала быть серьезным пре-

[1] Деонтология — учение о проблемах морали и нравственности, раздел этики.

ступлением. Но к началу 1990-х гг. коррупция опутала всю государственную систему и спровоцировала политический кризис. Ход ситуации переломила знаменитая операция «Чистые руки» (1993—1994), ставшая хрестоматийной в истории борьбы с коррупцией. Основанием для начала расследования стала взятка в 14 млн. лир (около $5 тысяч). Когда на ней попался Марио Кьеза, директор миланского пансиона для престарелых «Тривульцио», никто не придал этому особого значения. Но, увидев распечатки счетов обвиняемого, следователь прокуратуры Антонио Ди Пьетро очень удивился. Богатству подсудимого нашлось объяснение: он был членом правящей Социалистической партии. От директора пансиона расследование привело к крупным итальянским политикам. Член Социалистической партии премьер-министр Беттино Кракси поспешил отречься от Кьезы, и тот, оскорбленный, принялся сдавать соратников одного за другим. Итоги операции «Чистые руки» впечатляют: тюремные сроки получили более 500 политиков, в том числе пожизненный — сенатор Джулио Андреотти и премьер Кракси. Под следствием оказались около 20 тысяч человек. Чтобы избежать обвинений, уволилось больше 80% чиновников.

В поле зрения полиции попали также представители бизнеса сотрудники Fiat, Olivetti и других корпораций. Осужденные коррупционеры получили не только тюремные сроки, к ним применялась и такая мера наказания, как конфискация имущества. В экспроприированных домах размещали государственные учреждения: больницы, суды, полицейские участки. На бутылках с вином, изготовленного из выращенного на конфискованных землях винограда, демонстративно красовалась надпись: «Сделано на винограднике, отобранном у мафии». Деньги коррупционеров направляли в социальную сферу и сельское хозяйство. Это был очень продуманный пиар-ход, который усилил общественную поддержку антикоррупционной кампании.

Успех операции предопределили следующие факторы:

• *демократический строй*. В Италии абсолютной властью не обладает ни премьер-министр, ни тем более президент, а сильные партии по-настоящему борются за власть, конкурируют и, значит, не прощают друг другу ошибок. Например, еще будучи премьером, Сильвио Берлускони несколько раз давал показания в суде. В придачу ко всему, к концу 1980-х — началу 1990-х обострилась политическая обстановка в Италии. Две самые сильные партии (Социалистическая и Христианско-демократическая), которые больше других были замешаны в коррупции, узурпировали власть. Естественно, это не нравилось другим политическим игрокам, потому они ухватились за «дело Кьезы» и не дали его замять;

• *свободные СМИ*. От телевидения и прессы не стали скрывать подноготную, и журналисты с удовольствием раскрутили скандал, разбудив широкие слои населения;

• *последовательность правоохранительных органов*. В статье в журнале «Эксперт» Ди Пьетро отмечал: «Цель операции состояла в том, чтобы обнажить всю глубину явления в расчете на то, что дальше пойдут другие — те, кто продолжит демонтаж коррупционной системы»;

• *сильная и независимая судебная власть*. Независимость магистратуры (прокурорских служащих, судей, следователей) в Италии провозгласила еще Конституция 1947 года. Назначить или снять с должности служителей Фемиды может только Высший совет, большинство членов которого выбираются самой магистратурой. В своих решениях он ни от кого не зависит. Именно поэтому Ди Пьетро, начавший кампанию, которая осложнила жизнь очень многим влиятельным людям, не был уволен и смог продолжить начатое. Уже в ходе кампании следственным органам разрешили свободно допрашивать членов парламента, что сильно облегчило ход операции «Чистые руки» [4].

В Финляндии ежегодно рассматриваются три-четыре дела по обвинению во взяточничестве и столько же — взяткодательстве. Наибольший пик дел о взятках пришелся на первое послевоенное десятилетие и на 1980-е гг., когда страна вступила в полосу экономического кризиса. В 1945-1954 гг. были осуждены за получение взяток 549 лиц, в 1980-1989 гг. таких приговоров вынесли 81, а в 1990-х гг. — всего 38.

В Уголовном кодексе Финляндии само слово «коррупция» не упоминается. Вместо этого говорится о взяточничестве чиновников. Под должностным взяточничеством как основным видом коррупции в Финляндии понимается противоправная сделка между представителем органа власти или управления любого уровня и лицом (группой лиц, организацией), заинтересованным в его определенном поведении. При этом обоюдно извлекаемая выгода может носить как материальный (деньги, имущество, ценные бумаги и т.д.), так и нематериальный (лоббирование чьих-либо интересов, помощь в проведении избирательной кампании и т.д.) характер. В соответствии с Законом «О государственных служащих» чиновникам запрещается принимать подарки, угощения, пользоваться услугами увеселительного характера за счет заинтересованных лиц, на прохождение дел которых они могут оказать влияние. Высшие должностные лица страны (в том числе члены Правительства и депутаты парламента) обязаны периодически представлять декларации о своих доходах и их источниках, которые обычно предаются публичной огласке.

В Финляндии фактически никогда не создавалось специального закона о коррупции или специальных органов для контроля за ней. Государственная политика профилактики и пресечения коррупции изложена в общенациональной Программе по борьбе с преступлениями в экономической сфере 1996 г. Другие специализированные антикоррупционные проекты, а также специальные правоохранительные службы в стране отсутствуют. Коррупция рассматривается как часть уголовной преступности и регулируется на всех уровнях законодательства, норм и других систем контроля. Так, коррупция всегда подпадала под действие Конституции, Уголовного кодекса, законодательства о гражданской службе, административных инструкций и других подзаконных актов.

В Уголовном кодексе Финляндии за совершение государственными должностными лицами коррупционных преступлений предусмотрены различные наказания: от штрафа до двух лет лишения свободы (с освобождением от занимаемой должности, запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух месяцев до четырех лет при наличии отягчающих обстоятельств).

Контроль за соблюдением антикоррупционных норм и принятие мер в случае их нарушения осуществляют традиционные судебные и правоохранительные органы. Особую роль играют канцлер юстиции и омбудсмен парламента (уполномоченный по конституционным и другим правам человека), которые назначаются президентом республики, но полностью независимы (в том числе, и друг от друга) в своей деятельности и имеют в распоряжении все инструменты и права, необходимые для проведения расследований и принятия мер. Канцлер юстиции осуществляет контроль за деятельностью всех ветвей и уровней государственной власти так же, как и «омбудсмен» (за исключением депутатов парламента).

Для рассмотрения обвинений против высших должностных лиц особой категории (членов правительства, канцлера юстиции, омбудсмена парламента, членов Верховного или Административного суда) существует специальный институт — Государственный суд, который созывается «ad hoc», то есть по мере необходимости, но действует на основании установленных Конституцией страны правил. Этот суд может также рассматривать обвинения против президента страны. Государственный суд возглавляет президент Верховного суда. В состав суда входят председатели административного суда, надворного суда и пять депутатов парламента, избираемых самим парламентом. Фактически это — «суд импичмента», который может принимать решения об отстранении от должности лиц ука-

занной категории. За послевоенную историю страны Государственный суд созывался только один раз.

В 1993 г. впервые Государственный суд был созван для рассмотрения дела бывшего министра торговли и промышленности, депутата парламента от Партии центра Кауко Юхантало. Он обвинялся в том, что занимая должность министра, содействовал выдаче государственных гарантий для находящегося на грани банкротства одного из финских банков взамен на получение, с помощью этого банка, кредитов для собственного бизнеса. В соответствии с решением Государственного суда Юхантало был лишен депутатского мандата.

За последние 10 лет были уволены или сами ушли в отставку по юридическим или этическим мотивациям шесть членов правительства и 23 высших правительственных чиновника. Низкому уровню коррупции в органах государственной власти и управления Финляндии способствуют:

- наличие развитых институтов гражданского общества, в том числе СМИ;
- стремление к минимизации вмешательства государства в экономический сектор;
- прозрачность и гласность процесса принятия решений должностными лицами, открытость и доступность большинства нормативных и подзаконных актов;
- политическая, финансовая и кадровая независимость системы правосудия от исполнительной власти, действительная гарантия защиты лиц, оказавших содействие компетентным органам в борьбе с коррупцией;
- эффективная организация административной системы, характеризующейся компактностью, малой степенью бюрократизации, отсутствием кастовости;
- адекватная система внутреннего и внешнего контроля за действиями должностных лиц, широкие полномочия в этой области у Канцлера юстиции и парламентского уполномоченного по правам человека, парламента;
- достойный уровень зарплаты государственных служащих, наличие так называемого социального пакета (пенсионного обеспечения и выходного пособия), размер которого устанавливается по итогам выслуги лет;
- морально-психологический настрой общества и всего корпуса должностных лиц на неприятие коррупции [5].

В конце 1980-х годов организованная преступность основала один из своих западноевропейских плацдармов именно в Голлан-

дии. В сложившихся условиях в 2001 г. государство было вынуждено принять новое антикоррупционное законодательство, объявив, что основной задачей властей при проведении антикоррупционных мер является защита общественного сектора от влияния преступного мира. Формально закон не допускает никаких поблажек коррупции среди гражданских служащих. Взяткодатель и коррумпированный чиновник оба подвергаются наказанию (тюремному заключению сроком до четырех лет, а в исключительных случаях с конфискацией имущества). Дача и принятие подарков, одолжения, предоставление услуг всегда наказуемы, как в момент совершения, так и в процессе осуществления коррумпированных сделок. Нет даже необходимости, чтобы гражданский служащий нарушал свои служебные обязанности, факт принятия «подарка» уже достаточен для возбуждения уголовного дела.

В Нидерландах существует трехуровневая система борьбы с коррупцией. Большинство случаев коррупции государственные организации и институты, такие как тюрьмы, департамент государственных сборов, министерство обороны и т.д., разбирают сами, внутри своих организаций. Для этих целей в госучреждениях существуют собственные отделы внутренних дел (или, иначе говоря, внутренние службы безопасности). Как правило, организации наказывают провинившихся смещением с занимаемой должности, взиманием компенсации за нарушение или увольнением. Следующим важным структурным уровнем в системе борьбы с коррупцией является так называемая Служба общественного обвинения. Она имеет девятнадцать региональных офисов, в каждом офисе есть свой общественный обвинитель, ведущий дела по криминальным расследованиям. Если коррупционные дела попадают в зону внимания службы, возможны два варианта развития событий. Общественный обвинитель имеет право не предъявлять обвинение, например, в случае, если правительственная организация или служба имеет прозрачные правила, касающиеся принятия подарков, или если служащий был уже подвергнут дисциплинарному взысканию своей организацией за нарушение правил. Если же региональный общественный обвинитель решает, что необходимо проведение более глубокого расследования, он докладывает об этом национальному общественному обвинителю, уполномоченному на борьбу с коррупцией.

Национальный общественный обвинитель делает заявку в генеральную прокуратуру, составляющую третий организационный уровень в системе борьбы с коррупцией. Генеральный прокурор дает указание государственной криминальной полиции (в Голландии она называется «Rijksrecherche») о проведении независимого расследования. Государственная криминальная полиция есть полицей-

ская служба, проводящая расследования независимо и объективно, подчиняясь непосредственно генеральному прокурору, высшему государственному обвинителю. Собственно говоря, это единственная организация, наделенная полномочиями привлекать к суду в случаях коррупции. Служба имеет разведывательное подразделение, в чью задачу входит расследование фактов коррупции. Расследования касаются нанесения серьезного (наказуемого) ущерба репутации тех, кто находится на службе у общества. В Голландии дело о коррупции формулируется как дело о нанесении ущерба репутации.

Основным принципом национальной антикоррупционной политики является «стимулирование честности (promotion of integrity)». Ключевое в данном контексте английское слово «integrity» трудно перевести на русский язык буквально. Значение этого емкого слова включает в себя и репутацию, и чувство собственного достоинства, и профессиональную честь, и профессиональную компетентность. В демократической культуре это понятие почти свято, посягательство на «integrity» — не менее страшное преступление, чем посягательство на жизнь. Утрата честного имени страшнее потери рабочего места, денег или имущества. Достойный уровень жизни, справедливая оплата труда, наличие демократических прав и свобод — это, образно говоря, та пища, что поддерживает здоровье общественного организма, в то время как «integrity» — самое мощное «антитело» в борьбе с вирусом коррупции, проникшем в этот организм.

Коррупционные дела в Нидерландах определяются как «дела по нанесению серьезного ущерба репутации государственного служащего». Тем самым подчеркивается, что задача следствия не только поймать и наказать коррумпированное лицо, но и защитить репутацию того, кого общество незаслуженно заподозрило в коррупции [6]. В Европе распространено выражение «going Dutch», оно означает, что если вы идете в ресторан компанией, каждый платит за себя. В приложении к борьбе с коррупцией этот голландский принцип звучит так: никогда не вынуждай других платить за себя, плати сам или пусть платит твоя организация [1].

Тем не менее, коррупция — это система, и у коррупции есть система, следовательно, для борьбы с ней также необходимо применять систему. Меры по борьбе с коррупцией в органах государственной власти должны быть взаимосвязаны и проводиться в рамках системной концепции предотвращения коррупции. Базовую концепцию, которую можно назвать современной, следует понимать как помощь правоохранительным органам в поиске направления и в формулировании целенаправленной стратегии по борьбе с коррупцией. В этом и

заключается способ предотвращения коррупции в государственных органах и борьбы с ней с помощью системного подхода.

Признаки коррупции еще не являются ее доказательством, поэтому в большинстве своем они не имеют значения, или это значение очень невелико, если их рассматривать по отдельности. Только если они наблюдаются неоднократно, часто или в определенных сочетаниях, они могут способствовать возникновению подозрений. Использование систем признаков коррупции предполагает, что пользователю свойственна определенная внимательность. Чрезмерное доверие этим системам или их необдуманное использование могут привести к необоснованным подозрениям и неправильным выводам вместо положительного вклада в борьбу с коррупцией. Такая система признаков ни при каких обстоятельствах не должна спровоцировать «охоту на ведьм».

Нейтральные признаки, как правило, необходимо рассматривать в связи с особенностями личности и поведения. Нередко в обществе они считаются приемлемыми или даже оцениваются положительно. Тем не менее, такие признаки относительно часто наблюдаются в коррумпированных структурах. Примерами этих признаков могут, на наш взгляд, являться:

- расточительство, которое нельзя объяснить получаемыми доходами; демонстрация символов общественного положения;
- внезапное изменение образа жизни;
- социальные или личные проблемы (зависимость, пагубная привычка, наличие долговых обязательств и т.п.);
- побочная деятельность, сходная со служебными обязанностями в государственном учреждении;
- принятие приглашений (например, на выставки и вечеринки); оплата счетов за еду и напитки в ресторанах, барах и т.д.;
- частые встречи в частном порядке с исполнителями государственного заказа и участниками конкурсов; участие в частных или деловых мероприятиях;
- предоставление необычных специальных условий закупки (например, цена, скидки, финансирование, сокращение принятых сроков исполнения);
- получение дорогих подарков в рамках «рекламной кампании» (в том числе на домашний адрес); необычная щедрость со стороны исполнителей государственного заказа; предложения спонсорской помощи;
- вера в собственную незаменимость; жертвование свободным временем, продолжение работы, несмотря на болезнь (чтобы не позволить кому-либо другому ознакомиться с работой);

• дополнительные обязанности, принимаемые по собственной инициативе;

• выполнение работы дома;

• необъяснимая изоляция; замкнутость по отношению к коллегам и начальству;

• внезапное, необъяснимое изменение мнения (например, поддержка проекта, который ранее был отклонен);

• необъяснимый отказ принять переназначение или продвижение по службе (в особенности, если оно предполагает лучшие условия);

• необычно неформальные отношения между работниками и исполнителями государственного заказа или соискателями;

• отсутствие жалоб или конфликтов там, где они привычны или ожидаемы; безупречное выполнение сложной работы, когда у сотрудника нет достаточных специализированных знаний или опыта.

В отличие от нейтральных признаков, не имеющих прямого отношения к коррупции, специфические признаки необходимо расценивать как предупреждающие сигналы или знаки, которые, особенно в случае повторного или одновременного появления, должны возбуждать подозрения в существовании нарушений. Примерами таких признаков могут служить:

• необоснованные решения, которые не должны приниматься в такой форме;

• различная оценка или способ выполнения работы в одинаковых или похожих условиях;

• злоупотребление, толкование в свою пользу или превышение данных полномочий;

• отказ в проверке или аудите даже при наличии веской причины для их проведения;

• вмешательство в работу других отделов или работников в государственном органе;

• намеренное избегание контактов с лицами, принимающими решения, и начальством в критических ситуациях;

• заключение соглашения на невыгодных условиях, которое связывает орган государственной власти на длительный период времени;

• должностное лицо неоднократно отдает предпочтение или оказывает поддержку определенным участникам или исполнителям во время проведения конкурса на размещение государственного заказа («поставщики двора»);

• заметные привилегии некоторым участниками при проведении переговоров по контракту;

• отсутствие квитанции или штампа с датой и временем на корреспонденции от участников конкурса или исполнителей;

• указание, данное начальством, о разрешении дела в чью-либо пользу без дополнительного рассмотрения;

• необъяснимое ускорение работы;

• игнорирование сомнений в законности того или иного действия, пренебрежение предписаниями (например, отказ от введения специальных условий или обязанностей, игнорирование принципа экономии);

• блокирование отдельных подразделений или работников или, напротив, наделение их независимостью, подразумевающей отсутствие контроля;

• пренебрежение открытыми конкурсами; отсутствие разнообразия в предложениях;

• разделение на части или уменьшение объема государственного заказа с целью его размещения по собственному усмотрению;

• поддержка утративших необходимость или устаревших систем снабжения;

• закупки по завышенным ценам, не соответствующим условиям рынка;

• повторные платежи по счетам или платежи по частям;

• частые случаи внесения последующих изменений и обнаружения мнимых арифметических ошибок в конкурсных документах;

• существенная разница между суммой по платежным документам и предложенной на конкурсе суммой;

• отсутствующие или неточные записи о принятых решениях, встречах, проверках и т.п.;

• пропажа важных конкурсных документов или контрактов;

• поверхностное выполнение работы; отсутствующие или неполные записи;

• потеря исполнителями государственного заказа занимаемых влиятельных постов;

• постоянные посещения исполнителями государственного заказа определенных работников или посещения только в присутствии определенных работников;

• неоднократные официальные командировки в определенные компании без веской причины, связанной с работой (в частности, когда имеют место задержки на ночь без определенной причины);

• жалобы исполнителей государственного заказа, заявками которых пренебрегли во время конкурса или которые были поставлены в невыгодное положение при рассмотрении заявок;

• сомнительные высказывания, упоминание работников о нарушениях в некоторых процедурах; слухи, возникающие в определенных обстоятельствах.

В предупреждении коррупционных проявлений в Казахстане особую роль играет Кодекс чести государственных служащих, утвержденный Указом Президента РК от 3 мая 2005 года, основанный на кодексе государственных служащих, рекомендованном ООН. Назначение Кодекса поведения государственных служащих можно рассматривать в трех плоскостях:

• как описание этического климата, преобладающего в государственных учреждениях;

• как разъяснение стандартов этичного поведения, ожидаемого от государственных служащих;

• как объяснение обществу, какого поведения и отношения можно ожидать при взаимодействии с государственными служащими.

Поскольку хорошо проработанный кодекс поведения описывает в логической взаимосвязи главные элементы стратегии предотвращения коррупции, его можно использовать в качестве «устава» или точки опоры для разработки стратегии или плана. Кодекс поведения или этический кодекс государственных служащих, рекомендованный ООН, содержит стандарты, которые работники также должны принять [7]. Перечислим их.

Работники...:

... должны осознавать без всяких оговорок, что занимаемая ими должность — это ответственный пост, который обязывает их действовать в интересах населения;

... должны честно исполнять свои обязанности, а также быть лояльными по отношению к работодателю и выполнять получаемые задания добросовестно и в соответствии с законом;

... должны честно и беспристрастно выполнять свою работу. Они не должны незаконно оказывать кому-либо поддержку или наносить ущерб, а также злоупотреблять данной им властью в той или иной форме;

... не должны использовать свою должность или полномочия для преследования собственных интересов. Они не должны осуществлять какие-либо действия, стремиться занять какие-либо должности или посты или преследовать финансовые, экономиче-

ские или другие аналогичные цели, которые являются или могут стать несовместимыми с их служебными обязанностями;

... должны гарантировать, что они ведут размеренный образ жизни в стабильных экономических и социальных условиях и их личная жизнь не приводит к ухудшению выполнения ими служебных обязанностей;

... не должны прямо или косвенно требовать, брать обещания или принимать какие-либо подарки или другие поощрения, связанные с их служебными функциями или исполнением их должностных обязанностей, а также влияющие на их решения;

... должны докладывать о выполнении какой-либо работы (на неполный рабочий день) вне органа государственной власти. Выполнение такой побочной работы не должно отрицательно сказываться на выполнении долга перед обществом, который заключается в беспристрастном исполнении их служебных обязанностей;

... обязаны хранить служебную тайну и соблюдать конфиденциальность по отношению ко всей информации, поступающей в связи с выполняемыми ими обязанностями, до тех пор, пока они прямо не освобождены от этой обязанности.

Литература

1. *Моисеев В.* Европейский опыт борьбы с коррупцией. [Электронный ресурс] URL: http://chelt.ru/new/?p=436

2. *Ригер Ханс-Иохим.* Предотвращение — главный способ борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] URL: www.sapa.sib.ru/Podrazd/riger.doc

3. Борьба против коррупции во Франции [Электронный ресурс] URL: http://kuzovatovo.ulregion.ru/korurt/2192/2485.html

4. Операция по борьбе с коррупцией «Чистые руки» в Италии (1992-2002) [Электронный ресурс] URL: http://theoldtree.ru/gosudarstvo_i_ pravo.php

5. Финляндия на последнем месте по наличию коррупцию [Электронный ресурс] URL: http://da.fi/33.html

6. Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах [Электронный ресурс] URL: http://dorogisk.ru/antikor/metod_materialy/opyt/

7. Кодекс поведения или этический кодекс государственных служащих, рекомендованный ООН [Электронный ресурс] URL: http://www.wastie.ru/pravo/160750/index.html

Д.В. Иванова
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Влияние интеграционных процессов на развитие национальных систем права интеллектуальной собственности в странах ЕЭП

Аннотация. Влияние интеграционных процессов на развитие систем права интеллектуальной собственности Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации различно. Анализу такого влияния посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: авторское право, интеграция, интеллектуальная собственность, исключительное право, патентное право, система права, средства индивидуализации.

Abstract. Influence of integration processes on the development of systems of intellectual property rights of the Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan and the Russian Federation differs. This article is devoted to the analysis of such influence.

Key words: copyright, exclusive right, integration, intellectual property, means of individualization, patent law, system of law.

Интеграционные процессы в Едином экономическом пространстве проходят в различных сферах экономики. Каждая такая сфера обеспечена определенным правовым регулированием, которое подвергается нередко серьезным изменениям в целях интеграции. Поскольку права интеллектуальной собственности представляют собой легальную монополию, препятствующую в том числе свободному перемещению товаров, работ и услуг между странами, очевидно, что при создании Единого экономического пространства одной из корректируемых сфер будут отношения интеллектуальной собственности.

Изучением проблем влияния интеграционных процессов на развитие национальных систем права интеллектуальной собственности стран ЕЭП, как и в целом исследованием факторов, оказывающих воздействие на развитие системы права интеллектуальной собственности, занимались немногие специалисты. В Республике Беларусь общую характеристику формирующегося регионального законодательства и его имплементации в национальное законодательство об интеллектуальной собственности давали Е.Б. Леанович [2], С.С. Лосев [4], Ю.А. Федорова [7]. Целью настоящего исследования являются выводы о том, какое влияние оказывают интеграционные процессы в рамках ЕЭП на развитие системы права интеллектуальной собственности в целом и каждой страны-участницы в отдельности.

Создание Единого экономического пространства поставило целый ряд вопросов, связанных с правовым регулированием отношений интеллектуальной собственности в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации. По мнению Е.Б. Леанович, «опыт стран - членов ЕС в этой области [интеллектуальной собственности] является самым передовым в мире, может служить ориентиром осуществления интеграционных процессов» [2]. Одним из первых шагов к сближению законодательств трех стран стало подписание Соглашения о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности 2010 г. (далее – Соглашение) [6]. В Республике Беларусь оно было ратифицировано Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2010 г. «О ратификации Соглашения о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности». Специалистами названное соглашение была воспринято неоднозначно.

С.С. Лосев поставил под сомнение необходимость заключения Соглашения «в таком виде», поскольку «участие трех стран во всех основных международных соглашениях в области интеллектуальной собственности уже означает значительную степень гармонизации положений законодательства». Подвергнув неприятной критике положения Соглашения за избирательность, фрагментарность, громоздкость, спорность и в целом неподготовленность, С.С. Лосев в то же время отметил, что его реализация способна оказать существенное влияние на правовой режим объектов права интеллектуальной собственности в странах Таможенного союза [4].

Необходимость выполнения взятых на себя обязательств повлекла ряд изменений в действующем законодательстве Республики Беларусь, и ряд проектов нормативных правовых актов как международного, так и национального уровня проходят необходимые стадии законотворческого процесса.

Соглашение не говорит о необходимости унификации законодательств стран-участниц, речь идет лишь об унификации принципов регулирования в сфере охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации товаров, работ и услуг, которые охраняются национальным законодательством сторон Соглашения. Таким образом, первые же вопросы, которые возникают в процессе реализации Соглашения: что такое «принципы регулирования» и каковы пределы их унификации? Наблюдение за процессами сближения законодательств Беларуси, Казахстана РФ в сфере интеллектуальной собственности и переговорными процессами по подготовке новых региональных соглашений приво-

дит к выводу об отсутствии четкого и, что более важно, единого представления об ответе на поставленный вопрос.

Так, Законом Республики Беларусь от 9 июля 2012 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам правовой охраны объектов промышленной собственности» внесены изменения и дополнения (вступившие в силу с 15 января 2013 г.) в Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 г., Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания», Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. «О географических указаниях». Большая часть изменений и дополнений вызвана необходимостью соблюдения Соглашения. В частности, в соответствии со статьей 13 последнего с даты вступления его в силу стороны вводят следующий принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак: не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории государств-сторон непосредственно правообладателем или другими лицами с его согласия. В п. 5 статьи 20 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» внесены тождественные изменения. Пункт 1 статьи 15 Соглашения содержит определение наименования места происхождения товара, идентичное определению из статьи 1516 ГК РФ. Вышеназванным Законом Республики Беларусь соответствующая корректировка произведена в п. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. «О географических указаниях». В предыдущей редакции пункта определение согласовывалось с Лиссабонским соглашением об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. (хотя Республика Беларусь не является участницей данного соглашения) [3].

Заметим, что в РФ по-прежнему действует принцип национального исчерпания прав на товарные знаки, в Казахстане Законом Республики Казахстан от 12 января 2012 г. принцип международного исчерпания прав изменен на национальный (п. 7 ст. 19 Закона Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»). Определение же наименования места происхождения товара в настоящее время отличается в законодательстве Казахстана (ст. 1 Закона Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров») от определений в законодательствах Беларуси и РФ.

На данном конкретном примере мы видим, что страны-участницы Соглашения по-разному понимают процесс и соответ-

ственно результат унификации принципов регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. С первого взгляда, влияние региональной интеграции на развитие систем права интеллектуальной собственности всех трех стран должно быть и очевидно, и тождественно. Однако реально происходящие процессы показывают, что это не так. Законодательство Республики Беларусь изменяется в соответствии с достигнутыми региональными соглашениями, что приводит к выводу о значимости для развития белорусской системы права интеллектуальной собственности такого фактора как региональная интеграция. Законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации в меньшей степени подвергаются изменению, что говорит о незначительности указанного фактора для системы права интеллектуальной собственности этих стран.

Последствия отсутствия единого понимания сложно оценить положительно. На практике уже возникают вопросы следующего порядка. Кондитерская фабрика «С» предъявила претензию ООО «А» с требованием прекратить ввоз на территорию Республики Беларусь с территории Российской Федерации печенья «Мария» в связи с тем, что товарный знак «Мария» в отношении товаров 30 класса МКТУ зарегистрирован кондитерской фабрикой. Согласно белорусскому законодательству такие требования не должны удовлетворяться, потому что товар был правомерно введен в гражданский оборот на территории страны ЕЭП — Российской Федерации. В законодательстве существует также пробел по поводу того, каким именно правообладателем (в нашем примере – белорусским или российским) должен быть введен в гражданский оборот маркированный товар, чтобы вступил в действие принцип исчерпания права. Таким образом, белорусский субъект оказывается в неравном положении с казахстанским и российским субъектом хозяйствования, потому что в обратном случае требования должны быть удовлетворены в связи с неприменением регионального исчерпания прав.

В настоящее время в стадии обсуждения в рамках подготовки новых проектов нормативных актов международного и национального уровня находится еще целый ряд принципиальных положений законодательства о товарных знаках.

Примером расхождения в подходах белорусского, казахстанского и российского законодательства о товарных знаках, по которому идет поиск консенсуса, является перечень субъектов, которые могут зарегистрировать товарный знак (знак обслуживания). Согласно ст. 1478 ГК РФ обладателем исключительного права на товарный знак может быть только индивидуальный предприниматель. Сходным образом в п. 10 ст. 1 и п. 2 ст. 4 Закона Республики Казахстан от 26 июля 1999 года «О товарных знаках, знаках обслу-

живания и наименованиях мест происхождения товаров» устанавливается в качестве субъекта права на товарный знак юридическое лицо или физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. В соответствии с п. 2 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» товарный знак может быть зарегистрирован на имя организации или гражданина. Сужение круга физических лиц, которые могут зарегистрировать товарный знак, для Республики Беларусь неоправданно по нескольким причинам. Наиболее серьезными из них представляются следующие. Согласно ст. 1 ГК Беларуси существует ряд субъектов, деятельность которых не рассматривается как предпринимательская, несмотря на то, что она может отвечать признакам предпринимательской деятельности. В частности, это — ремесленная деятельность, деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, деятельность физических лиц по использованию собственных ценных бумаг, банковских счетов в качестве средств платежа или сохранения денежных приобретений, разовая реализация товаров на рынке, адвокатская деятельность, частная нотариальная деятельность, деятельность физических лиц, осуществляемая ими самостоятельно, без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам по оказанию услуг по выращиванию сельскохозяйственной продукции, дроблению зерна, выпасу скота, репетиторству, чистке и уборке жилых помещений, дневному уходу за детьми, сдаче внаем (поднаем) жилых помещений, кроме предоставления мест для краткосрочного проживания. Очевидно, что наличие товарного знака (знака обслуживания) у субъектов названной деятельности зачастую желательно и может быть даже необходимо.

Ограничение физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, в возможности зарегистрировать товарный знак, может ограничивать их права участвовать в создании юридического лица путем внесения в уставный фонд вклада в виде исключительного права на товарный знак. Физические лица-владельцы товарных знаков могут разрешать использование товарного знака другому субъекту на основании лицензионного договора, и таким образом вводить в гражданский оборот принадлежащее им исключительное право.

Согласно Сингапурскому договору о законах по товарным знакам, участницами которого являются и Республика Беларусь, и Российская Федерация, «владелец» [товарного знака] означает лицо, которое в реестре знаков указано в качестве владельца регистрации, а ссылки на «лицо» понимаются как ссылки, как на физическое, так и на юридическое лицо (V–VI ст. 1) [5]. Таким образом, по-

ложения международного договора не содержат ограничения физических лиц (владельцев товарных знаков) только субъектами предпринимательства.

Следует ли в полном объеме унифицировать нормы об ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак? Ответственность за нарушение прав на товарные знаки отличается, в первую очередь, по мерам, которые могут быть применены в отношении нарушителя. Заслуживают внимания нормы ст. 1515 ГК РФ, в соответствии с п. 4 которой правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

1) в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, исходя из характера нарушения;

2) в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

В Республике Беларусь отсутствует возможность взыскания вместо возмещения убытков компенсации в денежной сумме, размер которой определяется судом по своему усмотрению, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака. Согласно ст. 29 Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» вместо возмещения убытков защита может осуществляться путем предъявления требования о наложении штрафа в пользу потерпевшей стороны в размере стоимости товара, в отношении которого был незаконно применен товарный знак.

Существуют расхождения и по иным регулируемым аспектам, в частности, по охране коллективных и общеизвестных товарных знаков, по основаниям к отказу в регистрации и т.д.

Правовая охрана средств индивидуализации — не единственная сфера, в которой ожидается изменение законодательств об интеллектуальной собственности стран ЕЭП. Нет полной ясности в вопросе унификации законодательства об авторском праве и смежных правах. Коснется ли это только регулирования коллективного управления имущественными правами авторов и иных правообладателей? На данный момент существует проект Соглашения о едином порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе. Остальные положения Соглашения, касающиеся авторского права и смежных правах, не влекут, на наш взгляд, обязательного принятия регионального соглашения, как и изменений в законодательствах стран ЕЭП.

По мнению С.С. Лосева, государствам, входящим в Таможенный союз, необходимо «по возможности унифицировать процедурные вопросы, связанные с защитой прав интеллектуальной собственности, уделив особое внимание пограничным мерам, препятствующим перемещению контрафактных товаров на территорию государств-участников Таможенного союза <...> В таких вопросах, как правоприменение, пограничные меры, а также меры административного и уголовного характера, Соглашение ограничивается декларациями общего характера и отсылками к национальному законодательству договаривающихся сторон, Таможенному кодексу Таможенного союза либо к предполагаемому межведомственному договору о координации действий по защите прав на результаты интеллектуальной деятельности» [4]. Согласно проекту Договора о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, на единой таможенной территории осуществляются гармонизация и совершенствование законодательств государств-сторон Договора в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на единой таможенной территории Таможенного союза (ст. 2). Статьи 3-6 посвящены другому направлению сотрудничества, а именно координации действий по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию нарушений прав интеллектуальной собственности, а также по совершенствованию деятельности уполномоченных органов в данной сфере. Устанавливаются полномочия и пределы деятельности Евразийской экономической комиссии, Консультативного комитета по интеллектуальной собственности при Коллегии Евразийской экономической комиссии, уполномоченного органа [1]. С сожалением отметим, что пристальное изучение проекта данного договора приводит к мысли об отсутствии в нем конкретных мероприятий и мер по гармонизации законодательства по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, которые должны быть приняты странами-участницами.

Таким образом, очевидно, что влияние интеграционных процессов на развитие систем права интеллектуальной собственности Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации различно. Принимая на себя обязательство унифицировать принципы регулирования в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности, страны ЕЭП не договорились о едином подходе к процессу унификации. Соответственно каждая страна самостоятельно определяет глубину и пределы этой унификации. Практика показывает скорее отрицательный, нежели положительный эффект такого подхода.

Список литературы

1. Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности: проект // Евразийская Экономическая Комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/dog_koord_29.10.2013.pdf Дата доступа: 15.11.2013.

2. *Леанович Е.Б.* Права интеллектуальной собственности в евразийском регионе (часть 1) / Е.Б. Леанович // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

3. Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. // World Intellectual Property Organization [Electronic Resource]. – Mode of access: www.wipo.org Date of access: 15.11.2013.

4. *Лосев С.С.* Правила охраны интеллектуальной собственности в Едином экономическом пространстве / С.С. Лосев // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

5. Сингапурский договор о законах по товарным знакам // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

6. Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, подписанное в г. Москве 9 дек. 2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

7. *Федорова Ю.А.* Корректировка законов по вопросам правовой охраны объектов промышленной собственности / Ю.А. Федорова // Промышленно-торговое право. – 2012. – № 9.

В.Д. Ипатов
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

Проблемы унификации законодательства государств-членов Евразийского экономического сообщества в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве

Аннотация. В статье анализируются проблемы унификации законодательства государств-членов Евразийского экономического сообщества в ходе евразийской интеграции. Характеризуются успехи и перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

Ключевые слова: ЕврАзЭС, евразийская интеграция, гармонизация, законодательство, успехи, проблемы, перспективы.

Abstract. The article analyses the problem of unification of the legislation of the States-members of the Eurasian economic community in the process of Eurasian integration. The achievements and prospects of the further work in this direction control are characterized.

Keywords: EurAsEC, Eurasian integration, harmonization, legislation, successes, problems, perspectives.

Интеграция на региональном уровне сегодня не только является частью глобальных процессов, но и превращается в одно из основных направлений развития международного права. Интеграционные процессы на территории бывших союзных республик велись и ведутся по всем направлениям жизнедеятельности наших государств. Унификация законодательства играет важнейшую роль в формировании общего правового пространства, обеспечивающего тесное взаимодействие государств — участников интеграционных процессов.

Начало сближению законодательств постсоветских государств положило заключение Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года. Данным международным договором были предусмотрены различные направления совместной деятельности:

– координация внешнеполитической деятельности;

– сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики;

– сотрудничество в развитии систем транспорта и связи;

– сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности;

– вопросы миграционной политики;

– борьба с организованной преступностью.

Однако в Соглашении о создании СНГ не содержалось указания на конкретные формы сотрудничества в указанных сферах деятельности.

В дальнейшем Соглашением о Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государствот 27 марта 1992 года была предусмотрена возможность разработки Межпарламентской Ассамблеей рекомендательных законодательных актов (модельных актов) по вопросам, находящимся в сфере общих интересов Сторон.

Уставом Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 года был уже закреплен расширенный перечень направлений совместной деятельности государств-членов СНГ:

– обеспечение прав и основных свобод человека;

– координация внешнеполитической деятельности;

– сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, таможенной политики;

– сотрудничество в развитии систем транспорта, связи;

– охрана здоровья и окружающей среды;

– вопросы социальной и миграционной политики;

– борьба с организованной преступностью;

– сотрудничество в области оборонной политики и охраны внешних границ.

Данным международным договором также предусматривалась возможность заключения многосторонних и двусторонних международных договоров между государствами – членами, которые были призваны способствовать сближению национальных законодательств, а также проведение совместных консультаций и переговоров с целью выработки предложений для устранения противоречий между нормами национального законодательства государств-членов, регулирующего отношения в сферах совместной деятельности.

Принятие рекомендательных законодательных актов (модельных актов), проведение консультаций и обмен опытом, выработка согласованных действий и позиций по вопросам, находящимся в сфере общих интересов государств-членов СНГ, призваны были способствовать сближению и поэтапному формированию единого правового пространства Содружества.

Однако до настоящего времени указанная цель не достигнута. Не существует действенного механизма реализации решений, принимаемых органами СНГ, использования в национальном нормотворческом процессе результатов модельного законотворчества, а также стройной системы нормативных правовых актов, принимаемых в Содружестве. Отсутствует четкая регламентация соотношения правовых актов Содружества с нормативными правовыми актами национальных законодательств государств-членов. Не установлены способы и механизмы реализации международных договоров, заключенных в рамках СНГ, решений органов СНГ в законодательстве государств-членов, а также формы контроля за их исполнением и ответственность за неисполнение.

Стагнация в формировании единого правового пространства СНГ не оказала отрицательного влияния на дальнейшее развитие интеграционных процессов между государствами-членами СНГ, что нашло свое отражение в образовании иных региональных организаций и союзных объединений. Так, посредством поступательного

развития международно-правовой базы было создано *Союзное государство*, которое на данном этапе является межгосударственным образованием с очень высокой степенью интеграции.

Согласно Договору о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года основными целями его образования являются:

– создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств – участников;

– проведение согласованных внешней политики, а также социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;

– формирование единой правовой системы.

Кроме того, в качестве основных принципов формирования единого экономического пространства указаны:

– унификация законодательства в социальной сфере;

– унификация законодательства в сфере хозяйственной деятельности;

– унификация законодательства о государственном регулировании внешнеторговой деятельности;

– унификация требований к организации надзора за банками и иными кредитными учреждениями;

– действие единого таможенного пространства;

– проведение единой таможенной политики в отношении третьих государств;

– применение единых принципов взимания налогов;

– проведение единой торговой политики в отношении третьих стран, международных экономических организаций и экономических объединений и др.

Договором проведено четкое разграничение сфер, относящихся к исключительному ведению Союзного государства и совместному ведению Союзного государства и государств-участников. Соответственно предусматриваются два способа формирования единого правового пространства: гармонизация и унификация внутреннего законодательства государств и создание единого законодательства Союзного государства. При этом процесс унификации законодательства государств координируется органами Союзного государства.

Единое законодательство формируется посредством принятия органами Союзного государства в пределах своей компетенции следующих актов: акты прямого действия (законы, декреты, постановления); акты, требующие для своей реализации имплементации в национальном законодательстве государств (основы законодатель-

ства, директивы); иные акты (резолюции, рекомендации, заключения). Все акты органов Союзного государства, принятые по предметам совместного ведения, подлежат трансформации, то есть возникает объективная необходимость принятия соответствующих национальных нормативных правовых актов, с помощью которых обеспечивается реализация положений, содержащихся в нормативно-правовых актах Союзного государства. Необходимо также указать, что Договор содержит положение, согласно которому в случае коллизии нормы закона или декрета Союзного государства и нормы внутреннего закона государства – участника преимущественную силу имеет норма закона или декрета Союзного государства. Однако данное положение не применяется к коллизии норм закона или декрета Союзного государства и норм, содержащихся в конституциях и конституционных актах государств-участников.

Может сложиться впечатление, что Договором созданы все основные предпосылки для формирования единой правовой системы Союзного государства. Однако на сегодняшний день недостатки Договора, в частности, нечеткое разграничение и отсутствие строгой иерархии актов органов Союзного государства, неясность в определениях и неоднозначность используемых терминов, не позволяют выстроить четкую систему нормативно-правовых актов Союзного государства. Кроме того, многие белорусско-российские договоренности об унификации законодательства также остаются невыполненными по объективным политическим, экономическим и иным причинам.

Сегодня можно говорить о том, что многие задачи, стоящие перед государствами-участниками Союзного государства в сфере таможенно-тарифного, нетарифного и таможенного регулирования, решены в рамках формирования и обеспечения функционирования Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

Необходимость унификации и гармонизации законодательства в отдельных сферах отношений, в свою очередь, была закреплена в следующих международных договорах, которые предусматривали создание Таможенного союза и Единого экономического пространства, а впоследствии явились правовой основой для создания Евразийского экономического сообщества:

- Соглашение о Таможенном союзе между Республикой Беларусь и Российской Федерацией от 6 января 1995 года;
- Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 года;
- Договор о присоединении Киргизской Республики к Соглашениям о Таможенном союзе 29 марта 1996 года;

- Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года;
- Договор о присоединении Республики Таджикистан к соглашениям о Таможенном союзе от 26 февраля 1999 года;
- Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года;
- Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года.

Данными международными договорами предусматривалось проведение унификации внешнеторгового, таможенного, валютно-финансового, налогового и другого законодательства, затрагивающего внешнеэкономическую деятельность.

Осуществление гармонизации и унификации законодательства, которые были указаны в качестве одной из основных целей интеграции, должно было производиться посредством: координации законопроектной работы; создания единой модельной нормативной базы; обмена правовой информацией; контроля за правоприменительной практикой.

Следует отметить, что Договором между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года была предусмотрена возможность принятия одним из совместных органов управления интеграцией (Межгосударственным Советом) решений, имеющих обязательный характер для органов и организаций Сторон, то есть решений, имеющих прямое действие.

В дальнейшем вопросы унификации законодательства получили свое отражение в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года, который содержал самостоятельную главу, посвященную данным вопросам, и Соглашении о правовом обеспечении формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства от 26 октября 1999 года.

Согласно Договору меры по сближению и унификации законодательства предполагали не только принятие модельных актов, но и заключение международных договоров. Соглашением же был установлен унифицированный порядок регулирования правоотношений по исполнению заключенных международных договоров посредством гармонизации законодательств и синхронизации сроков внесения предложений о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу международных договоров.

Соглашением также закреплялся механизм гармонизации национальных нормативных правовых актов государств, который предусматривал:

– включение международных договоров, Основ законодательства (после выражения государствами согласия на их обязательность) в национальные правовые системы;

– приведение действующих национальных актов в соответствие с правовыми актами Сообщества;

– изъятие отдельных национальных актов из системы действующего национального законодательства;

– правовую интерпретацию типовых проектов законодательных актов и рекомендаций по гармонизации законодательства в акты национального законодательства;

– восполнение пробелов национального законодательства путем принятия новых правовых актов во исполнение действующих международных договоров и решений органов Сообщества.

Дальнейшая практическая реализация Соглашения показала, что необходимым дополнительным элементом гармонизации законодательства является организационно-правовой механизм согласования Основ законодательства ЕврАзЭС, их принятия и реализации, в том числе введения этих актов в национальные правовые системы. Таким правовым механизмом стал Договор о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации от 18 июня 2004 года. Согласно положениям указанного Договора Основы законодательства ЕврАзЭС представляют собой правовые акты ЕврАзЭС, устанавливающие единые для Сторон нормы правового регулирования в базовых сферах правоотношений, которые принимаются путем заключения Сторонами соответствующих соглашений.

Формирование Основ законодательства посредством процедуры принятия международных договоров было призвано зафиксировать определенный уровень сближения национальных законодательств и способствовать созданию единого правового пространства Сообщества. С учетом происходящих в настоящее время интеграционных процессов на постсоветском пространстве представляется, что Основы законодательства могут рассматриваться в качестве правового фундамента будущего Евразийского экономического союза.

В рамках процесса унификации законодательства государств-членов Евразийского экономического сообщества необходимо также рассматривать такие интеграционные проекты, как Таможенный союз и Единое экономическое пространство, которые успешно развиваются в качестве одной из составных частей ЕврАзЭС, являясь одновременно положительным примером унификации законода-

тельств государств-членов данных интеграционных образований. При формировании правовой основы их деятельности был учтен положительный и отрицательный опыт функционирования Содружества Независимых Государств, Союзного государства и Евразийского экономического сообщества.

К настоящему времени реализованы мероприятия по созданию договорно-правовой базы Таможенного союза, формированию институциональной структуры Таможенного союза, унификации таможенного законодательства, примером которой является Таможенный кодекс таможенного союза.

Следует отметить, что создание Таможенного союза не является конечной целью государств-членов ЕврАзЭС, он представляет собой только одну из форм интеграции на пути к модели единого экономического пространства. Предполагается также, что в будущем в него войдут и другие государства – члены ЕврАзЭС. В свою очередь, Единое экономическое пространство предполагает интеграцию не только в экономической, таможенной, но и в политической сфере. Таким образом, процесс унификации и гармонизации законодательств государств будет продолжаться и в дальнейшем.

Постоянное совершенствование механизмов унификации законодательства явилось одной из главных причин успешного развития многоуровневой интеграции государств-членов Сообщества, которую мы можем наблюдать на примере Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Вместе с тем необходимо сказать о том, что остались и нерешенные проблемы. Темпы развития правовых основ интеграционных образований, содержание, качество работы по унификации национальных законодательств далеки от идеальных.

Достижению положительных результатов препятствуют различия в экономических моделях наших государств, несовпадение процессов реформирования экономики и институционального регулирования рыночных отношений. Следует также учитывать, что, как было указано выше, интеграция государств – участников ЕврАзЭС характеризуется существованием дублирующих и конкурирующих форм интеграции, в рамках которых государства – участники сотрудничают в одних и тех же сферах.

Пробелы в процессе унификации законодательства существуют по всем направлениям интеграции: Содружество Независимых Государств, Союзное государство, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Представляется, что для повышения эффективности ЕврАзЭС необходимо создание четкой институциональной и правовой системы, определение статуса, видов и иерархии правовых актов ЕврАзЭС, по-

строение общей правовой системы Сообщества. Для этого необходимо также однозначно определить статус органов ЕврАзЭС, их полномочия и взаимоотношения между собой и с органами государств-членов Сообщества, установить способы и механизмы реализации международных договоров, заключенных в рамках ЕврАзЭС, и решений органов ЕврАзЭС в законодательстве государств-членов, формы контроля за их исполнением и ответственности за неисполнение. Кроме того, следует четко регламентировать соотношение правовых актов Сообщества с нормативными правовыми актами национальных законодательств государств-членов ЕврАзЭС.

Решение этих вопросов позволит создать эффективный механизм координации деятельности органов ЕврАзЭС и органов государственной власти каждого государства-члена в процессе приведения актов национального законодательства в соответствие с правовыми актами Сообщества и гармонизации национальных законодательств государств-членов ЕврАзЭС. Данный механизм должен включать в себя определение конкретных целей унификации (гармонизации), способов ее проведения, а также методов контроля за процессом унификации (гармонизации) в целом и ее практическими результатами в частности.

При проведении обозначенной работы целесообразно также учитывать положительный опыт функционирования других международных организаций, например Европейского Союза, на развитие и становление которого потребовалось не одно десятилетие.

Накопленный опыт и готовая правовая база позволят в дальнейшем обеспечить успешное функционирование нового интеграционного объединения — Евразийского экономического союза.

Г.Л. Касторский
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

Безопасность государства и личности в условиях глобализации: криминологический анализ

Аннотация. В данной работе рассмотрены некоторые проблемы обеспечения безопасности и прав человека при международном сотрудничестве в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: глобализация, безопасность государства и личности, терроризм, международное право.

Abstract. In this work are considered some problems concerning human security and human rights following international Cooperation in the struggle against crime.
Key words: globalization, state and individual security, terrorism, international law.

Несмотря на утверждения об опасности различных проявлений преступности международного характера, прежде всего терроризма, в действительности комплексную и зачастую глобальную опасность представляют военные преступления, поскольку:

1) они одновременно причиняют ущерб: а) физический; б) имущественный; в) моральный; г) политический;

2) нарушают обычные повседневные связи и отношения людей;

3) прерывают функционирование коммуникационных систем;

4) вызывают необходимость долговременных и значительных затрат на восстановление довоенного хозяйства и большей части экономики;

5) приводят к перемещениям значительных масс людей на большие расстояния, что является деструктивным фактором для местностей, где появляются беженцы;

6) нарушают налаженные процессы воспроизводства и выживания человека.

Опасность межгосударственных военных конфликтов убедительнее всего свидетельствует о необходимости международного сотрудничества с целью недопущения преступлений трансграничного характера. За последние 5600 лет свыше 15 тыс. войн лишили жизни 3,5 млрд. человек. Только в XX в. в результате межгосударственных и гражданских войн погибло 139 млн. человек, а собственными правительствами уничтожен 151 млн. граждан, причём лидером в этом «деле» является наша страна: около 70 млн. жертв социальных и экономических экспериментов, политических и антирелигиозных репрессий [1, с. 9].

Данное обстоятельство вынуждает задумываться над тем, может ли современное общество безоглядно доверять государственным системам обеспечения национальной и международной безопасности в условиях роста влияния транснациональных корпораций и международных преступных синдикатов, всё интенсивнее оказываемого на правительства разных стран. Но как раз сверхкапиталы, направленные на дальнейшее обогащение узкого круга лиц, привлекают криминал, сращиваются с ним, изобретают всё более изощрённые средства эксплуатации миллиардов людей с массовыми нарушениями прав человека, а международные объедине-

ния усиливают безопасность подобных глобальных криминализованных систем, но не безопасность отдельной личности и человечества в целом. Таковы негативные издержки интеграционных процессов с кажущимися внешне благородными целями и задачами.

В эпоху обострения террористических угроз актуализируются вопросы международного сотрудничества в противодействии этому криминальному явлению и другим преступлениям международного характера. Неудачи национальных систем противодействия преступности [2, с. 107] и её негативным трансграничным явлениям приводят государства к необходимости консолидировать усилия в этой сфере.

Шанхайская конвенция 15 июня 2001 года стран СНГ и Китая о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом аккумулировала достижения ряда международных правовых актов, направленных на противодействие распространению таких негативных социальных явлений и других опасных проявлений преступности. Данная Конвенция в наибольшей мере отвечает интересам РФ в вопросах противодействия трансграничным проявлениям преступности.

Согласно Шанхайской конвенции стороны осуществляют сотрудничество, в частности, на следующих направлениях:

1) обеспечение уголовно-правовой национальной регламентации терроризма, который не подлежит оправданию ни по каким соображениям (политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного и иного аналогичного характера);

2) организация взаимодействия между центральными компетентными органами Сторон в рамках Конвенции в двустороннем и многостороннем форматах на основании запроса об оказании содействия, а также путём информирования по инициативе центрального компетентного органа одной из сторон;

3) указание каждой из Сторон своих полномочных органов по борьбе с обозначенными криминальными явлениями, которые взаимодействуют друг с другом непосредственно;

4) взаимное консультирование и согласование совместных действий Сторон при осуществлении комплекса уголовно-процессуальных и розыскных мероприятий аналогично договорам о выдаче и взаимной правовой помощи по уголовным делам;

5) создание линий экстренной связи и проведения внеочередных встреч;

6) обмен информацией о готовящихся или совершённых трансграничных акциях, которые могут интересовать другого участника Конвенции.

Давая определение криминальных явлений, для противодействия которым Стороны объединяют свои общие усилия, Шанхайская конвенция подтверждает приверженность ранее принятым в этой области актам международного права, в том числе следующим Конвенциям:

1) Гаагской от 16 декабря 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов;

2) Монреальской от 23 сентября 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации;

3) Организации Объединённых Наций от 14 декабря 1973 года о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов;

4) её же от 17 декабря 1979 года о борьбе с захватом заложников;

5) Венской от 3 марта 1980 года о физической защите ядерного материала;

6) двум Римским от 10 марта 1988 года: а) о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства: б) о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе;

7) Организации Объединённых Наций от 15 декабря 1997 года о борьбе с бомбовым терроризмом;

8) её же от 9 декабря 1999 года о борьбе с финансированием терроризма.

По данным отечественных учёных, «эффективность» террористов в 6-7 раз выше эффективности антитеррористической деятельности; раскрываемость актов терроризма не превышает 20%; акты терроризма в 80-90% случаев достигают целей, поставленных организаторами [3, с. 130]. От актов терроризма (в целом, а не только международного) гибнет примерно 800 человек в год во всём мире, а от голода и болезней — 30 миллионов [2, с. 137].

В.В. Лунеев выделяет три глобальных опасности для человечества: военную, экологическую и криминальную, связывая первую с агрессивными замыслами ограниченной кучки людей, а последнюю — с повседневной психологией миллионов субъектов, представляющих все слои общества, хотя «и кровавые войны, и экологические катастрофы, и другие опасности чаще всего замешаны на криминале» [4, с. 55].

В современном мире очевидны интеграционные процессы, которые активизируются и в преступной среде. Криминалитет функционирует в условиях отсутствия правовых и моральных пре-

пятствий для сотрудничества с коллегами из других стран. Главным принципом этого сотрудничества является бизнес-интерес, то есть материальная, а иногда и иная выгода. В тех странах, где демократические процессы и правовая система выстроили надёжные препятствия для монополизма, используются средства изменения избирательной системы и антимонопольного законодательства с помощью подкупа должностных лиц и избирателей, а неподкупные устраняются физически или путём подрыва деловой репутации.

Таким образом, всё более реальную власть в мире приобретают транснациональные корпорации, пронизывающие государственные, экономические, банковские, международно-правовые системы и не останавливающиеся ни перед чем для достижения своих целей. Организованная преступность всё более расширяет международные связи и территориальные сферы действия. Открытость границ позволяет преступникам скрываться за рубежом.

Я.И. Гилинский отмечает, что глобализация усилила, а не ослабила процесс социального расслоения. Последнее обстоятельство влечёт за собой рост числа «исключённых», теряющих место в обществе и готовых на крайние поступки во имя радикальных идей [1, с. 33], а террористические организации представляют интересы массы «исключённых» в современном мире. Предлагается задуматься о сущности терроризма, являющегося, как правило, ответом на государственный террор: Конструкт «терроризм» помогает властям решить задачи по ограничению демократических свобод, а это, в свою очередь, рождает ответную насильственную реакцию, в частности, терроризм [5, с. 25].

Обращение внимания криминологов на подобные угрозы правам человека в условиях глобализации вызывает потребность в юридическом обосновании международных соглашений, направленных на консолидацию усилий государств в сфере противодействия трансграничным проявлениям преступности, с разработкой механизма защиты прав и свобод человека, предусмотренных императивными нормами.

Список литературы

1. *Гилинский Я.И.* Социальное насилие: Монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.

2. *Рахманова Е.Н.* Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2009.

3. *Дикаев С.У.* Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004.

4. *Лунев В.В.* Эпоха глобализации и преступность. М., 2007.

5. Конструирование девиантности: Монография / под общ. ред. Я.И. Гилинского. СПб.: ДЕАН, 2011.

В.В. Кодолова,
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Проблема правопреемства в отношении бывшего СССР

Аннотация. Настоящая статья направлена на исследование вопросов о правопреемстве после распада СССР в отношении договоров СССР, собственности, архивов и государственных долгов, а также вопрос о сотрудничестве Российской Федерации с ООН после распада СССР, как постоянного члена Совета Безопасности организации. Рассмотрены важнейшие документы, лежащие в основе заключенных многосторонних договоров, которые регламентируют различные вопросы правопреемства между республиками бывшего СССР. Выявлены способы решения проблемы правопреемства по договорам СССР на пространстве Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: правопреемство, международное право, Меморандум о взаимопонимании, СССР, Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении международных договоров.

Abstract. The article aims to study the issues of succession after the collapse of the Soviet Union in the treaties of the USSR, insurance state property, public records and public debts. Considered advanced documents underpinning the multilateral treaty regulating and diversified succession issues between the former Soviet republics. The ways to solve the problem of succession treaties of the USSR has been identified at the Commonwealth of Independent States space.

Keywords: succession , international law, the Memorandum of Understanding, the USSR, the Vienna Convention on Succession of States in respect of treaties

С позиции международного права можно оценивать распад СССР, как распад целостного государства, повлекший за собой образование новых субъектов международного права, т.е. носителей прав и обязательств государства-предшественника и государств-правопреемников. Все бывшие союзные республики являлись такими правопреемниками, кроме, конечно Эстонии, Литвы и Латвии, которые первыми провозгласили свою независимость в августе 1991 г., объяснив это тем, что на момент создания «юридически не входили в состав СССР и поэтому не являются государствами-

преемниками». Исходя из этой и других предпосылок, они полностью отмежевались от всех структур, возникших на осколках Советского Союза. В результате, 12 из 15 бывших союзных республик решили принять на себя правопреемственные обязанности, учредив Содружество Независимых Государств.

Когда речь заходит о правопреемстве как таковом, не можем обойти такой значимый документ, как Венская конвенция «О правопреемстве государств в отношении международных договоров» 1978 г., которая регулирует правопреемство в мировой практике. Эта конвенция вступила в силу лишь в 1996 г., однако ее основные положения по состоянию на 1991 г. были признаны в качестве международного обычая. Именно исходя из этого, вопросы правопреемства республик бывшего СССР можно считать подпадающими под ее действие[1].

«Правопреемство государств — результат изменения суверенитета над определенной территорией. В случае, если политические изменения не приводят к существенному изменению суверенитета, новое образование считается государством-продолжателем, а не государством-преемником». В международном праве, как таковом, существуют два механизма правопреемства: tabula rasa — право выбора, который применяется в случаях «новых независимых государств» и континуитет — автоматическое наследование, механизм, который применяется во всех случаях «отделившихся государств».

Таким образом, фактическое (политическое) решение вопроса о правопреемстве странами СНГ договоров СССР было следующим:

«1. Россия в роли прямого продолжателя СССР заменила его во всех международно-правовых отношениях.

2. Балтийские республики — Латвия, Литва и Эстония — были признаны восстановившими свою первоначальную независимость, в связи с чем вопрос о правопреемстве в их случае вообще не поднимался — правовое существование балтийских республик продолжилось на том уровне, на котором оно было прервано в момент их включения в состав СССР.

3. Украина и Белоруссия продолжили свою международную правосубъектность, объем которой расширился.

4. Остальные девять республик были признаны государствами-преемниками, отделившимися от первоначального государства».

---

[1] Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении международных договоров. Принята 23 августа 1978 г. // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml (дата обращения: 28.11.2013).

Однако, в силу положений Алма-Атинской Декларации их потенциальное право воспользоваться механизмом tabula rasa не рассматривалось, т.е. они автоматически были признаны «отделившимися государствами», что проявлялось по большей степени в отношении международных договоров.

В связи с распадом СССР особо сложными явились вопросы правопреемства в отношении внешнего государственного долга и государственной собственности СССР, прежде всего, собственности за границей. Об этом свидетельствуют соглашения и решения, принятые государствами-участниками СНГ.

К концу 1991 г. стало очевидным, что Советский Союз как государство доживает свои последние дни. В конце октября — начале ноября 1991 г. представители семи ведущих стран-кредиторов встретились в Москве с уполномоченными союзных республик. На встрече обсуждались вопросы внешних долгов СССР. Разумеется, кредиторы были заинтересованы в том, чтобы обязательства Советского Союза по внешним долгам перешли к государствам-преемникам и чтобы те в полной мере гарантировали их выполнение. В ходе встречи были подписаны Меморандум о взаимопонимании относительно долга иностранным кредиторам Союза Советских Социалистических Республик и его правопреемников от 28 октября 1991 г. и Коммюнике от 24 ноября 1991 г., в которых излагались взаимные обязательства сторон[1].

В Меморандуме сформулирован принцип выплаты долга СССР его преемниками — принцип солидарной ответственности. Указано это таким образом: «Стороны объявляют себя солидарно несущими ответственность за долг без ущерба для первоначальных контрактов» (ссылка). Это означало, что преемники все вместе и каждый в отдельности несут ответственность за весь долг, всю сумму, и любое невыполнение условий по его обслуживанию автоматически приведет к прекращению кредитования для всех и каждого отдельно взятого государства-преемника. И если одно из этих государств оказывается не в состоянии выплачивать свою долю долга, то остальные партнеры по Меморандуму должны были взять на себя обязательства по погашению этой доли.

4 декабря 1991 г. был подписан Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Советского Союза, а 30 декабря 1991 г. заключено Соглашение глав государств Содружества Независимых Государств о собственности бывшего

---

[1] *Косов Ю.В., Торопыгин А.В.* Содружество Независимых Государств: институты, интеграционные процессы, конфликты: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2009.

СССР за рубежом. В соответствии с Соглашением вся эта собственность подлежала разделу в тех же долях, что и государственный долг СССР: Азербайджан — 1,64%; Армения — 0,86; Беларусь — 4,13; Казахстан — 3,86; Кыргызстан — 0,95; Молдова — 1,29; Российская Федерация — 61,34; Таджикистан — 0,82; Туркменистан — 0,70; Узбекистан — 3,27; Украина — 16,37%. Совокупная доля Грузии, Латвии, Литвы и Эстонии, составляющая 4,77%, Соглашением не затрагивается».

Кризис, существовавший практически во всех странах СНГ в тот период, не позволил многим из них проводить выплаты по долгам, поэтому на основе соответствующих двусторонних соглашений России со странами СНГ произошел своеобразный обмен долга на собственность — Россия взяла на себя обязательство выплатить все советские долги, а постсоветские государства отказались в ее пользу от собственности СССР за рубежом.

К собственности бывшего СССР можно отнести и его военный потенциал, и ядерное оружие. В связи с этим неслучайно уже в учредительных документах СНГ для внесения ясности в этот вопрос было четко сказано об установлении единого контроля за ядерным оружием и военно-стратегическим пространством. На повестке дня стояла также проблема оружия массового поражения, имевшегося в значительном количестве в арсеналах СССР, но этот вопрос решался относительно легко. Дело в том, что все объекты по хранению и производству химического оружия были размещены на территории Российской Федерации. По Женевскому протоколу от 17 июня 1925 г. согласились с тем, что Российская Федерация возьмет на себя выполнение обязательств, вытекающих из этого Протокола. Остальные же государства-участники Содружества, на территории которых нет химического оружия, рассмотрят возможность присоединения к Женевскому протоколу. Все стороны Соглашения обязались придерживаться объявленного СССР еще в 1987 г. решения о прекращении производства химического оружия, а Российская Федерация брала на себя и обязательства по его уничтожению.

Необходимо также отметить, что, в соответствии с положениями Соглашения о правопреемстве в отношении государственных архивов бывшего СССР, стороны признали целостность и неделимость архивов СССР, которые находятся за пределами их территорий, а также заявили, что не претендуют на право владения ими. Архивы СССР, находившиеся на территориях государств-участников, перешли под юрисдикцию соответствующих государств. Стороны Соглашения обязались обеспечивать в соответствии со своим законодательством доступ исследователей к архивам и при-

знавать на своих территориях юридическую силу справок, выданных государственными архивными учреждениями стран СНГ.

Нельзя обойти стороной и один из важнейших вопросов, вставших перед мировым сообществом в связи с прекращением существования СССР, как субъекта международного права, а именно вопрос о членстве в Совете Безопасности ООН — месте СССР, как постоянного члена главного мирового органа по поддержанию мира и безопасности. Задержка в решении этого вопроса могла бы повлечь за собой необходимость внесения поправок и изменений, как в Устав Организации Объединенных Наций, так и в количественный состав Совета Безопасности ООН. Значительную роль в решении этого вопроса оказало то, что, как уже отмечалось ранее, преемницей СССР является Российская Федерация. Для того, чтобы проследить признание международным сообществом РФ как продолжателя СССР, следует вспомнить события 24 декабря 1991 г., когда Президент Российской Федерации обратился к Хавьеру Кужльяру (генеральный секретарь Совета Безопасности ООН на 1991 г.), опираясь на упомянутое решение Совета глав государств СНГ, с посланием[1].

В практическом плане признание международным сообществом Российской Федерации как «государства-продолжателя» СССР протекало следующим образом. 24 декабря 1991 г. Президент Российской Федерации, опираясь на упомянутое Решение Совета глав государств СНГ (Решение от 21 декабря 1991 г. о членстве в ООН и других международных организациях), обратился к Генеральному Секретарю ООН с письмом, в котором информировал его о том, что членство СССР в ООН, в том числе в Совете Безопасности, во всех других органах и организациях системы ООН будет продолжаться Российской Федерацией. Особое внимание было отведено информации о том, что Российская Федерация полностью сохраняет ответственность за все права и обязательства СССР в соответствии с Уставом ООН, включая, конечно, и финансовые обязательства[2].

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на ряд проблем, возникших после распада СССР, самой острой оказалась проблема правопреемства архивов. Но и этот аспект довольно быстро урегулировали, поскольку в рамках СНГ сотрудничество по вопросам архивов строится, как правило, на базе межгосударственных соглашений, подписываемых архивными ведомствами, и, как известно, такие типовые договоры в разное время Российская Федерация подписала со всеми государствами, входившими в состав быв-

---

[1] Дипломатический вестник. 1992. № 1. С. 13.

[2] Внешняя политика России. 1990-1992 гг. М., 1996. С. 148.

шего СССР. Так, проблема правопреемства государственных архивов была полностью урегулирована, не породив никаких споров между государствами-преемниками бывшего СССР.

В целом, уже больше двух десятков лет прошло после распада СССР, но можно утверждать, что правовые вопросы и сегодня вызывают оживленные дискуссии, перерастающие порой в ожесточенные споры. Многие государства (ранее члены Советского Союза) считают несправедливым раздел бывшего общего дома. Большинство из них имеет претензии к России: территориальные, финансовые, по разделу инфраструктуры, вооруженных сил и др.

И.В. Кожухова
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Проблемы гармонизации уголовно-правовой политики в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на евразийском пространстве

Аннотация. В статье анализируются масштабы развития наркобизнеса и наркомании в Российской Федерации в условиях евразийского пространства. Автором отмечается недостаточно эффективная гармонизация уголовно-правовой политики в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Рассматриваются законодательные противоречия антинаркотической политики Российской Федерации и стран-участниц ЕврАзЭс; предлагается ряд мер по противодействию наркопреступности и наркотизму.

Summary. In the article scales of development of drug business and drug addiction in the Russian Federation in the conditions of the Euroasian space are analyzed. The author notes insufficiently effective harmonization of criminal and legal policy in the field of counteraction to illicit trafficking in drugs and psychotropic substances. Legislative contradictions of anti-narcotic policy of the Russian Federation and the countries participating EurAsEC are considered. A number of measures for counteraction of drug crime and to a narkotism are offered.

Ключевые слова: Таможенный союз; Единое экономическое пространство; контрабанда наркотических средств; наркомания; наркобизнес; незаконный оборот наркотиков; законодательные новеллы.

Key words: Customs union; Common economic space; smuggling of drugs; drug addiction; drug-business; drug trafficking; legislative short stories.

На сегодняшний день практически беспрепятственное перемещение наркотических средств и психотропных веществ на территорию Российской Федерации происходит как из-за неэффективной системы защиты территории от нелегального ввоза вышеуказанных средств и веществ из-за рубежа, отсутствия должного уровня оснащенности таможенных постов и тщательности проверок на них, так и из-за недостаточно эффективной гармонизации уголовно-правовой политики в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ [1, с. 59-60].

Существенная масса наркотических средств и психотропных веществ идет в Россию именно через таджикско-афганскую, туркмено-афганскую и российско-казахстанскую границы. Ежегодно в Афганистане производится до ста миллиардов разовых доз героина, от которых ежегодно уходят из жизни порядка 100 тысяч человек [8]. Не составляет труда подсчитать, что за последние двенадцать лет в Евразии от афганского героина погибло более миллиона человек. К глубокому сожалению, свыше 20% данного наркотрафика остаётся именно на территории России, а это ни много, ни мало 70 тонн героина и примерно 56 тонн опия [6].

Почти четыре миллиона афганских крестьян (около 15% населения) заняты в производстве и переработке опиумного мака, что, в свою очередь, обеспечивает около 9% ВВП Афганистана [6]. Заменить данный вид дохода на какой-либо иной в условиях непрерывной войны и оккупации значительной части страны войсками НАТО на данный момент не представляется возможным, т.к. требует огромных расходов и продуманной экономической политики, к чему Афганистан не готов. Лишить и без того нищенское население данного источника равносильно нарастанию противоречий внутри страны, и так раздираемой внутренними и внешними конфликтами.

На наш взгляд, остановить все усиливающиеся наркопотоки по Северному маршруту из стран Азии можно лишь путем перекрытия вышеуказанных границ. Но реализовать данное предложение в связи с образованием Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана представляется затруднительным. Невольно создается впечатление, что политика нашего государства направлена вовсе не на сокращение наркопотоков из стран Азии.

В соответствии с подписанным в декабре 2010 года соглашением «О единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности» с 1 января 2012 года на территории государств-участников Таможенного союза (Единого экономического пространства) введен региональный принцип исчерпания прав на товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности (ИС). Таким образом, в России и Белоруссии автома-

тически перестал действовать национальный (территориальный) принцип, а в Казахстане — международный. Данные события не могли не сказаться на работе таможенных служб, у которых появилась дополнительная нагрузка и ответственность. Однако ряд фактов указывает на то, что в новых условиях белорусская и казахстанская таможни не готовы к эффективной работе по данному направлению. Как известно, основная масса наркотиков ввозится в Сибирь, а потом и в другие регионы РФ как раз через границу с Казахстаном. Это и есть маршрут так называемого «афганского» наркотрафика.

На сегодняшний день на таможенных постах действует система анализа и управления рисками, суть которой состоит в следующем: досматривается лишь один процент автомобилей из потока, их определяют по целому набору признаков, дающих основания усомниться в содержимом фуры [4]. Данное обстоятельство, наряду с отменой Федеральным законом Российской Федерации от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ статьи 188 УК РФ, устанавливавшей уголовную ответственность за контрабанду, и заменой ее на новую статью 229[1] УК РФ, порождает серьезное опасение: не откроется ли прямая дорога афганскому наркотрафику в Россию, относительно сдерживающей силой которого до сегодняшних дней являлась именно таможенная русско-казахстанская граница?

Если более детально вдаваться в суть изменений законодательства по вопросу контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, следует сказать следующее. По верному замечанию А.В. Федорова, перечни наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, а также квалифицирующие размеры таких средств и веществ для целей ст. 229[1] УК РФ в Российской Федерации одни, установленные постановлениями Правительства РФ, а в Казахстане и Белоруссии — свои, которые не совпадают по ряду позиций с перечнями российскими [5, с. 75]. Данный факт, несомненно, приводит к возникновению ситуаций, при которых ст. 229[1] не может применяться. Таким образом, согласно законодательству Республики Беларусь возможно вполне законное перемещение через таможенную границу данной республики с последующей доставкой в Россию, к примеру, наркотического средства 7-ацетоксимитрагинина или метоксетамина, входящих в список наркотических средств, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации, но не включенных в Республиканский перечень наркотических средств,

психотропных веществ и их прекурсоров [7], подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь. Вышеуказанное противоречие создает реальные препятствия для уголовного преследования таких действий в Российской Федерации и Республике Казахстан, в которых они являются преступными и подлежат уголовной ответственности, что открывает беспрепятственную дорогу через границу Республики Беларусь не запрещенным данным государством наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам на территорию Российской Федерации.

К сожалению, на сегодняшний день институт государственной границы на законодательном уровне практически отсутствует в системе мер по борьбе с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ [2, с. 145-149], что находит свое подтверждение в несообразно малом количеством уголовных дел по данному составу преступления. Так, с января по октябрь 2013 г. зарегистрировано только 1384 преступлений по ст. 229[1] УК РФ [3], что, в действительности, не отражает реальную картину контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, которая в десятки и даже сотни раз выше.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу о недостаточно эффективной гармонизации уголовно-правовой политики в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, крайне низком потенциале противодействия незаконному ввозу данных средств и веществ. Складывается парадоксальная ситуация, когда институт госграницы нормативно присутствует, но пробелы в законодательстве позволяют реально рассматривать границу, в особенности наиболее наркоопасный российско-казахстанский ее участок, исключительно как мало что значащую линию на политической карте.

Литература

1. *Кожухова И.В., Милюков С.Ф.* Насущные проблемы российской антинаркотической политики // Публичное и частное право. Вып. II (XIV). М., 2012.

2. *Кожухова И.В., Милюков С.Ф.* Противодействие контрабандному ввозу наркотических средств в условиях формирования единого экономического пространства // Таможенные чтения – 2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности: Сборник матер. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том 2 // Под общ. ред. А.Н. Мячина. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2012. С. 145-149.

3. Официальный сайт МВД РФ. Состояние преступности с января по октябрь 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/tcAeqVoQFq.pdf

4. Российская газета. Союз. Беларусь-Россия. № 532 (48). 2011. 22 декабря.
5. *Федоров А.В.* Изменения в законодательстве об ответственности за контрабанду: новые реалии и проблемы // Уголовное право. 2012. № 2.
6. URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events_all/2012/0910/001220312/detail.shtml
7. URL: http://www.pravo.by/pdf/2003-70/2003-70(088-098).pdf
8. URL: http://www.rg.ru/2013/10/25/narkotiki-site.html

О.В. Костина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Институциональное развитие и формирование медиации в правовом пространстве

Аннотация. В данной статье автор анализирует институт медиации и его формирование в мировых правопорядках. Описаны основные подходы к развитию исследуемого института в некоторых европейских странах. Рассмотренный опыт внедрения процедуры медиации в ряде стран, позволил автору сделать вывод о перспективах и проблемах применения медиации в России.
Ключевые слова: медиация, посредник, конфликт, переговоры, судебная система, альтернативный способ разрешения споров.
Abstract. In this article the author examines the institution of mediation and its formation in the world's legal systems. The basic approaches to the development of the test institute in some European countries. Considered the introduction of mediation experience in a number of countries, allowed the author to conclude that the prospects and problems of application of mediation in Russia.
Keywords: mediation, the mediator, conflict, negotiation, judicial system, an alternative method of dispute resolution.

История медиации уходит своими корнями в глубокую древность. В определенные исторические эпохи существовали разнообразные формы урегулирования конфликтов, предусматривающие целый комплекс мер и решений, способных временно, либо окончательно погасить конфликт сторон в форме, приемлемой для этого конкретно-исторического общества. Процедура медиации — примирительные методы урегулирования споров — использовались уже со времен существования первобытного общества. Необходимостью для привлечения третьей нейтральной стороны для разрешения конфликтов являлось, прежде всего, желание выжить. Наивысшее развитие в древнем мире эта процедура получила в регионах с

наиболее развитой торговлей. Историки находят корни современной медиации у Финикийской цивилизации, основой которой была морская торговля, и в Древнем Вавилоне. Широкое распространение получил институт посредничества в Китае и Японии [4]. В этих странах и сегодня нормы морали ставят примирение сторон посредством диалога намного выше, чем решение проблемы государственным судом.

Дальнейшее развитие института посредничества происходило в Греции, где медиаторы были известны как proxenetas. В Древнем Риме, начиная с Дигестов Юстиниана, появилось законодательное закрепление положения медиаторов. В римском праве они именовались по-разному: internuncius, medium, intercessor, interpolator, conciliator, interlocutor, interpres и, наконец, mediator [3, с. 23].

В средние века на Руси с помощью посредников предпринимались попытки закончить миром княжеские междоусобицы. В этих случаях посредниками часто выступали представители духовенства. Довольно активно медиация применялась при разрешении международных споров. Называлось это по-разному: «посредничество», «ходатайство», «предложение добрых услуг». В начале XIX века в Российской империи была создана и эффективно действовала система коммерческих судов, которые в строгом процессуальном смысле таковыми не являлись. Связано это было с тем, что не менее половины судей избирались из представителей купечества (не ниже 1-й или 2-й гильдии), а сам процесс в коммерческом суде проходил в форме примирительного разбирательства с применением норм обычного права [5].

Появление медиации в ее современном виде напрямую связано с практикой разрешения споров в США. Именно там возникла так называемая «гарвардская концепция переговоров» [7, с. 15], затем положенная в основу медиации и получившая широкую популярность в практике разрешения споров западных стран. История развития медиации в современном понимании насчитывает не более 50-60 лет и в мировом масштабе имеет ярко выраженный характер культурной экспансии, при которой модель урегулирования бизнес-конфликтов, разработанная США, принимается и используется в других странах [6, с. 52].

Американские судьи создали первые организации, которые предлагали услуги медиации. К 1980-м годам медиация приходит в континентальную Европу. В качестве примера развития медиации можно привести опыт Германии и Нидерландов. Так же, как и в Нидерландах, в ФРГ медиация «импортировалась» из США, что сегодня не отрицается [1, с. 57]. Следует признать, что в Германии удалось сформировать профессиональное сообщество практикую-

щих медиаторов и экспертов в сфере альтернативного разрешения споров, а тема медиации стала актуальной и постоянно обсуждалась в самых различных кругах. Не стоит забывать, что за этими процессами стоят несколько десятилетий практики, обучения и самоорганизации (7). В обеих странах первые попытки нормативного закрепления медиации были предприняты лишь после принятия Директивы 2008/52/ЕС «О некоторых аспектах медиации по гражданским и коммерческим делам» от 21 мая 2008 г. Однако процесс создания национального законодательства в этой сфере растянулся на несколько лет. В Германии проект закона «О поддержки медиации и других процедур внесудебного урегулирования конфликтов» был подготовлен правительством и опубликован 12 января 2011 г. После публикации этого документа всем заинтересованным лицам предоставили возможность заявить свои критические замечания, после чего обсуждение и доработка законопроекта были продолжены в комиссиях бундестага.

Достаточно интересно развивается этот институт в странах бывшего соцлагеря, явными лидерами среди которых являются Хорватия и Словения. Причем Словения практически за 10 лет достигла серьезных успехов в сфере совершенствования правосудия и интеграции альтернативных способов разрешения споров. В 2008 году в Словении был принят и успешно действует Закон о медиации, и уже вступил в силу новый закон об альтернативных методах решения споров (АРС) при судах, согласно которому все суды в стране должны предоставлять сторонам возможность обращения к АРС. Для России опыт восточноевропейских стран очень важен, ведь у нас много общего с точки зрения менталитета и психологии.

Отметим, что в большинстве западноевропейских стран сначала накапливался практический опыт применения медиации, а уже затем создавалась правовая база. Во многих восточноевропейских странах реализовывались пилотные проекты и параллельно принимались законы. Знаменательно, что 12 июля 2013 г. Глава государства Беларусь подписал Законы «О медиации» и «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам развития медиации». Оба вышеназванных закона вступят в силу 24 января 2014 г. — через шесть месяцев после официального опубликования, которое состоялось 23 июля 2013 г. Закон «О медиации» — давно ожидавшийся юридическим сообществом законодательный акт, который призван стимулировать более активное внедрение в белорусскую практику медиативных процедур. Как указано в самом Законе, он направлен на определение правовых и организационных основ применения медиации, создание благоприятных условий для ее развития.

Медиация в Республике Беларусь развивается от судебной (юрисдикционной) формы к внесудебной (доюрисдикционной) через промежуточную форму (так называемую «околосудебную» медиацию) [2, с. 66]. Основной характеристикой белорусской модели развития медиации является активное участие в данном процессе судебной системы, которая готова стимулировать обращение сторон к внесудебному медиатору, в том числе путем обеспечения возможности принудительного исполнения соглашения, заключенного сторонами с участием внесудебного посредника.

В России, стране с динамично развивающейся рыночной экономикой, являющейся одним из ключевых участников международной экономической деятельности и ориентированной на социальные общечеловеческие ценности, институт медиации действительно необходим, и его появление обусловлено следующими факторами:

во-первых, медиация выступает одним из инструментов совершенствования и даже гуманизации правовой системы;

во-вторых, рыночная экономика предполагает самостоятельность и ответственность граждан;

в-третьих, медиация есть механизм, позволяющий государству делегировать часть своих полномочий гражданам, одновременно содействующий развитию институтов гражданского общества.

Анализ специальной литературы показал, что в России о медиации впервые заговорили в 1990-х гг. Однако в период становления нового российского государства и проведения масштабных правовых и судебных реформ новая процедура урегулирования конфликтов не вызывала к себе особого интереса ни у государства, ни у юридического сообщества страны, ни у гражданского общества. Ситуация кардинально изменилась в середине 2000-х годов, когда результатом судебной реформы 1990-х стали постоянно растущая нагрузка на суды и огромные бюджетные расходы на содержание судебной системы. Именно тогда возникла острая потребность в оптимизации судебных процедур и общих подходов к разрешению споров, и именно тогда медиация впервые попала в центр внимания государства.

Положения о развитии медиации наряду с другими альтернативными видами разрешения споров попали в правительственную программу развития судебной системы на 2006-2011 гг. Примерно в это же время была создана и первая комиссия по разработке законопроекта о медиации под эгидой Торгово-промышленной палаты РФ, начала зарождаться научная дискуссия относительно перспектив развития медиации в России, которые, как правило, положительно оценивались ведущими отечественными специалистами.

Вершиной общих усилий в данном направлении стало принятие и вступление в силу с 1 января 2011 г. Федерального закона о медиации, целью которого было создание правовых условий для развития медиации в нашей стране и правовое стимулирование данного процесса. Основной задачей данного закона является институционализация медиации и введение ее в правовое пространство России. В России уровень правосознания граждан, степень развития институтов гражданского общества все-таки ниже по сравнению с европейскими странами и США. В то же время для российских граждан доступность судебного разбирательства гораздо выше. Судебные издержки при ведении дел в наших судах, в том числе размер госпошлины и услуги представителей ниже, чем в западных странах, а скорость рассмотрения дел несколько выше. Конечно, это усредненные показатели, но факт остается фактом — в России пока в целом нет тех объективных экономических условий, которые спровоцировали бы спрос на процедуру медиации. Есть также субъективные факторы, препятствующие развитию медиации в нашей стране. Незнание о медиации связано с низким уровнем правовой культуры в целом. Значительную роль здесь играет отношение к медиации со стороны представителей юридических профессий: адвокатов, юристов, судей и уровень их просвещенности. Если бы среди юристов хотя бы большая часть была способна компетентно рекомендовать медиацию, то, конечно, среди широких слоев населения информированность о таком альтернативном подходе к урегулированию споров была бы выше.

Итак, следует констатировать тот факт, что в настоящее время медиация — это глобальное транснациональное движение, которое развивается повсеместно в ответ на непрекращающиеся тяжбы и невозможность прийти к решению, что представляет собой всеобщий феномен. Медиация — адекватный ответ на тенденцию к все более частой «подмене» истинных целей обращения в суд (месть, амбиции, желание добиться восстановления права, которое фактически не было нарушено или последствия нарушения которого минимальны), появление «профессиональных сутяжников», в том числе вследствие изменения психологии индивида в глобальном мире.

Список литературы

1. *Аболонин В.О.* Коммерческая медиация в России: особый вектор развития // Закон. 2012. № 3.

2. *Здрок О.Н.* Законодательство о медиации не должно опережать развитие общественных отношений // Вестник Высшего Хозяйственного суда Республики Беларусь. 2011. № 11.

3. *Кучинская Е.Н., Гасанов А.М.* Актуальные вопросы становления и развития медиации в России // Российский судья. 2012. № 5.

4. Электронный ресурс URL: http:// ru.wikipedia.org/ wiki/
5. Электронный ресурс URL: http://vsgfond.narod.ru
6. *Bond G.* Managong Cultural Diversity at the International Chamber of Commerce International Commercial Mediation Competiaion, Master-Thesis. Frankfurt-am-Oder, 2011.
7. *Fischer Ft., Ury W., Patton B.* Getting to yes: negotiating agreement without giving in. New York, 1991.

Н.Н. Костюк
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

Проблемы реализации гражданско-правовой защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены принципы защиты прав человека, определяются механизмы защиты прав, формы институциональных гарантий прав человека. Проделан анализ российской правоприменительной практики.
Ключевые слова: эффективность правовых норм, гражданские права, нарушение гражданских прав.
Abstract. The article describes the principles of human rights protection, there are defined the mechanisms of guarantees, forms of institutional guarantees of human rights. There is the analysis of the Russian law enforcement.
Key words: effectiveness of legal norms, civil rights, violation of civil rights.

Обоснование проблематики конструкции и функционирования механизма реализации защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в российском гражданском праве мы начинаем с утверждения о том, что формально в России уже существует механизм защиты гражданских прав и законных интересов. Политическое и правовое развитие российского государства конца XX — начала XXI вв. позволяет утверждать о формировании в конституционных и международно-правовых актах целой системы защиты прав и свобод граждан, реализующейся в разветвленном отраслевом законодательстве. Значительная часть элементов этой системы находится в отрасли гражданского права, нормативный состав и предмет регулирования которого с развитием рыночных отношений значительно расширился.

В Конституции России 1993 г. [1], впервые в отечественном праве, была закреплена возможность защищать свои права и свобо-

ды всеми способами, не запрещенными законом, использовать международно-правовые механизмы защиты прав и свобод, гарантирована судебная защита прав и свобод каждому человеку. Можно утверждать, что конкретизация и проведение в жизнь общепризнанного принципа международного права, защиты прав человека, стали вектором общественного и государственного развития для России все последние десятилетия. Одним из первых нормативных актов, принятых в этой области в России, стала Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Верховным Советом РСФСР от 22 ноября 1991 года [2], провозгласившая права и свободы человека и гражданина высшей ценностью общества и государства. В ней отмечается необходимость приведения российского законодательства в соответствие с общепризнанными мировым сообществом стандартами прав и свобод человека. Одним из ориентиров при этом должна служить Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 19 декабря 1948 года [3]. Кроме того, были разработаны и приняты такие важнейшие международные акты, как Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года [4] и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года [4], в которых провозглашаются права каждого человека на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность личной, семейной жизни, корреспонденции, честь, репутацию, тайну жилища, свободу передвижения и выбор места жительства.

Принцип защиты прав человека полностью трансформируется и в конституционном законодательстве. В частности, ст. 2 Конституции РФ провозглашает в качестве обязанности государства признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Глава 2 Конституции РФ полностью посвящается закреплению прав и свобод человека и гражданина. Количество статей Конституции РФ 1993 г., относящихся к институту прав и свобод, существенно увеличилось по сравнению с ранее действовавшим Основным Законом.

Важно отметить, что субъектом, обязанным обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод, является государство (ст. 2 Конституции РФ). Именно государству в лице его органов, учреждений, должностных лиц предстоит создать эффективно работающую систему правовых средств и механизмов, реализующих защиту субъективных гражданских прав в новых политических, социально-экономических условиях.

Анализируя основополагающие положения Конституции России применительно к вопросам формирования механизма защиты

прав и законных интересов граждан и юридических лиц мы приходим к выводу о том, что в ней получили выражение и закрепление важнейшие принципы правового статуса человека. *Во-первых*, это закрепление сферы и характера прав и свобод, установленных общепризнанными принципами и нормами международного права. Согласно этому принципу Российская Федерация как часть мирового сообщества признает и гарантирует права и свободы, свойственные цивилизованному обществу.

Во-вторых, принцип неотчуждаемости основных прав и свобод человека и принадлежность их ему от рождения. Он предполагает, что все люди признаются свободными и обладающими правами и свободами от рождения. В этом состоит смысл традиционного для идей правового государства противопоставления неотчуждаемых прав индивида феодальным представлениям об их октроированном (дарованном, пожалованном) характере [5, с. 39]. Конституцией провозглашается неотчуждаемость прав и свобод человека, государство не вправе в лице законодательного органа государственной власти издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (статья 55 Конституции).

В-третьих, это принцип равенства прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с ним осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Смысл этого равенства выявляется по отношению к закону и суду. Его реальность обеспечивается государством, которое призвано гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений и т.п. В-четвертых, принцип единства прав и обязанностей. Он, прежде всего, основывается на том, что нет прав без обязанностей, как нет и обязанностей без прав. Причем только в процессе реализации обязанностей осуществляются и соответствующие им права. В свою очередь осуществление прав является непременным условием реализации обязанностей.

Таким образом, принципы правового статуса личности, воплощенные в Конституции РФ, определяют характер, смысл и содержание прав и свобод человека и гражданина в условиях правового демократического государства.

Развитие гражданского законодательства России демонстрирует нам последовательную реализацию принципа защиты прав человека. Так, в Гражданском Кодексе России впервые в 1994 г. появилась самостоятельная глава, посвященная неимущественным правам человека (право на жизнь, здоровье, честь, тайну личной жизни и др.) [6]. Вопросы защиты имущественных и некоторых личных неимуще-

ственных прав получили отражение в отдельных законах, которые в настоящее время утратили свою юридическую силу и заменены новыми, однако свою положительную лепту внесли в развитие защиты прав граждан в современной России — «Об охране окружающей природной среды» (1991 г.) [7], «Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (1993 г.) [8], «Об авторском праве и смежных правах» (1993 г.) [9] и др.

В настоящее время и учеными и практиками признается, что без создания научно обоснованного и эффективно работающего механизма защиты субъективных гражданских прав немыслимы ни формирование гражданского общества, ни создание правового и социального государства, ни достижение таких целей, как свобода и равенство граждан, людей, юридических лиц или субъектов гражданского оборота.

Несмотря на видимые успехи в развитии различных форм и способов защиты гражданских прав, формирование механизма защиты прав и законных интересов, в том числе и в гражданском законодательстве, и учеными и практиками обращается внимание на целый ряд нерешенных проблем в этом направлении. Так, Е.В. Вавилиным вполне справедливо указывается на то, что если законодательную базу, провозглашающую широкие гражданские права и их защиту, можно создать сравнительно быстро, обращаясь к накопленному богатейшему отечественному и зарубежному правовому опыту, то все элементы механизма защиты гражданских прав могут быть сформированы лишь за довольно продолжительный срок кропотливой работы: научной, законотворческой, просветительской, правоприменительной, организационной [10, с. 178].

По его мнению, в частности, не так трудно ратифицировать международные документы по правам человека, как создать эффективную, рациональную систему организационных и юридических мер, обеспечивающих их полную реализацию. Имплементация должна быть гармонично вплетена в отечественную правовую материю: следует не разрушать отлаженные правовые механизмы, а постепенно с созданием необходимых социально-экономических, психологических, правовых и иных базовых предпосылок заменять, точнее, совершенствовать, правовые механизмы, учитывая особенности национальной правовой системы, уровень развития социальных институтов, правосознания и т.д. [10, с. 179].

Опыт движения человечества по пути реализации принципа защиты прав человека уже показал, что без обеспечения прав и свобод человека невозможно достижение демократии, правового государства и социально-экономического процветания. Состояние дел с правами человека в каждой стране зависит от уважения и соблюде-

ния принципов взаимоотношений человека и государства, признанных международным сообществом. От их воплощения в национальном законодательстве, системы и процедур защиты прав человека. В свою очередь, способы совершенствования законодательства и институтов, процедур защиты прав человека, выработки комплексного механизма такой защиты определяются во многом состоянием этих прав, трудностями и проблемами, стоящими на пути этого совершенствования. И.А. Ледях писал, что реализация и эффективность норм о правах и свободах в государстве и обществе зависит от наличия многих условий и факторов как позитивного, так и негативного свойства. К их числу относятся: уровень правовых принципов и институтов демократии в системе государственной власти, состояние экономики, способ распределения жизненных благ, нравственная атмосфера в обществе и степень общественного согласия, культурный потенциал общества. Влияние этих и многих других факторов и сил на реализацию норм о правах и свободах является предпосылкой их осуществления [11].

Е.А. Лукашева отмечает в этой связи, что совершенствование процедур защиты прав и свобод индивида — важнейшая и неотложная задача российского государства. Размытость, неопределенность, противоречивость, а то и полное отсутствие юридических правил, обеспечивающих защиту прав граждан, — свидетельство тяжелой правовой ситуации, сложившейся в обществе. Юридические механизмы, действовавшие в бывшем Союзе, разрушены, новые еще не сформированы, а те, которые действуют, крайне несовершенны. В таких условиях, по ее мнению, права человека и гражданина, сформулированные в Конституции России, не имеют процессуально-правовой опоры. Ее отсутствие грозит, как и в прежние времена, превратить эти права в чистую декларацию, оторванную от реалий [12].

Нам бы хотелось заметить, что в данном случае речь идет об отсутствии процессуально-правовой опоры прав человека и гражданина, сформулированных в Конституции России в широком смысле. К такой опоре, несомненно, относится и механизм защиты субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов. Ведь признавая определенные субъективные права, гражданское законодательство должно обеспечить их необходимыми средствами защиты от нарушения. В противном случае это лишь «декларативные права» [13, с. 104].

Е.В. Вавилиным, на наш взгляд, совершенно справедливо обращается внимание на то, что на первом этапе (уровне норм права) должна быть заложена идеальная модель механизма защиты субъективных гражданских прав. Реализация правового акта должна быть

обеспечена соответствующими материальными, организационными, нормативно-правовыми и другими ресурсами. Положения юридического акта не должны противоречить другим нормативным актам, а также последовательно конкретизировать законы, обладающие большей юридической силой, и соответствовать им. Завершением же действия механизма защиты гражданских прав, по его мнению, должно стать реальное (формальное и фактическое) восстановление нарушенных субъективных гражданских прав [10, с. 179].

Констатируя определенное продвижение вперед в формировании идеальной модели механизма защиты субъективных гражданских прав в гражданском законодательстве, мы отмечаем, что в последнее время все больше внимания уделяется проблемам эффективности его действия. На наш взгляд, проблематика конструкции и функционирования механизма реализации защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в российском гражданском праве на современном этапе заключается в определении эффективности действия механизма защиты, а также исследования степени реальности восстановления нарушенных прав в ходе реализации процедур защиты.

Об эффективности защиты прав и законных интересов идет речь, в основном, при анализе функционирования юрисдикционных или судебных форм защиты субъективных прав. Так С.В. Тихомиров утверждает, что преимущества судебного порядка рассмотрения состоят в том, что судебному рассмотрению свойственны объективность, гласность, публичность, профессионализм, высокий авторитет принятого решения. Отсюда - эффективность защиты прав граждан, реальность их восстановления [14, с. 67].

В литературе обращается внимание и на эффективность защиты прав личности в уголовном процессе. А. Бабенко и В. Яблоков по этому поводу пишут, что предварительное расследование сопряжено с возможностями достаточно широкого ограничения прав граждан органами государства, в силу чего нуждается в особых гарантиях, предотвращающих произвольное их ущемление. Одним из гарантов в настоящее время является судебная власть, обеспечивающая защиту прав участников процесса в различных формах, в том числе и посредством судебного контроля за предварительным расследованием. Эта функция судов является относительно новой для российской правоприменительной практики, в связи с чем возникает множество проблем, от своевременного и правильного разрешения которых зависит эффективность защиты прав личности в уголовном процессе. В первую очередь, это касается предмета и пределов судебного контроля, законодательного регламентирования его процедуры, значения результатов [15, с. 31].

Большое внимание созданию эффективных механизмов защиты прав и законных интересов уделяется применительно к международным правозащитным и правоохранительным институтам. В этой связи отмечается, например, что вопрос об эффективности защитной системы Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. возник применительно к недостаточному соответствию имеющихся механизмов рассмотрения жалоб, установленных Протоколом N 11 к Конвенции, тому объему вновь поступающих обращений в страсбургский Суд, который сложился и растет огромными темпами с 1998 года. Как замечает А. Ковлер, российский представитель в Европейском суде по правам человека: «Поток жалоб постоянно нарастает. В первый год мы получали 50-60 жалоб в неделю, сейчас — уже более 100. Практически нет ни одного субъекта Федерации, включая самые отдалённые, откуда бы к нам не приходили послания» [16]. Это приводит к увеличению сроков рассмотрения жалоб, что противоречит одной из основных целей, выдвигавшихся при принятии данного Протокола. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы найти эффективное сочетание реализации права на индивидуальную жалобу и надлежащего рассмотрения этих жалоб в судебном порядке в разумный срок [17].

Российский комитет по правам человека и его экспертный комитет участвовали в специальном европейском региональном коллоквиуме «Эффективность защиты прав человека 50 лет спустя после принятия Всеобщей декларации — в наших руках» (Страсбург, 2-4 сентября 1998 г.), организованного Советом Европы в качестве вклада в празднование 50-й годовщины Всеобщей декларации прав человека.

Л. Вильдхабер, рассматривая деятельность Европейского суда по правам человека, подчеркивает, что через единство правоприменения достигается выполнение конституционных принципов равенства всех перед законом и судом, равное право каждого на судебную защиту. Только таким путем создается правовая определенность, господство права и эффективность защиты прав всех участников [18].

На вопросы определения эффективности защиты имущественных прав граждан и юридических лиц обращается внимание и высшими судебными органами России. В Письме ВАС РФ от 4 ноября 2000 г. указывается, что Высший Арбитражный Суд Российской Федерации считает заслуживающей внимания деятельность федеральных арбитражных судов округов по обобщению судебной практики рассмотренных ими споров, анализу причин обжалования и пересмотра судебных актов и информированию о результатах этой работы входящих в округ арбитражных судов. Это

письмо направлялось в целях использования накопленного опыта в организации работы по обеспечению единства судебной практики, укрепления законности принимаемых решений, повышения эффективности защиты интересов предприятий, учреждений, организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [19].

О реальности восстановления нарушенных прав и законных интересов в научной и практической литературе речь идет, в основном, в связи с проблемами исполнения решения судов. Так А. Бабкин (судья ВАС РФ) в одной из статей отмечает, что одним из важных этапов судебной защиты, если не сказать, основой правосудия является приведение в исполнение судебных актов (главным образом — судебных решений). Каким бы правильным и справедливым ни было решение суда, оно становится бесполезным без исполнения. В каждом конкретном случае важно определить момент, когда в соответствии с законом судебный акт может и должен быть приведен в исполнение, поскольку с ним связано начало периода возможного принудительного исполнения [20].

Своевременность и эффективность исполнения судебного акта свидетельствуют о реальности защиты прав и законных интересов лица, обратившегося в суд. Именно поэтому определение момента исполнения судебных актов играет немаловажную роль. Большое значение в урегулировании данных правоотношений имеет применение положений ст. 182 АПК РФ.

Заметим, что сама категория эффективности правовых механизмов и права в целом считается разработанной в отечественном правоведении. А.Ф. Самощенко и В.Н. Никитинский, например, предлагают рассматривать эффективность как адекватность положений закона потребностям жизни между намеченными и достигнутыми результатами [21]. Э.А. Фомин же полагает, что эффективность есть показатель, определяющий степень соответствия реальных отношений, типовой меры, содержащейся в конкретном акте. Он пишет, что очень многое в вопросе исследования эффективности зависит от правильности выбора тех социальных процессов, которые включаются в расчет типовой меры.

А.В. Малько рассматривает понятие эффективности во взаимосвязи с социальными ценностями, определяет ее в качестве степени реализации, достижения соответствующих ценностей. Он полагает, что сама эффективность выступает как осуществленная цель — ценность, результативная ценность или ценностная результативность, качество реализованной ценности (полезности) [22, с. 123—124].

Предпринимаются и попытки рассматривать эффективность правовых норм в сфере обеспечения прав человека, что представляется нам, несомненно, более актуальным для целей предпринимаемого исследования. Так эффективность этих норм Б.С. Эбзеев определяет через следующие принципы:

1) правомерное осуществление гражданами конституционных прав и свобод;

2) добросовестное исполнение гражданами конституционных обязанностей;

3) создание материальных и нематериальных благ, которые передаются в индивидуальное пользование при помощи субъективных прав, и их охрану;

4) справедливое распределение в пользование членов общества накопленных социальных благ; создание необходимых предпосылок для беспрепятственного пользования находящихся в их распоряжении долей социальных благ [23, с. 197-199].

Как замечает Ш.М. Менглиев, важной особенностью способов защиты субъективных прав является их реальность [24, с. 15]. Эта особенность отражает наличие подлинной возможности реализации способов защиты, обеспеченной различными, в том числе и юридическими, гарантиями.

Еще С.Н. Братусь определял гражданскую правоспособность как способность к обладанию не только правами, но и гражданскими обязанностями. Из социалистической сущности утвердившейся в СССР экономики он выводил равенство признанной за гражданами правоспособности, а к ее важнейшим чертам относил реальность и гарантированность осуществления основных гражданских прав [25, с. 58-61].

Реальность восстановления нарушенных прав с пределами реализации права на защиту связывал В.П. Грибанов. Он писал, что реальность и гарантированность субъективных гражданских прав в социалистическом обществе нельзя понимать односторонне, только как обеспечение прав управомоченной стороны гражданского правоотношения. Осуществление всякого субъективного права, а тем более его осуществление путем применения к обязанной стороне мер государственно-принудительного характера всегда затрагивает не только интересы самого управомоченного лица, но и интересы государства и общества в целом, интересы обязанной стороны, а в ряде случаев и интересы третьих лиц. Задача правосудия в социалистическом обществе состоит не только в защите прав заявителя, требования управомоченного лица, но и в обеспечении интересов государства и общества, интересов обязанной стороны, прав и интересов иных организаций и граждан, в той или иной мере заинтере-

сованных в правильном исходе дела, поэтому защита прав по самой своей природе не может быть безграничной [26, с. 104].

Анализ российской правоприменительной практики, результатов мониторинга правозащитных организаций позволяет нам утверждать, что эффективного механизма реализации защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, обеспечивающего реальность восстановления нарушенных имущественных и личных неимущественных прав, полную компенсацию причинённого вреда в России так и не было создано. Приведем некоторые примеры, подтверждающие наши предположения.

Отечественными учёными отмечается, что сегодня в области теории прав и свобод человека наблюдается пусть небольшой, но все же прогресс, особенно в смысле законодательного их оформления, общественного внимания, политического и философского осмысления, научных заделов. Вместе с тем реальность такова, что эти права грубо и повсеместно нарушаются, не соблюдаются, игнорируются, слабо защищены, не обеспечены экономически [27, с. 16].

Еще в 1995 г. в президентском Послании Федеральному Собранию отмечалось, что нам удалось провозгласить многие права и свободы граждан. С гарантиями этих прав дела обстоят значительно хуже [28]. «Сегодня словам, написанным на бумаге, мало кто верит, так как высокие идеи и суровая действительность расходятся. В связи с этим некоторыми авторами признавалось, что Россия в настоящее время находится далеко не на первом месте по уровню жизни, и ряд социально-экономических прав человека, входящих в международный стандарт, государство физически не может обеспечить» [29, с. 15].

Проблемы защиты своих субъективных гражданских прав и интересов в России особенно остро стоят перед гражданами и юридическими лицами, пострадавшими от противоправных действий третьих лиц, от совершения уголовных преступлений и гражданско-правовых деликтов. Наиболее проблемные сферы общественных отношений, где наблюдается, на сегодняшний день, самая низкая эффективность механизмов защиты прав и законных интересов пострадавших, на наш взгляд, это строительство жилья, в том числе долевое строительство, деятельность организованных с преступным умыслом организаций, оказывающих финансово-кредитные услуги – финансовых пирамид, защита прав и интересов лиц, пострадавших при выполнении служебных обязанностей, пострадавших от природных и техногенных катастроф, в том числе пострадавших от радиации при аварии на Чернобыльской АЭС. На протяжении нескольких лет, например, строительные компании «Мастерок», «Стройиндустрия», «Стройметресурс», «ПринтКапитал», «Новый

мир», «ЦРГ Град», «Социндустрия», «Сиболь», «Уют-компания», «Мита-2000», «Меркурий Эстейт», «ДСК-1 и К°», «Московское агентство недвижимости», «ЖилСтройСервис», «ОптФорум», «Бизнес Групп», «Морель», «Интермолус», «Концерн Яуза», «Строймаркет», «Спецстрой-2», «Домострой», «Плозбаум-М», «Интерурал», ПСМК «Воскресенский», «Еврострой Тек», ООО «Карас», «ТенсП», «Столица Дизайн Механизация-2», ЖСК «Домиз» продавали квартиры в домах по различным адресам в Москве и Московской области. Большинство этих домов до сих пор не построены или не доведены до окончательного этапа строительства. На возведение многих домов не получены разрешения в соответствующих инстанциях, но квартиры уже давно проданы гражданам. В некоторых случаях одна и та же жилая площадь продавались разным физическим лицам [30].

Ещё один пример: крупная фирма «Социальная инициатива» изначально действовала как финансовая пирамида. В Твери она собрала 189 млн. руб., в Курске — 43 млн., Воронеже — 133 млн., Орле — 300 млн., Смоленске — 115 млн., Тамбове — 400 млн., Туле — 83 млн., в Москве и Подмосковье — порядка 8 млрд. рублей [31, с. 23]. По схеме долевого участия или соинвестирования у нас работают сотни фирм. Так, 1 декабря 2005 г. была осуждена на 4 года Тетенёва Е.В., гендиректор ИСПК «Стройсервис», по ст. 159 УК РФ (мошенничество). Арестован гендиректор ООО «Инвестпроект» Г. Кутузов, который собрал 55 млн. руб., заключив более 80 договоров. Из них 34 млн. присвоило руководство фирмы, остальные деньги испарились. Подобных примеров десятки [31, с. 23].

Серьезные трудности возникают и в процессе защиты прав и интересов граждан, подвергшихся воздействию радиации на Чернобыльской АЭС. Они заключаются как в теоретической квалификации отношений при осуществлении выплат в возмещение вреда, сочетании публично-правовых и частно-правовых элементов в этой сфере, так и в их гражданско-правовой квалификации. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ [32], возмещение вреда здоровью граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, не может отождествляться с какими-либо обязательными социальными выплатами, включая выплаты по обязательному социальному страхованию, поскольку особенности такого возмещения обусловлены конституционно-правовой природой соответствующих отношений, включая их длящийся характер, чем предопределяется правовой статус указанных граждан.

Вся особенность выплат возмещения вреда заключается в том, что Фонд социального страхования не должен выплачивать возме-

щение вреда, поскольку государство не платило и не платит за пострадавших вследствие катастрофы на ЧАЭС обязательные платежи. В этом смысле пострадавшие вследствие катастрофы на ЧАЭС никогда не получали возмещение вреда как таковое, поскольку им платил не работодатель, как конкретное юридическое лицо, а государство.

Несмотря на значительное число теоретических проблем квалификации обозначенных отношений, практика применения соответствующего законодательства еще более сложна и, зачастую, не способствует защите прав и законных интересов пострадавших. В последние годы, по данным Общероссийской общественной организации инвалидов Союз «Чернобыль» России наблюдаются отказы в выдаче специальных удостоверений инвалида вследствие воздействия радиации. В лучшем случае удостоверение выдается через три месяца после подачи заявления. Имеются случаи задержки более года. Министерство активно сопротивляется выплате сумм возмещения вреда с момента подачи документов. Кроме этого, сокращается количество инвалидов, либо делаются попытки снижения группы инвалидности посредством органов МСЭ. При очередном переосвидетельствовании снимают группу, проценты [33].

В приведённых примерах мы наблюдаем неразрешённость проблем сочетания частно-правовых, в частности гражданско-правовых способов, и публично-правовых механизмов защиты прав и законных интересов. Наблюдается и смешение юрисдикционных и неюрисдикционных форм защиты нарушенных прав. Однако, имеются и отдельные случаи упорядочения механизмов защиты нарушенных прав. Примером этого является механизм возмещения вреда гражданам, пострадавшим в результате террористических актов, который хотя и далек от совершенства или даже логического завершения, но демонстрирует попытки разрешения обозначенных проблем [34].

Список литературы

1. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм., внесёнными Указами Президента РФ от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679).

2. Декларация прав и свобод человека и гражданина, принята Верховным Советом РСФСР от 22 ноября 1991 года // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 26.12.1991, N 52, ст. 1865.

3. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 14-20.

4. Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976 г. N 17. Ст. 291.

5. *Нерсесянц В.С.* Пути развития Советского государства и права: история и перспективы // Пульс реформ. М.: Прогресс, 1989.

6. Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

7. Ведомости СНД и ВС РФ, 05.03.1992, N 10, ст. 457 (утратил силу в связи с принятием ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ).

8. Ведомости СНД и ВС РФ, 19.08.1993, N 33, ст. 1318 (утратил силу в связи с принятием ФЗ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

9. Ведомости СНД и ВС РФ, 12.08.1993, N 32, ст. 1242 (утратил силу с 1 января 2008 г. в связи с принятием ФЗ от 18.12.2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвёртой гражданского кодекса Российской Федерации»).

10. *Вавилин Е.В.* Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. 2002. № 3 (242).

11. *Ледях И.А.* Защита прав человека как функция конституционного правосудия // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека / РАН. Ин-т государства и права; Отв. ред. Е.А. Лукашева. — М., 1994.

12. *Лукашева Е.А.* Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: политические, экономические, социально-психологические аспекты // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека / РАН. Ин-т государства и права; Отв. ред. Е.А. Лукашева. — М., 1994.

13. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.

14. *Тихомиров С.В.* Административное право Российской Федерации: Учебное пособие. М., 2003. С. 67-82.

15. *Бабенко А., Яблоков В.* Судебный контроль за предварительным расследованием необходимо расширить // Российская юстиция, 2000, № 6.

16. Беда до Страсбурга доведёт // Труд, 2001, № 188.

17. *Сальвиа М.* Будущее Европейского Суда: интенсификация деятельности или реформирование системы? // Российская юстиция, 2003, № 7.

18. *Вильдхабер Л.* Прецедент в Европейском суде по правам человека // Государство и право. 2001. N 12. С. 5-17.

19. Письмо ВАС РФ от 4 ноября 2000 г. № С1-7/УП-1146 «Об информационном взаимодействии федеральных арбитражных судов округов и арбитражных судов субъектов Российской Федерации» / Офиц. не публик.

20. *Бабкин А.* Исполнение судебных актов // ЮРИСТ, ноябрь 2003 г., № 45.

21. *Самощенко Н.С., Никитинский В.Н.* О понятии эффективности правовых норм. Вып. 18. М., 1969. С. 17-18.

22. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. Саратов, 1994.

23. *Эбзеев Б.С.* Конституция. Демократия. Права человека. М. — Черкасск: Изд-во АО «Пул», 1992. 228 с.

24. *Менглиев Ш.М.* Защита имущественных прав граждан. Душанбе, 1989.

25. Гражданское право. Под ред. Я. Ф. Миколенко и П. Е. Орловского, т. I. М., 1938.

26. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.

27. *Седышев А.Г.* Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ.канд. юр. наук. Ставрополь, 2003.

28. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 1995 год. // Российская газета. № 36. 17.02.95.

29. *Дмитриев Ю.А., Златопольский А.А.* Гражданин и власть. М., 1994.

30. Квадратный метр // Газета о недвижимости Москвы и Подмосковья. 9 ноября 2005 г.

31. Аргументы и факты, № 7, 2006.

32. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П // Вестник Конституционного Суда РФ, 1997, № 6.

33. Общероссийская общественная организация инвалидов Союз «Чернобыль» России. Ленинградское региональное отделение. Комментарий на методические материалы по вопросам защиты граждан, пострадавших при чрезвычайных ситуациях от Министерства труда и социального развития РФ. 2003 г. (офиц. не публик.).

34. ФЗ от 26 февраля 2006 г. «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11.

Н.Н. Костюк
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

К вопросу об ответственности государства при функционировании финансовых пирамид

Аннотация. В статье рассмотрен исторический аспект возникновения финансовых пирамид, дана структура основных легальных направлений деятельности финансовых пирамид в настоящий момент, проведен анализ законодательной базы рекламной деятельности финансовых пирамид.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, сетевой маркетинг, законодательство в сфере рекламы.

Abstract. The article describes the historical aspect of financial pyramids. There is given the structure of the main legal activities of financial pyramids in the present moment. An analysis of the legislative framework of promotional activities of financial pyramids is done.

Key words: financial pyramids, network marketing, legislation in the field of advertising.

В начале 1990-х годов на территории России существовало 1800 финансовых пирамид. В 1997 году Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг направила в МВД и Генпрокуратуру материалы о деятельности 984 нелицензированных компаний для возбуждения уголовных дел. Более 700 дел было заведено. Примерно треть руководителей компаний посадили. Тогда арестованные активы пирамид составляли примерно 1 трлн. 800 млрд. рублей [1, с. 4].

По средним оценкам, от деятельности финансовых пирамид пострадало около 40 млн. человек. Так, «Русский дом селенга» сумел сколотить армию вкладчиков из 2,4 млн. человек, вложивших в «РДС» почти 3 трлн. неденоминированных рублей. На эти деньги была основана целая империя предприятий под общим названием «Союз» со своей конституцией и даже... орденами и медалями. Три ордена, между прочим, до сих пор хранятся в банке, принадлежавшем некогда «РДС». Их стоимость сразу после изготовления равнялась 670 миллионам рублей. Какова она сейчас, можно только догадываться. В свою очередь, другая компания («Хопер») собрала с граждан 500 млрд. рублей и 1,5 млн. ваучеров. 45 млрд. рублей сразу ушли на рекламу. На банковских счетах денег «Хопер» не держал. Наличные обменивались на валюту и переправлялись в Финляндию и Израиль. Финны штамповали супермаркеты, которыми «Хопер» собирался обставить всю Россию. Неувязочка вышла — супермаркеты не вмещались на железнодорожные платформы, везти их оказалось не на чем. Так они в Финляндии и стоят. И счета за хранение уже превысили их собственную стоимость [1, с. 5].

Немного об истории вопроса [2].

Впервые «пирамида» была создана в США в 1919 году неким Чарльзом Понти (Понци), незадолго до этого эмигрировавшим в Америку из Италии. После целого ряда неудачных попыток создать свой собственный доходный бизнес, Понти открыл новую фирму The Securities Exchange Company и, как полагается, зарегистрировал ее в местной Коммерческой палате (Chamber of Commerce). Было объявлено, что SXC привлекает средства внешних инвесторов для их выгодного вложения под высокий процент. Вообще говоря, всякие акции, облигации, векселя и другие финансовые инструменты рыночной экономики уже имели широкое хождение и новый эмитент векселей никого не удивил. Вот только проценты SXC предлагала поистине сумасшедшие, по 45% каждые девяносто дней.

Казалось бы, финансовые пирамиды типа МММ или «Чары» ушли в историю, оставив миллионы обманутых вкладчиков ни с чем. Но жизнь показывает, что горький опыт оказался не столь поучительным для многих наших граждан. Финансовые пирамиды продолжают существовать, и при этом, как свидетельствуют резуль-

таты опроса Национального агентства финансовых исследований (2011 г.), часто не различимы для россиян.

А мошенники, за исключением Мавроди и его «МММ-2011», ищут новые формы обмана, при этом не очень-то рекламируют свою деятельность. Не лезут на экраны телевизоров, на страницы газет. Они идут другим путем. Вот один из вариантов. Где-нибудь в подземном переходе или у входа в метро милые девушки раздают листовки с приглашением на высокооплачиваемую работу. Предложение, ну просто заманчивое. Человек звонит по указанному телефону, ему сообщают, что как раз сегодня или завтра проводится презентация, милости просим. Иногда клиента заманивают на эти презентации иным способом. У того же метро столь же миловидные девушки проводят маркетинговые исследования и в ходе беседы узнают номера телефонов потенциальных клиентов. Через несколько дней у вас раздается звонок, вам сообщают, что вы выиграли крупный приз, который будет вручен на презентации фирмы. Итак, в указанный день и час в большом зале какого-нибудь клуба или учреждения собираются сотни человек, желающих получить высокооплачиваемую работу или обещанные призы. Сотрудники фирмы сообщают, что их компания занимается сетевым маркетингом, что она одна из крупнейших в своей области.

Что такое сетевой маркетинг? Многие присутствующие не имеют об этом ни малейшего представления. Но на них обрушивается шквал информации: об огромных заработках или доходах клиентов; о коттеджах, построенных ими на эти доходы; о приобретенных яхтах, бороздящих тропические моря, и тому подобное. Представление продолжается. Выступают клиенты, обогатившиеся с помощью фирмы, утверждают, что получить большие деньги очень легко. Правда, умалчивают, как конкретно это сделать. Посетителей уверяют, что сетевой маркетинг — прогрессивный вид бизнеса, широко распространенный в мире, в том числе в Европе, Японии.

Презентация длится несколько часов. Потрясающие перспективы завораживают многих. «Так что же требуется от нас?» — вопрошают они. Оказывается, очень немного. Надо всего лишь сдать фирме тысячу долларов, привести с собой еще трех клиентов, которые тоже принесут искомую сумму. Вот тогда-то денежки и потекут в ваш карман. Взамен тысячи долларов человеку вручают бумажку, которая, конечно же, не относится к разряду ценных. Она неликвидна, то есть взамен ее нельзя получить обратно свои деньги. Вот и все. Обычная финансовая пирамида. Кому-то повезет, и он получит некий доход. Но большинство клиентов, как это случалось со всеми, кто имел дело с пирамидами, останутся ни с чем, даже без своей кровной тысячи долларов.

В настоящее время наблюдается четкая тенденция маскировки финансовых пирамид под три легальных направления работы. Первое направление заключается в создании неких элитных закрытых клубов, члены которых предполагают получать высокие доходы от определенной деятельности. Наиболее наглядным примером такого «клуба» является сеть, созданная швейцарской фирмой «Астран». Ее основой являлись элитарные закрытые клубы, члены которых обязательно должны были иметь чрезвычайно респектабельный вид, платить высокие взносы (не менее USD1200) за право вступления и посещения клуба. Клубы чрезвычайно придирчиво выбирали будущих членов, исходя из их финансового состояния, внушаемости, готовности верить бездоказательным заявлениям и т.п., и сразу предупреждали новичков о необходимости скорейшего нахождения новых желающих, иначе дивиденды не выплачивались. При этом, члены клуба официально не покупали никаких акций или облигаций, а оформляли взносы как дарение некоторой суммы одного частного лица другому.

Благодаря тому, что клубы не стремились к мгновенному расширению числа своих членов, а также тому, что их организаторы на собраниях использовали приемы, позволяющие сделать вывод о применении технологий нейролингвистического программирования (НЛП), клубы сети «Астран» вскоре появились и в других городах не только России, но и всего СНГ. Так, несмотря на относительную малочисленность, по данным прессы, только из Брестской области Беларуси на счета «Астран» поступило около 2000000$. Во время обыска в брестском клубе был найден документ, в котором детально анализируются «ошибки» организаторов МММ и других пирамид и даются практические рекомендации по организации работы «в новых условиях». Похожие принципы применяются компаниями «Амарис», «Реванш», «Международный инновационный центр», «Константа», «Атлантида», «Золотой Меркурий» (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород).

Вторым способом является разделение пирамиды на несколько специализированных подразделений, большинство из которых занимаются внешне законной деятельностью и являются официально признаваемым источником получения прибыли. Примером такой структуры может служить деятельность системы «СЭКАЙ». Вместо одной компании была создана целая система организаций («Сэкай-траст», «Сэкай-инвест», «Сэкай-финанс», «Скоро», «Корогуми»), которые занимались инвестициями, финансовыми операциями и даже чисто торговой деятельностью в Беларуси и за ее пределами.

Важной отличительной чертой системы является ее сильный религиозный уклон в область восточной мистики. Руководители «филиалов» и наиболее ответственные должностные лица в них назначались только из ближайших учеников гуру-учредителя, официально занимавшегося лишь духовным просвещением. Тем не менее, финансовой основой системы «СЭКАЙ» была обычная пирамида из выплат премий ранее вступившим членам за счет взносов вновь вступивших. Всего, по данным следствия, таким образом привлекли более USD 1200000. Следует обратить внимание на то, что юридически каждый вкладчик «СЭКАЙ» ничего не покупал и не получал никаких финансовых документов (акций, облигаций, векселей и т.д.). В каждом конкретном случае оформлялась индивидуальная долговая расписка на сумму в USD15-20 между каким-либо из подразделений «СЭКАЙ» и частным лицом. В результате, когда было заведено уголовное дело и начался суд (1996 г.), организатор «СЭКАЙ» лично имел 3750 «заимодателей», многие из них продолжали надеяться на возврат денег и исков не подавали.

Третья форма маскировки финансовой пирамиды сегодня имеет наибольшее распространение и минимально уязвима в юридическом отношении. Она заключается в продаже неких услуг, которые никогда не будут оказаны. Примером подобной схемы служит деятельность страховой компании Si Save-Invest Finanzierungs — Consulting, сфера интересов которой распространяется на всю территорию бывшего СССР и некоторых восточно-европейских стран. Официально Si Save страхованием не занимается, а только транслирует, с определенным собственными изменениями, на своих клиентов страховые услуги таких, совершенно реальных и нормально действующих страховых фирм, как: Grazer, Medlife, Fortuna, CMI и другие. Суть аферы заключается в том, что клиенту предлагается застраховать свое здоровье или жизнь на определенный срок, по истечении которого страховая сумма подлежит выплате в полном объеме. Прибыль клиента формируется за счет весьма большой разницы между объемом страховых взносов за этот срок и объемом страховой премии, плюс начисленные проценты, если в течение действия полиса по нему ничего не будет выплачено за лечение. Сеть Si Save строит свою деятельность на том, что клиент, купивший полис на сумму более USD1000, автоматически получает право продажи полисов третьим лицам. За каждого привлеченного клиента причитается премия, которая идет в зачет собственной страховки. Когда агент окупает свою страховую премию, он начинает получать реальные деньги.

По данным СМИ, система Si Save ежегодно вывозит за пределы бывшего СССР USD 500-800 млн. Необходимо отметить, что под

определение «финансовая пирамида» попадает не любое предприятие, чья маркетинговая деятельность основывается на сетевом способе распространения товара или услуги, а только то, условиями которого клиент не может воспользоваться в данных конкретных условиях. Деятельность абсолютно законная в одном государстве, может быть финансовой аферой в другом, о чем свидетельствует схема Si Save. Примером подобного изменения конечного смысла одинаковой деятельности являются другие компании, которые сегодня спекулируют на развитии Интернет и телекоммуникационных технологий (например, «Ипсум»). О них необходимо сказать отдельно, так как они обладают признаками современных схем первого и третьего типов. Предлагая «сетевую» схему построения клиентской сети, такие компании предлагают своим клиентам две возможности: вступление в клуб «единомышленников» с последующим правом самостоятельного привлечения новых клиентов и предоставлением личных скидок; и получение сверхбыстрого доступа в Интернет посредством неких высокотехнологичных «боксов» (web-приставок к телевизору).

На практике же речь идет всего лишь о создании обширной клиентской базы для активной Интернет-торговли чужими товарами и услугами с собственного сервера. В западных условиях подобная деятельность не носит характера «финансовой пирамиды», так как «боксом» является обычная интернет-приставка (относительно дешевый компьютер с сильно усеченными функциональными возможностями), она действительно позволяет войти в Интернет, а практика покупок товаров и услуг в Сети на Западе является довольно привычной. Клиентам там, действительно, предлагается сэкономить на разнице в стоимости приставки и полноценного фирменного персонального компьютера, а также, по принятой там клубной системе, воспользоваться определенными скидками при покупке в виртуальном магазине данной компании.

Однако то же, но перенесенное в отечественные условия, приобретает смысл финансовой пирамиды, так как эти компании никаких собственных каналов доступа в Интернет не создают, а конечные потребители, как правило, не имеют реальной возможности приобрести товары на сервере компании. В результате, все, кто вступил в «клуб», рассчитывают исключительно на некую отдаленную перспективу (когда «все это непременно заработает») и на привлечение новых клиентов, что позволит вернуть вложенные деньги. Но 95% «партнеров» не только не получают прибыль, а напротив — теряют и свои вложенные. Ну, на то ведь и рассчитана всякая пирамида. Возникает закономерный вопрос: как, почему подобное происходит?

В своё время государство выдало организациям (юридическим лицам) лицензии на соответствующий вид деятельности, но контролировать их не стало. Следовательно, граждане, вступая с такими структурами в гражданско-правовые отношения, уже изначально имеют неравные права. Как нам представляется, подобное стало возможным из-за того, что до сих пор не создан специальный механизм, который позволил бы органам, выдававшим лицензию тем или иным фирмам, вести контроль за их деятельностью, тем самым гарантируя защиту прав и законных интересов граждан.

Реклама финансовых пирамид размещалась и размещается в самых популярных телевизионных программах (например, «Поле чудес» и др.), пользующихся доверием граждан. Но, ни одно СМИ по действующим законам не несёт ответственности за достоверность информации и рекламы. И предъявить претензии к ним невозможно. Это будет продолжаться до тех пор, пока не будет принята поправка к закону «О средствах массовой информации» [3], по которой СМИ должны иметь равные права и нести равную со всеми субъектами гражданских правоотношений ответственность, а, следовательно, и отвечать по своим обязательствам. Способы передачи рекламы также не должны быть навязыванием рекламы потребителю, как это происходит в настоящее время. Длительность рекламного ролика в течение часа порой равна времени показа прерываемого фильма (передачи).

1 марта 2006 года Государственная Дума приняла в третьем чтении новую редакцию закона «О рекламе» [4]. Этот документ уточняет ряд понятий, в том числе «реклама», «товар», «социальная реклама», и вводит понятие «спонсор», которым законодатели предлагают считать физическое или юридическое лицо. Закон также устанавливает новые ограничения на способы продвижения отдельных видов товаров и услуг, в том числе алкоголя, табачных изделий и игорного бизнеса. Ужесточаются требования к рекламе пива и лекарств.

Согласно Закону, длина рекламного блока не должна превышать четырех минут. Реклама на ТВ должна размещаться по следующей схеме: не более 20% от эфира в час и не более 15% от объема вещания в сутки.

Данный закон, действительно, существенно ограничил продолжительность рекламы на телевидении. Однако, в реальности мы видим иное: продолжается навязывание рекламой продукции или услуг гражданам, тем самым, нарушаются их права. Если гражданину необходима соответствующая информация о том или ином товаре или услуге (а реклама – это тоже информация), то ему следует обратиться в информационную справочную службу (например,

телефонную, телевизионную, интернет) по собственному желанию. Для разрешения данной ситуации, на наш взгляд, следует запретить рекламу на телевизионных каналах и в то же время создать отдельный круглосуточный рекламный телевизионный канал.

Список литературы

1. *Захаров А.* Новые пирамиды // Утро. 2005. № 17.
2. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года № 2124-1 в ред. Федеральных законов от 21.07.07.2005 № 93-ФЗ // Российская газета от 21.07.2005.
3. Закон РФ «О рекламе» от 13 марта 2006 года // Российская газета от 15 марта 2006 года (с изменениями на 18 июля 2011 года, новая редакция, действующая с 15 августа 2011 года).

С.В. Красильников
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Северо-западный институт управления (филиал);
г. Санкт-Петербург, Россия

Юридические гарантии обеспечения прав человека и гражданина и ограничения правового статуса личности

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые проблемы гарантий реализации прав человека и гражданина. Автором исследуются также условия ограничения правового статуса личности.

Ключевые слова: гарантии, юридические гарантии, правовой статус.

Abstract. The article examines the theoretical and legal issues of guarantees of human and civil rights. The author also studied the conditions that limit individual's legal status.

Key words: guarantee, legal guarantee, the legal status.

В повседневной жизни мы часто сталкиваемся с таким словом, как гарантии. Часто можно слышать, что как-то или что-то гарантирует или наоборот, не гарантирует успех в каком-то мероприятии, деле, начинании. Например, завод-изготовитель телевизоров будет работать без поломок в течение определенного количества времени, банк выдает некую сумму кредита под гарантии залога недвижимости должника.

Слово «гарантия» произошло из французского языка. Гарант означает поручитель, т.е. государство, учрежденное лицо, дающее в чем-либо гарантию. Следовательно, гарантировать означает ручаться, обеспечивать, а гарантия есть ручательство, условия, обеспечи-

вающее что-либо. Гарантии следует рассматривать как систему социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных, предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов.

Под юридическими (правовыми) гарантиями обеспечения правового статуса личности понимаются условия, с наличием которых законодатель связывает реальную возможность и максимальную эффективность реализации прав, свобод и обязанностей, в комплексе составляющих правовой статус. По своей сущности гарантии есть система условий, обеспечивающих удовлетворение интересов человека. Их основной функцией является исполнение обязательств государством и другими субъектами в сфере реализации прав личности. Объектом гарантий выступают общественные отношения, связанные с охраной и защитой прав человека, удовлетворением интересов людей. Важно подчеркнуть, что государственная гарантированность прав и свобод человека и гражданина возможна лишь в условиях демократического правового государства. Права и свободы человека и гражданина исторически возникают с развитием демократии, порождены ею и могут реально существовать и развиваться только в демократическом обществе.

По сфере действия гарантии можно классифицировать как внутригосударственные и международные механизмы гарантий прав человека и гражданина. Внутригосударственные гарантии — это система социально-экономических, политических, нравственных и правовых средств и условий, обеспечивающих непосредственную защиту прав человека и гражданина в РФ.

Социально-экономические гарантии предполагают наличие материальных условий, обеспечивающих свободное использование прав. Данные условия включают: социальную стабильность общества, эффективность экономики, признание и защиту равным образом частной, государственной и иных форм собственности, социальное партнерство между человеком и государством, работником и работодателем, производителем и потребителем. Отсутствие или слабость системы социальной защищенности ведет к росту социальной неуверенности и неудовлетворительности народа, к усилению социальной напряженности в обществе [3, с. 27-29].

От состояния экономики зависит реализация права на труд и связанных с ним прав: право на защиту от безработицы, достойный уровень жизни, право на отдых и др. Сокращение выделяемых на развитие социальной сферы финансовых средств в российском бюджете приводит к трудностям в реализации конституционных прав на образование, здравоохранение, жилище.

Отсталые технологии, отсутствие денег для обеспечения безопасности производства приводят к экологическим бедствиям, в связи с чем нарушается право россиян на благополучную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ).

Политические гарантии показывают степень демократичности общества, возможности личности принимать участие в управлении делами государства и общества. В соответствии с конституционным законодательством граждане России имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, а также участвовать в референдуме.

Направленность политики государства на создание условий для реализации интересов личности, способность политических сил к достижению гражданского согласия, должный уровень политической культуры граждан — наряду с вышеизложенными составляют политическую систему гарантий прав человека.

Духовные гарантии — система культурных ценностей, основанных на любви и уважении к Отечеству, вере в добро и справедливость. К числу духовных гарантий относятся: идеологическое многообразие; запреты на монополизацию идеологии, разжигание социальной расовой, национальной и религиозной розни; общедоступность и бесплатность основного общего и среднего профессионального образования; свобода литературного, научного и иных видов творчества.

Юридические гарантии представляют собой систему правовых средств и способов охраны и защиты, прав человека и гражданина. Речь идет об обязанности государства обеспечить личности право на доступ к правосудию; компенсацию потерпевшим причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ); право на получение квалифицированной, юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) и другие. Юридические гарантии охватывают все правовые средства, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека.

В числе правовых гарантий следует выделить две группы:

1) правовые нормы, устанавливающие порядок реализации правового статуса личности;

2) правовые нормы, предусматривающие меры по их охране и защите правового статуса личности и установление ответственности за его нарушение.

К первой группе гарантий относятся:

• нормативное закрепление основных прав, свобод и обязанностей в действующем законодательстве, и, прежде всего, в Конституции государства их конкретизация в текущем законодательстве;

• предоставление человеку возможности своими правомерными действиями реализовать законные интересы;

• меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной и инициативной реализации их прав;

• государственная забота о социально незащищенных слоях населения (пенсионное обеспечение, государственные программы поддержки материнства и детства и т.д.).

Вторую группу юридических гарантий составляют:

▪ личные гарантии, предполагающие право личности самостоятельно защищать свои законные интересы всеми, не запрещенными законом средствами;

▪ гарантии в правоохранительной сфере, предполагающие создание государственных органов, осуществляющих охрану прав и свобод человека и гражданина на профессиональной основе (милиция, прокуратура, институт уполномоченного по правам человека и т.д.);

▪ гарантии в сфере правосудия, предполагающие формирование и функционирование государственных органов (судов), осуществляющих от имени государства объективное разрешение спорных ситуаций, а также определяющих степень виновности лиц, обвиняемых в совершении правонарушений, и выносящих решение о мерах юридической ответственности в отношении этих лиц;

▪ международные гарантии, предполагающие право личности обращаться за защитой своего нарушенного права в международные правозащитные организации.

Важнейшей юридической гарантией прав и свобод является судебная защита, которая в соответствии с Конституцией РФ гарантируется каждому (ч. 1 ст. 46).

В правовом государстве суд независим от любого другого государственного органа, не говоря уже об органе партийном. Важно подчеркнуть, что каждый имеет право на обжалование судебных решений и приговоров, на обращение за защитой конституционных прав в высшие судебные инстанции. Кроме того, решения и действия (или бездействия) органов государственной власти органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ). Существенную гарантию прав и свобод образует возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью, прежде всего помощью профессионального защитника (адвоката) в уголовном, административном и в конституционном процессе (ст.48 Конституции РФ).

К числу институтов, гарантирующих права и свободы, относятся получивший широкое распространение институт парламентского уполномоченного по правам человека.

Важная гарантия прав и свобод человека и гражданина связана с установлением Конституцией РФ принципа «презумпции невиновности». Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуют в пользу обвиняемого (ст. 49 Конституции РФ). В конституционных нормах закреплены и другие гарантии прав и свобод человека, направленные на обеспечение мер юридической ответственности (ст.ст. 47, 50, 51, 54 Конституции РФ): запрет на использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона, устанавливающего или отягчающего ответственность; невозможность быть повторно осужденным за одно и то же преступление.

Согласно ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

В ст. 53 Конституции РФ предусмотрено, что «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействиями) органов государственной власти или их должностных лиц».

Широко используются также административно-правовые способы защиты прав и свобод граждан. Гарантии такой защиты закреплены в ст. 33 Конституции РФ, предусматривающей, что граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Государственная защита прав человека и гражданина дополняется «правом каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Такой подход расширяет возможности человека и гражданина. В числе способов самостоятельной защиты своих прав можно назвать: обращения в средства массовой информации, создание и использование правозащитных и общественных организаций и т.п.

Причины нарушения прав и свобод могут быть различными: преступность, бюрократизм, коррупция, злоупотребление служебным положением, социальные и межнациональные конфликты и множество других. Однако необходимо стремиться к их устранению доступными законом способами, то есть обеспечить защиту (охрану) прав и свобод человека и гражданина [2, с. 38-46]. Защита прав и свобод включает целый комплекс средств и мер. Основными способами охраны прав личности являются:

1. Выявление, пресечение и недопущение фактов нарушений прав и свобод человека и гражданина. В пределах своей компетенции эти функции осуществляют все государственные органы (в первую очередь правоохранительные). Федеральное собрание, Президент, Правительство РФ принимают нормативные акты, направленные на упрочнение прав и свобод, совершенствование их защиты, повышение ответственности за их соблюдение. Правоохранительные органы занимаются профилактикой правонарушений, раскрывают и расследуют преступления, посягающие на права и свободы граждан.

2. Восстановление нарушенных прав и свобод личности. Оно осуществляется, как правило, посредством:

отмены неправомерных юридических актов, например, приказа об увольнении лица;

возложения обязанности возместить причиненный ущерб, оплатить ремонт поврежденного транспортного средства и т.д.;

возврата имущества собственнику, передачи похищенной вещи владельцу по решению суда;

опровержением сведений, порочащих честь и достоинство личности, публичное извинение и т.д.

3. Применение норм юридической ответственности. Это наиболее жесткая реакция государства на факты нарушений прав и свобод личности. Для виновного наступают негативные последствия в виде лишения определенных благ. Лишения могут касаться как личности правонарушителя: лишение свободы, увольнение, так и его имущества (конфискация, штраф и т.п.).

4. Самозащита прав и свобод. Наряду с обязанностью государства обеспечить защиту прав и свобод существует право человека самому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Они многообразны: обжалование действий должностных лиц, обращение в средства массовой информации, использование правозащитных организаций и общественных объединений, профсоюзы и др.

5. Возмещение вреда. Нарушение прав и свобод человека и гражданина часто сопровождается причинением ему вреда. Конституционная гарантия в таких случаях состоит не только в том, чтобы восстановить нарушенное право и обеспечить его реализацию, но и в возмещении человеку причиненного вреда. В своей основе все меры по охране (защите) прав и свобод личности применяются в установленном законом порядке, строгое следование ему – надежная гарантия законности и эффективности защиты прав и свобод.

В заключение нужно отметить следующее. Юридические гарантии охватывают все правовые средства и способы, обеспечивающие осуществление и охрану правового статуса личности.

Правовые гарантии закрепляются в конституционных нормах и детализируются во всех отраслях действующего законодательства.

В охране прав человека и гражданина важную роль играют правоохранительные органы и, прежде всего, суд.

Таким образом, механизм реализации прав и свобод личности призван охватить все сферы деятельности по закреплению и обеспечению использования прав и свобод.

Данная деятельность включает следующие направления:

✓ Юридическое закрепление прав и свобод.

✓ Широкая система охраны и защиты государством прав и свобод, как в обеспечении их реального использования, так и в борьбе с различного рода их нарушениями.

✓ Государственный и общественный контроль, направленный на охрану прав и свобод, развитие общественных организаций, призванных охранять и защищать права и свободы человека и гражданина.

✓ Повышение уровня знаний каждым своих прав, свобод и обязанностей, развитие сознательного отношения к использованию прав и свобод.

Необходимо подчеркнуть, что юридические гарантии правового статуса личности в большей мере зависят и от других факторов, влияющих на действие законодательства: экономических, политических, идеологических, культурных, психологических и иных.

Гарантией прав человека является и установление особых правил, закрепленных в законодательстве, регламентирующих пределы и условия возможного ограничения прав человека. Ведь пользование правами одним человеком не должно причинять вреда другим лицам. Этот постулат сформулирован в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Ввиду сложности и многообразия общественных отношений, складывающихся в повседневной жизни людей, особенно в сфере общественной безопасности, экологического равновесия и т.п., важную роль играет использование механизма государственного принуждения. Его применение связано с вмешательством в сферу частных интересов и, соответственно, ограничением прав и свобод

личности. Ограничения прав и свобод личности направлены, в конечном счете, на использование механизмов по нейтрализации и искоренению угроз безопасности личности. Признавая взаимозависимость между людьми и странами, которая становится все теснее, концепция обеспечения прав и свобод личности вполне логично предусматривает, что такая взаимосвязь вызовет к жизни более широкое сотрудничество государств с целью создания партнерств и союзов. Конечно, при введении ограничений во внимание должно приниматься столкновение интересов в рамках различных уровней общественных отношений (индивид - индивид; индивид - социальная группа; индивид – государство и т.д.). В этой связи важное значение придается проблеме установления пределов и степени ограничений.

Вопрос об объеме прав, их пределах и допустимых ограничениях каждое общество и государство решает по-своему, сообразно соответствующему этапу собственного развития. В законодательстве ФРГ, Франции, Италии устанавливаются, в частности, допустимые пределы частной собственности, подчеркивается необходимость ее использования в интересах общества. В Швейцарии свободная продажа и купля земли ограничена соображениями целесообразности. Например, земли сельскохозяйственного назначения при замене владельца не могут быть использованы по иному назначению.

На ограничения власти в правовом государстве указывал Б.А. Кистяковский [2, с. 8]. Он отмечал, что в правовом государстве власти положены известные пределы, которые она не должна и не может переступить. Ограничение власти в таком государстве создается признанием за личностью неотъемлемых, ненарушимых, неприкосновенных и неотчуждаемых прав. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые полагают, что для обоснования ограничений прав и свобод человека следует применять глубокий многофакторный анализ.

Однако, допуская возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, в определенных случаях следует помнить о том, что государство не может использовать это право произвольно. Говоря о неправомерном ограничении прав и свобод на уровне правотворчества и правоприменения, необходимо отметить, что Конституция РФ закрепляет запрет на издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина, однако на практике такие акты принимаются. Подобные ограничения имеют место, прежде всего в ведомственных актах [1, с. 128].

Интересы личности могут быть ограничены только в случаях, предусмотренных законом, и в порядке установленных законом процедур. Так, Конституция РФ (ст. 55 ч. 3) допускает, что права и

свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Более того, государство (в лице компетентных государственных органов и должностных лиц), осуществляя свою деятельность, направленную на ограничение прав и свобод личности, в свою очередь, должно быть ограничено, «связано» рядом требований, к числу которых можно отнести:

— законодательное закрепление функциональных полномочий органов и должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность;

— закрепление принципа, в соответствии с которым гражданам «разрешено все, что не запрещено законом». В соответствии с этим принципом не является правонарушением деяние, прямо не предусмотренное законом в качестве такового.

В качестве своеобразного сдерживающего фактора следует рассматривать исчерпывающий перечень ситуаций, предусмотренных действующим законодательством, в рамках которых государство может в принудительном порядке ограничивать правовой статус личности. К таким ситуациям относятся:

— злоупотребление или использование прав и свобод для совершения преступления и как следствие — адекватная реакция государства на возникновение правонарушения;

— чрезвычайные ситуации (объявление карантина вследствие эпидемии, введение режима чрезвычайного положения вследствие стихийного бедствия, социального катаклизма, катастрофы техногенного характера и т.д.);

— ситуации, обусловленные «государственной целесообразностью» (взыскание налогов, обязательная служба в армии, ограничения таможенного характера и т.д.);

— ситуации, предусматривающие государственное вмешательство по инициативе заинтересованного лица (группы лиц). Как правило, такие ситуации возникают при разрешении конфликтов в сфере гражданско-процессуальных отношений (взыскание долга с должника по заявлению кредитора, признание лица ограниченно дееспособным по заявлению заинтересованного лица и т.д.).

Проблемы, связанные с ограничением прав и свобод личности, приобретают особый характер в период действия особых правовых режимов, наиболее распространенными из которых являются режимы чрезвычайного и военного положения. В это время нормальное функционирование общества и государства становится невозможным, поскольку происходят глубокие изменения во всех

сферах жизни общества. Причины могут быть разными: агрессия со стороны иностранного государства; политические или социальные катаклизмы, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю государства (например, попытки захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты; межконфессиональные и региональные конфликты; чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и др.). В подобных случаях в стране вводятся предусмотренные национальным законодательством особые (чрезвычайные) правовые режимы деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и организаций.

Конституция РФ предусматривает возможность введения в Российской Федерации особых правовых режимов в форме чрезвычайного и военного положения: в соответствии со ст. 87 военное положение может быть введено Президентом РФ в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации. Чрезвычайное положение, как было закреплено в ст. 56 и 88 Конституции РФ, может вводиться Президентом РФ при наличии обстоятельств и в порядке, предусмотренном федеральным конституционным законом.

Международная практика применения институтов чрезвычайного и военного положения в различных странах свидетельствует о том, что законодательство большинства зарубежных государств рассматривает эти режимы в качестве правовой основы для ограничения прав и свобод граждан. Представляется крайне важным объективное сочетание целесообразности и разумной достаточности мер государственного ограничения прав и свобод граждан, они не должны противоречить нормам международного права и установленным в обществе основам правопорядка.

В современной отечественной юридической литературе по этой теме учеными-правоведами высказаны различные мнения. Наиболее значительны позиции С.А. Авакьяна, С.Н. Бабурина, Е.К. Глушко, А.П. Короткова, В.В. Лозбинева, Ю.Ю. Соковых, В.Е. Чиркина и других отечественных правоведов. Ими был сделан вывод, что какие-либо ограничения прав и свобод граждан допустимы только в том случае и в той мере, в каких они предусмотрены законодательством конкретного государства и соответствуют нормам международного права.

Анализ зарубежной практики свидетельствует о том, что ограничения прав и свобод в период чрезвычайного или военного положения, как правило: 1) не распространяются на основные права граждан; 2) имеют ограниченный по объему и времени действия

характер; 3) применяются только на основании соответствующего законодательного акта.

Даже при введении чрезвычайного или военного положения основные неотъемлемые права человека (на жизнь, достоинство личности, равноправие и отсутствие дискриминации, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, свободу совести, свободу вероисповедания, свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право на жилище, право на судебную защиту прав и свобод и др.) должны непременно соблюдаться.

Отсюда следует, что закрепленная в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства содержит требование разумной достаточности применяемых мер. Они могут осуществляться только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, и при условии, что они совместимы с обязательствами Российской Федерации по международному праву и не влекут за собой дискриминации на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения, а также не предусматривают ограничения прав и свобод, перечисленных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ. С учетом изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что законодательством РФ могут предусматриваться ограничения отдельных прав граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства на время военного и чрезвычайного положения, но только в соответствии с требованиями норм национального и международного права.

Следует согласиться с мнением Ю.Д. Ильина о том, что правовое ограничение прав и свобод человека можно рассматривать как отклонение от правового равенства, когда сужается объем прав и свобод или расширяется объем обязанностей. Такие приемы правового регулирования широко используются при установлении специальных правовых статусов, например, государственных служащих [1, с. 131]. Необходимость подобных ограничений очевидна, но при этом определение их объема и обоснованности требуют тщательного анализа.

Особо следует подчеркнуть, что Конституция России, допуская возможность ограничения ряда прав и свобод человека и гражданина, вместе с тем определяет перечень «абсолютных» прав, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. Это, к примеру, права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46-54 Конституции РФ (согласно ч. 3

ст. 56 Конституции РФ), право на гражданство, право на уважение достоинства личности, право на правосудие и т.д.

Права личности — это стержень правовой системы страны, начало, определяющее ее социальное, политическое и специально-юридическое содержание. В условиях экономической, политической и социальной нестабильности общества критерием устойчивости его правовой системы и показателем уровня его правового развития служит способность государства обеспечить реализацию прав человека и гражданина. На наш взгляд, главным условием реализации прав личности в России является сильная государственная власть. Автор разделяет мнение Ю.Д. Ильина [1, с. 132], утверждающего, что государство нуждается в разумном расширении властных полномочий в отношении общества. Для этого необходимо пересмотреть сложившиеся стереотипы о роли государственной власти в обществе. Это не значит, что государство должно усиливать авторитарность в ущерб демократии, но оно обязано создать такой правовой механизм, который смог бы полностью обеспечить права личности. В качестве первого шага к этому следует навести должный порядок в государственной службе, ибо от нее зависит работа, как правового, так и иных механизмов регулирования общественных отношений, а именно эти механизмы и обеспечивают, в итоге, условия для реализации прав и свобод личности.

Список литературы

1. *Ильин Ю.Д.* Право человека и государства на безопасность в современном мире / Ю.Д.Ильин. – М.: Норма, 2007.

2. *Мюллерсон Р.А.* Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид. лит., 1991.

3. *Пугачев В.В.* От права гражданина к правам человека // Российский бюллетень по правам человека. М., 1991.

Ю.С. Лысенко
Саратовская государственная юридическая академия,

Научный руководитель —
Т.В. Троицкая
преподаватель кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент; г. Саратов, Россия

Особенности конституционно-правового статуса и роли молодежи в структуре электората Российской Федерации

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности конституционно-правового статуса и роли молодежи в структуре электората Российской Федерации. Проведен анализ конституционно-правовых основ участия молодежи в избирательном процессе, происходит выявление ее роли в системе электората России. Рассматриваются доминирующие факторы, влияющие на электоральное поведение молодежи. На основании проведенного анализа выявлены рекомендации по совершенствованию государственной молодежной политики (опираясь на зарубежный опыт) и повышению уровня правовой культуры посредством вовлечения молодого населения в избирательный процесс.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, избирательный процесс, государство, молодежь, электоральное поведение, правовая культура граждан.

Abstract. The article describes the peculiarities of constitutional-legal status and role of youth in structure of the electorate of the Russian Federation. The constitutional principles of youth participation in the electoral process, on revealing its role in the system of the electorate of Russia are analyzed. The author considers the dominant factors influencing electoral behaviour of young people. On the basis of the conducted analysis the recommendations on improvement of state youth policy of relying upon experience and raising the level of legal culture, through the involvement of the young population in the electoral process, are identified.

Keywords: constitutional and legal status, the electoral process, state, youth, electoral behavior, legal culture of citizens.

На современном этапе формирования гражданского общества конституционно-правовые основы российского законодательства о правах и свободах человека, в том числе и молодежи, относятся к числу глобальных и являются неотъемлемым элементом устойчивого развития государства [6, с. 317].

Незавершенность реформирования федеративного устройства и двухуровневая конституционная модель государственной молодежной политики создают трудности для изучения конституционно-правовых основ участия молодежи в избирательном процессе [8, с. 174]. В Конституции Российской Федерации 1993 года прямо не определены права молодежи, а они вытекают из общих прав человека и гражданина. В Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» также не упоминается «молодой электорат». Многие ученые считают, что необходимо дополнить Конституцию РФ статьями, раскрывающими права и свободы молодежи, а также главой об избирательной системе, в которой должны быть закреплены основные принципы избирательных прав граждан и конституционные гарантии их реализации. Но, как известно, «стабильность — признак мастерства», поэтому кардинальные изменения, на мой взгляд, в настоящее время не принесут положительного результата. Решение этого вопроса возможно по мере накопления опыта правового регулирования организации и проведения избирательных кампаний в рамках механизма принятия конституционных поправок.

Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2012 году, наиболее значимыми правами и свободами для опрошенных молодых людей являются: право на жизнь (57,5%), свобода слова (51,5%), право на бесплатное образование (41,3%), право на бесплатную медицинскую помощь (41,1%). Наименее значимыми для молодёжи оказались право на объединения, включая право создавать профсоюзы (5,2%), и право избирать и быть избранным (6,3%) [5]. Анализ результатов проведённого исследования позволяет сделать вывод о том, что уровень интереса молодёжи к участию в политической жизни страны не является высоким, каждый преследует в основном свои интересы, реализуя или отстаивая права и свободы, «охраняемые» государством. Молодые люди сомневаются в возможности что-либо изменить в стране с помощью их участия в выборах и поэтому пренебрежительно относятся к праву, закрепленному в статьях 3.32 Конституции Российской Федерации [6].

На сегодняшний день в России «господствует» системный кризис в обществе, непосредственно влияющий на реализацию конституционно-правовых основ участия молодежи в избирательном процессе. В связи с этим возникают проблемы развития важной подотрасли конституционного права — избирательного права, формирующего основные гарантии реализации молодыми людьми конституционного права, а также права избирать и быть избранными в федеральные органы государственной власти, органы государствен-

ной власти субъектов Российской Федерации, иные федеральные государственные органы и государственные органы субъектов Российской Федерации, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, конституциями, уставами субъектов Российской Федерации, а также в органы местного самоуправления на фоне уровня правовой культуры и электоральной активности.

Как отмечают Ю.А. Веденеев и В.И. Лысенко, «реализация “избирательного права” — это одновременно и способ политической самоорганизации гражданского общества и юридически признанная за гражданами, их политическими объединениями возможность быть субъектами государственной власти и местного самоуправления» [2]. Конституционно-правовая политика призвана формировать комплекс предпосылок и главных условий для становления и развития гражданского общества. Она воздействует на личность, поведение, характер взаимосвязи с государственно-правовыми институтами, но в настоящий момент недостаточно эффективна. Стремление к построению гражданского открытого общества, формированию механизмов политической и правовой культуры, а также культуры гражданственности остается одной из первоочередных проблем для современной России. Поэтому данный вопрос должен постоянно и всесторонне изучаться с участием исследователей, представляющих различные отрасли науки.

На разработку и аналитику конституционно-правовых основ участия молодежи в избирательном процессе обращали внимание в своих трудах такие ученые, как С.А. Авакьян, М.В. Баглай, Е.Б. Балашов, И.С. Бастен, Б.Н. Габричидзе, В.Т. Кабышев, О.Б. Кутафин, О.В. Лебедев, Е.Н. Майорова, М.Ф. Маликов, А.В. Малько, Н.И. Матузов, В.В. Нехаев, В.А. Ржевскй, Ю.А. Уваров, А.И. Умнова, В.И. Фарбер, Т.Я. Хабриева и др. Анализ данных трудов позволяет сделать вывод о том, что многие из аспектов и в настоящее время являются малоизученными, либо рассматриваются в рамках отдельных направлений, поэтому требуют дальнейшего развития и оптимизации. Недостаточность исследования конституционно-правовых основ участия молодежи в избирательном процессе выражается и в том, что в них не анализируются конституционно-правовые нормы, предусматривающие полномочия федеральных органов и органов субъектов РФ, включая муниципальные образования.

Вопрос определения места и роли молодежи в политическом процессе является принципиальным, так как, с одной стороны, здесь прослеживается преемственность и развитие правовой культуры: а с другой стороны, это акт, свидетельствующий о гражданской зрелости, реализации права выбора будущего своей страны.

Молодежь — это важнейший социальный и электоральный ресурс общества, составляющий около четверти от общего числа электората, поэтому очень важен диалог между новым поколением и органами государственной власти, чтобы не оставлять будущее нашей страны в роли «зрителей. Сегодня молодежь не ощущает себя частью электората, не видит своей значимости в политической жизни страны и поэтому уровень правового нигилизма очень высок. Возрастает кризис недоверия молодежи к избирательному процессу еще с 1990-х годов. Этот кризис вызывается недоступность для молодежи реального участия в политике не только в качестве избирателя, но и непосредственно избираемого кандидата; компрометацией самих выборов, которые превратились в декларацию идей и намерений по улучшению жизни общества [1]. Результаты опроса 2013 года ФОМ свидетельствуют о растущем недоверии к выборам среди значительной части молодых людей. На вопрос «Скажите, пожалуйста, как Вы в целом относитесь к выборам?» больше половины опрошенных людей (около 60%) выразили свое равнодушие к реализации избирательного права, в то время как положительных откликов было всего 40% [6]. Это зависит во многом от низкого уровня правовой культуры российской молодежи. На сегодняшний день опыт построения специальных программ, направленных на формирование правовой культуры, повышение электоральной активности в российской практике оставляет желать лучшего.

Государство должно очень внимательно отнестись к правовому воспитанию данной категории граждан, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, молодежь через 10-15 лет будет определять не только облик страны в целом, но и статус выборов в российском обществе. От установок и образцов поведения молодых людей будет зависеть, превратятся ли выборы в инструмент манипуляции населением, или они станут одной из действенных технологий демократической организации власти. Показатели и качество правовой воспитанности молодых граждан напрямую влияют на развитие страны, особенно это важно для развития правового государства, цель построения которого провозглашается в ст. 1 Конституции Российской Федерации.

Во-вторых, молодежь есть категория людей, которая наиболее подвержена радикальным изменениям и экстремистским идеям. В настоящее время остается острой проблема абсентеизма, с которой идет борьба уже с конца 1990-х годов. Существует множество факторов, влияющих на электоральное отчуждение молодых избирателей: психологические, исторические, социальные, экономические, другие. Их объединяют в три основные группы: правовой нигилизм, недоверие к власти, негативная социальная адаптация [7].

Общество постепенно «просыпается», и молодежь начинает активизироваться, только в ином направлении. События на постсоветском пространстве (в Молдавии, Украине, Грузии, Киргизии), известные как «цветные революции», и совсем недавние на Ближнем Востоке и в Северной Африке показывают, что одной из главных движущих сил в них является именно молодежь. Массовые протесты за последнее время охватили и Россию. По данным эксперта Левада-Центра Натальи Зоркой, 60% участников акции протеста на Болотной площади и проспекте Сахарова — молодые люди до 40 лет, более 70% — студенты. Поскольку молодежь по всему миру активно осваивает Интернет, ставший эффективным средством формирования политических взглядов, ожиданий и реакций в сфере политических отношений, именно она становится основной движущей силой революционного движения. В связи с этим государство должно усилить контроль за действиями СМИ с помощью законодательного вмешательства. Совместная работа органов государственной власти и средств массовой информации, разработка образовательных программ, агитация к участию в избирательном процессе позволят повысить уровень правовой культуры молодежи, воспитать здоровое правовое общество с моральными и нравственными устоями, которое будет гарантировать национальную безопасность конституционного строя страны и государства в целом. Так, например, в Германии действует Федеральный закон «О защите прав молодежи» и Государственный договор «Об охране молодежи от неправомерного влияния СМИ», который предусматривает конституционную и уголовную ответственность за нарушение данных положений [9, с. 205].

Государство должно занимать ведущее место в плане формирования государственной идеологии многообразия, в основе которой лежат те ценности, на которых строится демократическое государство. Основное требование — это отказ от давления. Правовое воспитание способствует формированию правовых потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций, которые активизируют субъекта и приведут к превращению смысла и ценностей демократически-правовой государственности через рефлексию, принятие во внутренние регуляторы поведения. Знание людьми законов, устройства государства — не гарант гражданственности. Возникает необходимость в осознанном усвоении основных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву, проявлении электоральной активности. Если государство сегодня коренным образом не приступит к решению названных весьма и весьма актуальных проблем, то уже завтра перспектива проведения цивилизованных демократических выборов будет вы-

глядеть весьма неопределенно, так как новое поколение граждан России, наиболее прагматичное, вероятнее всего, откажет в легитимизации тем институтам государственной власти, которые реально не обеспечивают его интересы.

Список литературы

1. *Амосова Л., Лебедева Н.* Молодежь как субъект права (сравнительно-правовой анализ) / Л. Амосова, Н. Лебедева // Юрист. 2002. № 10.
2. *Веденеев Ю.А., Лысенко В.И.* Избирательный процесс в Российской Федерации: политико-правовые и технологические аспекты / Ю.А. Веденеев, В.И. Лысенко // Государство и право. 2005. № 8.
3. *Головастикова А.Н.* Права человека. М.: Эксмо, 2012. 317 с.
4. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета, 2008, № 7.
5. Официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) // Режим доступа: http://wciom.ru/ (дата обращения: 7.08.2013)
6. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) — Режим доступа: http://fom.ru/ (дата обращения: 20.07.2013)
7. *Редькин А.* Повышение электоральной активности молодежи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/r/redxkin_aleksandr_aleksandrowich/msu.shtml
8. *Тимофеева Р.И.* Конституционно-правовые основы государственной молодежной политики: автореф. дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.02 Челябинск, 2006. 174 с.
9. Grundzüge des deutschen und internationalen Wirstscaftsrechts. Lehrmittel / H-J-Schmidt-Trenz, K. Graf. SPb. 2007.

В.А. Малашевич
Академия управления при
Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

Международно-правовое регулирование ограничений транзита товаров в Таможенном союзе

Аннотация. В статье анализируются ограничения, применяемые к транзиту товаров в Таможенном союзе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Исследованы ограничения, применяемые к транзиту как в контексте норм ГАТТ ВТО, так и соглашений в рамках Таможенного союза. Сделаны обоснованные выводы о существующих в международных соглашениях универсального характера и на уровне инте-

грационных объединений, возможностях ограничения транзита по определенным основаниям.

Ключевые слова: ГАТТ ВТО, нетарифные ограничения, свобода транзита, Таможенный союз, транзит.

Abstract. This article analyzes the restrictions applied to the transit of goods in the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and the Russian Federation. The author has investigated restrictions that apply to transit in the context of the GATT WTO rules and agreements in the framework of the Customs Union. The author of the article made reasonable conclusions about the existing international agreements and universal character at the level of integration associations, transit opportunities restrictions on certain grounds.

Key words: GATT WTO, non-tariff restrictions, freedom of transit, Customs union, transit.

Сфера транзитных перевозок товаров, как правило, урегулирована двусторонними соглашениями. Эти соглашения ссылаются на существующие в международной практике правила и содержат положения, определяющие сферу применения свободы транзита, обозначающие ограничения транзитных маршрутов, регулирующие различного рода разрешения, трансграничное сотрудничество, споры, уплату таможенных и других сборов при транзите товаров, вопросы безопасности движения и т.д.

Однако тенденцией последнего времени следует признать комплексные решения на региональном уровне с целью создания или укрепления согласованных транзитных и транспортных систем с целью оказания поддержки региональной экономической интеграции. Такие региональные соглашения охватывают гармонизацию процедур таможенного транзита и соответствующих документов, региональное сотрудничество органов власти и гарантии региональных систем таможенного транзита.

Для Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации транзит товаров является одним из параметров, в том числе характеризующих уровень сотрудничества государств и вовлечения их в мирохозяйственные связи. Представляется целесообразным проанализировать нормы и правила Всемирной торговой организации в связи с многочисленностью как участников, так и государств-кандидатов на вступление в нее, а также международно-договорной практики в Таможенном союзе с целью выявления особенностей правового регулирования ограничений, применяемых к транзиту товаров.

Исключения из так называемых торговых режимов, в том числе в части, касающейся транзита, допускаются согласно Генеральному соглашению по тарифам и торговле 1994 года, содержащемуся в Приложении 1А к Соглашению об учреждении Всемирной

торговой организации от 15 апреля 1994 года, в отдельных случаях. Это, например, общие исключения (ст. XX ГАТТ), включающие меры, необходимые для защиты общественной морали; для охраны жизни и здоровья человека, животных и растений; относящиеся к импорту или экспорту золота или серебра; необходимые для обеспечения соответствия законам или правилам, не противоречащим положениям норм ГАТТ, включая те, которые относятся к обеспечению соблюдения таможенного законодательства, правил о монополиях, защите патентов, товарных знаков и авторских прав и предупреждению нечестной практики; относящиеся к товарам, произведенным заключенными; принимаемые для охраны национальных сокровищ художественной, исторической или археологической ценности; относящиеся к консервации истощаемых природных ресурсов, если подобные меры проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления и некоторые другие [1], а также отдельно вынесенные меры, предпринимаемые по соображениям безопасности в ст. XXI ГАТТ. Нетарифные ограничения также возможны в случаях общих исключений, по соображениям безопасности, и если «государство является членом таможенного союза, зоны свободной торговли и в отношении приграничной торговли» (ст. XXIV.5 ГАТТ) [1], а также в других случаях.

Необходимо отметить, что руководство нормами и правилами ВТО в контексте принятия Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г. между Беларусью, Казахстаном и Россией, является требованием в соответствии с положениями ч. 1, 3 ст. 1 указанного соглашения [3]. Кроме того, в Таможенном союзе уже сложились определенные правила регулирования транзита товаров. Так, Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 г. содержит статью 3, которая гласит: «С момента создания единой таможенной территории Стороны не применяют во взаимной торговле таможенные пошлины, количественные ограничения и эквивалентные им меры.

Ничто в настоящей статье не препятствует Сторонам применять во взаимной торговле специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, а также запреты и ограничения импорта или экспорта, необходимые для защиты общественной морали, жизни или здоровья человека, животных и растений, охраны окружающей природной среды и защиты культурных ценностей, при условии, что такие запреты и ограничения не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли» [2].

В 2008 г. правительства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации подписали Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, вступившее в силу 1 января 2010 г. Статья 7 данного соглашения устанавливает меры, затрагивающие внешнюю торговлю товарами и вводимые, исходя из национальных интересов. Такие меры могут вводиться, если они необходимы для соблюдения общественной морали или правопорядка; необходимы для охраны жизни или здоровья граждан, окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений; относятся к экспорту и (или) импорту золота или серебра; применяются для защиты культурных ценностей и культурного наследия; необходимы для предотвращения исчерпания невосполнимых природных ресурсов и проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления, связанных с использованием невосполнимых природных ресурсов; связаны с ограничением экспорта отечественных материалов для обеспечения достаточным количеством таких материалов внутренней обрабатывающей промышленности в течение периодов, когда внутренняя цена на такие материалы держится на более низком уровне, чем мировая цена, в результате осуществляемого правительством плана стабилизации; необходимы для приобретения или распределения товаров при общем или местном их дефиците; необходимы для выполнения международных обязательств; необходимы для обеспечения обороны и безопасности; необходимы для обеспечения соблюдения не противоречащих международным обязательствам правовых актов, касающихся применения таможенного законодательства, охраны окружающей среды, защиты интеллектуальной собственности, и иных правовых актов [8]. Соглашение оговаривает, что эти меры не должны применяться, если способ их осуществления является средством произвольной или необоснованной дискриминации третьих стран, а также скрытого ограничения внешней торговли товарами.

С 6 июля 2010 г. вступил в силу Таможенный кодекс Таможенного союза от 27 ноября 2009 г., закрепивший в статье 216 «Условия помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита», что помещение товаров под таможенную процедуру таможенного транзита допускается при условии, что товары не запрещены к ввозу на таможенную территорию таможенного союза или вывозу с такой территории, а в отношении товаров представлены документы, подтверждающие соблюдение ограничений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу, если такое перемещение допускается при наличии этих документов [6].

Эти ограничения установлены специальными правовыми актами Таможенного союза, среди которых в сфере транзита можно выделить Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами и Положения о применении ограничений [5]. Данный перечень содержит несколько групп объектов. Например, п. 1.3 касается информации на печатных, аудиовизуальных и иных носителях информации, запрещенной для ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, вывоза с таможенной территории Таможенного союза и транзита по таможенной территории Таможенного союза; п. 1.6 – служебного и гражданского оружия, его основных частей, и патронов к нему, запрещенных для ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, вывоза с таможенной территории Таможенного союза и транзита по таможенной территории Таможенного союза. Существует также перечень служебного и гражданского оружия, его основных частей и патронов к нему, ограниченного для ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, вывоза с таможенной территории Таможенного союза и транзита по таможенной территории Таможенного союза [4] в соответствии с Положением о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, вывоза с таможенной территории Таможенного союза и транзита по таможенной территории Таможенного союза гражданского и служебного оружия, его основных частей и патронов к нему [7]. Пункт 13 этого документа содержит положение о том, что транзит оружия физическими и юридическими лицами осуществляется без оформления лицензий на основании заключений (разрешительных документов), выдаваемых государственными органами государств-участников таможенного союза, осуществляющими контроль в сфере оборота оружия, в соответствии с законодательством государств-участников таможенного союза.

Таким образом, возможность введения Таможенным союзом ограничений транзита товаров закреплена на уровне международных соглашений, в том числе международно-правовых норм универсального характера — ГАТТ ВТО. В современных условиях члены ВТО для ограничения доступа иностранных товаров на свой рынок все чаще стали научно обосновывать необходимость использования общих исключений с целью охраны жизни и здоровья своего населения [9, с. 46]. Следует отметить, что с точки зрения международного права транзитное государство не вправе полностью запретить транзит товаров через свою территорию. Оправданными такие абсолютные ограничения могут быть только, если они применяются

на временной и исключительной основе — в случае войны или вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Представляется, что для государств – членов Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества возможность отступать от предоставления права свободного транзита, несомненно, является гарантией защиты своих наиболее существенных интересов, в том числе собственной экономической, национальной безопасности, охраны жизни и здоровья граждан этих государств, а также защиты других государственных интересов в условиях развитого сотрудничества с другими странами.

Список литературы

1. General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // The World Trade Organization (the website) [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/analytic_index_e/gatt1994_07_e.htm#article20 Дата доступа: 23.10.2013.

2. Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 г. // Официальный сайт Комиссии таможенного союза [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/docs/Download.aspx?IsDlg=0&ID=3039&print=1 Дата доступа: 17.10.2013.

3. Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г. // Официальный сайт Комиссии таможенного союза [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/docs/Download.aspx?IsDlg=0&ID=4203&print=1 Дата доступа: 17.10.2013.

4. Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами и Положения о применении ограничений: Решение Коллегии ЕЭК № 134 от 16 августа 2012 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsouz.ru/db/entr/norm-prav-doc/ediniy_perechen/Pages/default.aspx Дата доступа: 22.10.2013.

5. О едином нетарифном регулировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: Решение Комиссии Таможенного союза № 132 от 27 ноября 2009 г. // Единый реестр правовых актов СНГ [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/docs/Download.aspx?IsDlg=0&ID=684&print=1 Дата доступа: 24.10.2013.

6. Таможенный кодекс таможенного союза: Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (Высшего органа Таможенного союза) на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года №17 (в ред. Протокола от 16 апреля 2010 года) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [электронный ресурс]. – Режим до-

ступа: http://tsouz.ru/Docs/Kodeks3/razdel6/Pages/tkgl32.aspx Дата доступа: 22.10.2013.

7. Положение о порядке ввоза на таможенную территорию таможенного союза, вывоза с таможенной территории таможенного союза и транзита по таможенной территории таможенного союза гражданского и служебного оружия, его основных частей и патронов к нему: Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами и Положения о применении ограничений: Решение Коллегии ЕЭК №134 от 16 августа 2012г. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tsouz.ru/db/entr/norm-prav-doc/ediniy_perechen/Documents/16.11.2012/1.6%20-%20guns.doc Дата доступа: 22.10.2013.

8. Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран от 25 января 2008 г. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/S_o_edmerax_netarifreg_3srtan.aspx Дата доступа: 17.10.2013.

9. *Турбан Г.В.* Всемирная торговая организация: взаимодействие государства и бизнеса/ Г.В. Турбан. – Минск: Белпринт, 2009. – 144 с.

В.Б. Малинин
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

География преступности как объект криминологического исследования

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения региональных количественных и качественных различий преступности. Автор подчеркивает, что статистические характеристики преступности в разных регионах РФ имеют довольно существенные различия.

Ключевые слова: преступность, геокриминологии, география преступности.

Abstract. The article is devoted to the study of regional quantitative and qualitative differences in crime. The author emphasizes that the statistical characteristics of crime in different regions of Russia have a rather significant differences.

Keywords: crime, geokriminology, the geography of crime.

Одним из объектов современной криминологии является проблема региональных количественных и качественных различий преступности: ее видов, структуры, количества преступлений, их прироста. Актуальность этой проблемы особенно остра для России,

по-прежнему, даже после распада СССР, остающейся самой крупной державой в мире по территории (17 000 тыс. км²) и одной из крупнейших по численности населения (142 млн. человек – 6 место в мире) На территории России проживает свыше 100 наций и народностей. Территория РФ протянулась с запада на восток, от Калининграда до Чукотки, на 8 750 км, с севера на юг, от Мурманска до Северного Кавказа, на 3 500 км. Плотность населения составляет от 0,0003 человек на 1 км² в Республике Саха (Якутия) до 200 человек на 1 км² в Московской области [1].

Уже по этим (и не только по ним) географическим показателям видно, что Россия – уникальная страна. А ведь можно еще говорить и об экономических, и о социальных, и о культурных и многих других характеристиках нашей страны. Все это лишний раз подчеркивает, насколько важно изучать такое социальное явление как преступность (в нашем случае – организованная преступность) с учетом региональных различий, территориальных и этнических особенностей.

Изучение преступности, как известно, осуществляется с помощью статистических данных о ней. Четкая и полная регистрация совершаемых преступлений чрезвычайно важна, т.к. статистические исследования дают криминологам тот необходимый инструментарий, с помощью которого составляются прогнозы и разрабатываются план-программы, т.е. мероприятия, направленные на предупреждение преступности.

Статистические характеристики преступности в разных регионах РФ имеют довольно существенные различия. Думается, что исследование территориальных различий преступности дает возможность наиболее полно учесть особенности преступности и при разработке предупредительных мер, предлагаемых в региональных планах социально-экономического развития и программах борьбы с преступностью. Это прикладной аспект подобного рода исследований. Теоретическая же их ценность заключается в том, что с их помощью можно детальнее изучить механизм детерминации преступности и ее изменений, выявляя социальные, экономические политические явления и процессы, которые либо формируют причины преступности, либо способствуют им в различных регионах.

Что же является предметом географии преступности (геокриминологии)? Представляется, что следующее:

1. Влияние уровня экономического развития страны (региона, районного центра, малого города) на преступность в лице ее статистических характеристик. Сюда относится изучение взаимодействия промышленного потенциала, уровня развития производственных сил, существующей производственной базы, с одной стороны, и преступности – с другой.

2. Влияние особенностей социально-культурных характеристик населения страны (региона, районного центра, малого города) на преступность. Сюда включаются такие показатели, как занятость населения, наличие явной и латентной безработицы, уровень доходов населения, социальный состав, демографическая ситуация, наличие этнокоренных и этноприобретенных особенностей, традиций, обрядов, общий интеллектуальный уровень.

3. Влияние на преступность обеспеченности населения (в том числе и местного населения) возможностями реализации естественных прав и свобод. Здесь рассматривается наличие и количество образовательных, культурных, бытовых, досуговых учреждений, учреждений здравоохранения и науки.

4. Влияние естественно-географических факторов на преступность. Здесь исследуются сырьевые потенции страны (региона, районного центра, малого города), климатические, ландшафтные особенности, особенности флоры и фауны.

Безусловно, что описанные выше составляющие предмета геокриминологии не могут считаться исчерпывающими. Речь, конечно же, идет о гораздо большем количестве факторов влияния географической среды на преступность, ибо общеизвестно, что преступность есть живой социальный организм, возникающий, развивающийся, изменяющийся, самовоспроизводящийся по своим, особым законам.

Все вышеизложенное дает нам возможность определить понятие географии преступности (ряд авторов именуют ее геокриминологией). На наш взгляд, под географией преступности понимается самостоятельное направление криминологической науки, изучающее влияние экономических, социальных, культурных, демографических, политических и естественно-природных особенностей страны (региона, районного центра, малого города) на состояние, структуру и динамику преступности. Из данного нами определения географии преступности видно, что изучение территориальных различий преступности включает широкий спектр проблем.

К числу подобного рода различий следует отнести, например, криминальную пораженность отдельных социально-демографических групп населения различными видами преступлений. В крупных городах и мегаполисах чаще совершаются преступления в сфере экономической деятельности, мошенничества, квартирные кражи, угоны (хищения) автотранспорта. В так называемых «молодых» городах, в городах-спутниках, где в структуре населения доминирует молодежь, несемейные люди, среди которых много мигрантов, занимающихся тяжелым малоквалифицированным трудом или работой на конвейере, высок уровень насильственной и корыстно-

насильственной преступности (убийства, изнасилования, причинение вреда здоровью, разбои, грабежи, вымогательства и т.п.). В малых городах, помимо высокого уровня насильственной преступности, преобладают также хищения и другие корыстные преступления; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. На селе чаще можно встретить кражи скота и сельскохозяйственной продукции, а также бытовую насильственную преступность. Причем различия характеристик преступности зависят не только от типа населенного пункта (мегаполис, малый город, поселок городского типа и т.д.), но и от географического его местоположения.

Анализ уровня и структуры преступности конкретного региона дал нам основание сделать определенный вывод о наличии определенной закономерности – степень криминальной пораженности региона (субъекта РФ, малого города или другой административно-территориальной единицы), безусловно, соотносится с территориальной расположенностью данного региона. Соответственно, напрашивается вывод прогностического характера о высокой потенциальной способности отдельных регионов к самопроизводству преступности и об активном порождении населением данных регионов криминальных элементов из своей среды.

Как показывают официальные данные МВД РФ за последние годы, уровень и структура преступности в отдельных регионах страны сильно различаются. И хотя, в целом, прирост преступности по тем же официальным данным в 2005-2012 гг. несколько снизился, тенденция криминального «разброса» постоянна на протяжении последних 15 лет. В отдельных субъектах РФ наблюдается некое «колебание» кривой преступности, но уровень и состояние, тем не менее, превышают, подчас резко, среднероссийские показатели и показатели других регионов [3, 4, 7].

Даже официальные данные, несмотря на их очевидную неполноту, позволяют сделать вывод о перерастании преступности в отдельных регионах из негативного социального общественно опасного, но все же контролируемого государством явления в мощнейшую разрушительную силу, некий социальный организм, стремящийся подчас встать на одну ступень с государственной властью или вовсе заменить ее. Так, общеизвестны попытки прихода к власти в регионах внешне легитимными способами преступных «авторитетов» – лиц, неоднократно судимых за тяжкие преступления (Быков – в Красноярске, Коняхин – в Ленинск-Кузнецком и др.) [2, 5].

Следует также констатировать тот факт, что криминальная пораженность отдельных регионов достигла столь высокой отметки, что вопрос о криминогенности, или криминальной предрасположенности этих регионов не только возникает, но и требует четкого

теоретического обоснования. Преступность в этих регионах качественно переродилась настолько, что в настоящий момент можно говорить только лишь об установлении контроля над нею, а не о полном ее искоренении или существенном снижении ее уровня.

Как справедливо указывает С.А. Шотников, говорить об особенностях криминогенной обстановки в регионе или субъекте РФ разумно, лишь охарактеризовав их в масштабах всей страны. Именно на общем уровне обозначаются те ориентиры, опираясь на которые можно проводить дальнейшие изыскания в этой области [6, с. 42].

Логически следуя принципу дедукции, далее следует обратиться к так называемому региональному уровню. Термин «регион» (от английского region – регион, область, район, зона), который до сих пор трактуется в законодательстве РФ неоднозначно, используется нами в одном смысле – регион понимается как территория нескольких субъектов РФ, объединенных по какому-либо признаку (например, Северный Кавказ, Северо-Западный регион, Центральный регион, Приволжский регион, Урал, Восточно-Сибирский регион и др.).

Следующий этап исследования – уровень субъекта РФ. Важно, что в рамках одного субъекта возможно проведение единой экономической, социальной, культурной политики, что более затруднительно на уровне региона и страны в целом. Структура исследования должна строиться следующим образом: оценка характеристик преступности, криминологическая классификация административно-территориальных единиц, входящих в состав данного субъекта, особенности детерминации и профилактики.

Наконец, заключительный этап исследования – уровень административно-территориальной единицы (муниципального образования): крупного или малого города, района, поселка городского типа, района в крупном городе. Между тем, на данном уровне сложнее всего провести криминологическую классификацию, т.к. территории, входящие в данную единицу, по своей криминогенности, как правило, не совпадают с административными границами. В масштабах города (в том числе и малого) могут содержаться самые различные криминогенные зоны: предместья, поселки, микрорайоны, квартиры и т.п.

Тип населенного пункта может, как известно, выступать в роли криминогенной детерминанты: город, поселок городского типа, село и др. Особое значение приобретает тип застройки населенного пункта, планировки улиц, парков, скверов, жилых и промышленных зон. В ходе подобных исследований возможно даже построение криминотопографических схем.

На этом уровне изучению подлежат криминологические факторы, характеризующие весь регион в целом. Происходит обособление региона от масштабов всей страны и от других регионов.

Список литературы

1. Атлас России. М., 2013.
2. *Бегагоина Л.* Мафия живет и побеждает // Восточно-Сибирская правда. 2002. 26 февр.
3. Преступность и правонарушения (1996-2000). Статистический сборник. М., 2001.
4. Преступность и правопорядок в России. М., 2006.
5. *Фомина Л.* Некоронованный король показал свою власть и силу // Восточно-Сибирская правда. 2002. 12 марта.
6. *Шотников С.А.* Преступность в крупных городах Восточной Сибири. СПб., 2004.
7. URL: www.mvdinform.ru

Е.А. Малышев
Северо-Западный филиал
Российской академии правосудия,
г. Санкт-Петербург, Россия
В.А. Яковлев
Федеральная миграционная служба,
г. Москва, Россия

Сравнительный анализ правового регулирования внешней трудовой миграции в Европейском союзе и Едином экономическом пространстве

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование внешней трудовой миграции в государствах-членах Европейского союза и странах-участницах Единого экономического пространства, выявлены его особенности и проведен его сравнительный анализ.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, трудящийся-мигрант, правовое регулирование.

Abstract. The article considers the legal regulation of labor migration in the member states of the European Union and participating countries of the Common Economic Space, revealed its features and conducted his comparative analysis.

Key words: external labor migration, migrant worker, legal regulation.

Опыт развитых государств-членов Европейского союза (далее – ЕС, Союз), где уделяется внимание правовому регулированию внешней трудовой миграции и выработаны наиболее эффективные меры государственно-правового регулирования в указанной сфере,

могут быть взяты на вооружение странами-участницами Единого экономического пространства [8] (далее – ЕЭП).

С созданием Таможенного союза Беларуси, Казахстана, России и началом функционирования ЕЭП в январе 2012 года интеграционные процессы стран-участниц ЕЭП получили мощный импульс. Стала реальной свобода передвижения человеческого капитала и перспектива формирования общего рынка труда. Безусловно, что законодательство стран-участниц ЕЭП в сфере миграции развивается, приводя к постепенной гармонизации национального законодательства стран-участниц ЕЭП и по аналогии с экономическими объединениями в Западной Европе формированию единой миграционной политики и общему правовому регулированию.

В этой связи обратим внимание на разработанную в ЕС концепцию «цивильного гражданства» (civic citizenship). В европейском контексте «цивильное гражданство» означает не столько разработку отдельного свода правил для иммигрантов, сколько приверженность базовым принципам прав и обязанностей гражданина, которые распространялись бы на всех лиц, легально проживающих в ЕС [1, с. 19-20].

С подписанием в 1992 году Маастрихтского договора было введено гражданство ЕС. Так, в соответствии со ст. 17 Договора каждое лицо, имеющее гражданство государства-члена ЕС, является гражданином Союза. При этом «гражданство Союза дополняет, но не заменяет национальное гражданство», а в соответствии со ст. 18 Договора о ЕС каждый гражданин Союза имеет право на свободное передвижение и проживание на территории всех государств-членов ЕС. Кроме того, граждане государств-членов ЕС имеют право осуществлять трудовую деятельность на территории любого из них. Членами семьи трудящихся в странах ЕС могут быть не только граждане государств-членов ЕС, но и граждане третьих стран. Неграждане ЕС, являясь родственниками трудящихся граждан ЕС, также получают право на свободу передвижения внутри ЕС. При этом они приобретают такие права, как право проживания с трудящимися в принимающем государстве, право на трудоустройство и социальное обеспечение и др. [5, с. 123, 141].

Директива Европейского Парламента Совета Европейского Союза № 2004/3 8/ЕС от 29 апреля 2004 г. «О праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов» [3] является одним из основных нормативных актов ЕС, регулирующих публично-правовые отношения в сфере осуществления свободы передвижения и проживания всех граждан ЕС, а также права членов их семей, в том числе являющихся выходцами из «третьих стран». Кроме того, настоящая Директива вно-

сит ряд изменений и дополнений в сложившийся ранее правовой режим – отмена обязанности для граждан Союза получать вид на жительство и замена его более простой системой регистрации по месту проживания (статья 8); право постоянного проживания, впервые предусмотренное настоящей Директивой (глава IV); расширение объема понятия «член семьи» (параграф 2 статьи 2 и параграф 2 статьи 3) и дополнительные гарантии для подобных лиц, например, в случае распада брака с гражданином Союза (статьи 12 и 13).

Для лиц, пребывающих в ЕС и не являющихся гражданами государств-членов ЕС («граждан третьих стран»), указанная Директива закрепляет основания и порядок приобретения ими статуса «долгосрочного резидента», который оформляется специальным видом на жительство («Вид на жительство долгосрочного резидента – ЕС»), его обладатель приравнивается в правах к гражданам государств-членов ЕС, а также получает право переезжать на постоянное место жительства в другие страны ЕС вместе с членами своей семьи. Однако ее нормы не распространяют силы на три страны ЕС: Великобританию, Ирландию и Данию [2, с. 124].

С целью создания благоприятных условий для переезда, проживания и трудоустройства в ЕС высококвалифицированной рабочей силы из стран, не входящих в его состав, 25 мая 2009 года была принята Директива Совета Европейского Союза № 2009/50/ЕС «Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы» [4]. Указанная Директива вводит специальный вид на жительство в ЕС сроком действия от одного года до четырех лет с возможностью его дальнейшего продления, который назван «Голубая карта ЕС».

Обладателями Голубой карты ЕС могут стать любые граждане третьих стран, обладающие высокой профессиональной квалификацией, а именно, дипломированные специалисты с высшим образованием (при условии, что длительность процесса обучения составляла не менее трех лет), а также иные лица, которые имеют пятилетний профессиональный опыт работы по специальности, требующей наличия высшего образования. Они также наделяются рядом дополнительных прав и возможностей, в том числе правом по истечении полутора лет работы в государстве-члене ЕС, выдавшем Голубую карту ЕС, переезжать для осуществления трудовой деятельности в другие государства-члены ЕС.

По сравнению с другими законными иммигрантами в государствах-членах ЕС для обладателей Голубой карты ЕС предусмотрен упрощенный порядок реализации некоторых прав, регулируемых иными источниками законодательства ЕС. К ним относятся: право осуществлять «семейное воссоединение», т. е. обеспечивать

переезд и совместное проживание в государствах-членах ЕС членов своей семьи; право по истечении пяти лет законного проживания получить статус «долгосрочного резидента – ЕС», дающий гражданам третьих стран еще более широкие возможности работы и проживания.

Настоящая Директива, как и другие правовые акты государств-членов ЕС, в аналогичной форме выступает в качестве основ законодательства ЕС, положения которых подлежат трансформации в национальное право, т. е. включению в законодательство государств-членов ЕС.

С 19 июля 2011 года граждане третьих стран получили право обращаться за Голубой картой ЕС во все государства-члены ЕС, за исключением Великобритании, Ирландии и Дании.

Итак, проанализировав правовое регулирование внешней трудовой миграции в государствах-членах ЕС, можно сделать вывод, что государственное регулирование правового статуса трудящихся-мигрантов и членов их семей на уровне ЕС постоянно совершенствуется.

Отметим, что внесение изменений в Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части дополнения его статьей 13.2. «Особенности осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами» [11] во многом заимствовано из опыта государств-членов ЕС в части привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов из третьих стран.

Перейдем к рассмотрению правового регулирования внешней трудовой миграции в странах-участницах ЕЭП, отметив, что правительствами трех стран (России, Казахстана и Беларуси) в рамках ЕЭП 19 ноября 2010 года подписано Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей [12] (далее – Соглашение трех стран). Оно вступило в силу с 1 января 2012 года и предусматривает значительные преференции в виде: 1) осуществления трудовой деятельности трудящимися-мигрантами на территориях государств Сторон без разрешения на трудовую деятельность и без учета ограничений по защите национального рынка труда; 2) упрощения порядка пребывания для указанных мигрантов на территориях государств Сторон, освобождающего их от регистрации по месту пребывания в течение 30 суток с даты въезда в государство трудоустройства. Срок их временного пребывания определяется периодом, в течение которого действует трудовой договор, если последний расторгается досрочно по прошествии 90 суток с даты въезда,

то мигрант вправе в течение 15 суток заключить новый договор, в том числе с другим работодателем.

В ст. 1 Соглашения трех стран дается определение понятия «трудящийся-мигрант» – лицо, являющееся гражданином государства одной из Сторон, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства другой Стороны, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает.

Рассмотрим основные новации Соглашения трех стран и их влияние на нормы действующих нормативных правовых актов стран-участниц ЕЭП [10, с. 25].

Определим категорию лиц, затрагиваемых Соглашением трех стран. Так, в статье 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [9] установлены три режима пребывания иностранных граждан в России — временно пребывающий, временно проживающий и постоянно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин. Иностранный работник есть иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность.

Таким образом, рассматриваемое Соглашение трех стран затрагивает временно пребывающих в России граждан Беларуси и Казахстана, прибывших на территорию нашей страны в целях осуществления трудовой деятельности. Кроме того, Соглашение трех стран затрагивает временно пребывающих в России граждан иных третьих стран в случае, если в соответствии с законодательством Российской Федерации они признаются членами семьи трудящегося-мигранта из Беларуси или Казахстана.

В статье 38 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [7] установлены три режима пребывания иностранцев в стране – иностранцы временно пребывающие, временно и постоянно проживающие в ней. Согласно статье 11 указанного Закона, постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы имеют право заниматься трудовой и предпринимательской деятельностью наравне с гражданами Республики Беларусь, а порядок занятия трудовой деятельностью иностранцами, временно пребывающими и временно проживающими в Республике Беларусь, определяется специальными законодательными актами Республики Беларусь.

Таким образом, рассматриваемое Соглашение трех стран затрагивает временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь граждан России и Казахстана, прибывших в целях

осуществления трудовой деятельности. Соглашение трех стран затрагивает временно пребывающих и временно проживающих в Беларуси граждан иных третьих стран в случае, если в соответствии с законодательством Республики Беларусь они признаются членами семьи трудящегося-мигранта из России или Казахстана.

В статье 4 Закона Республики Казахстан от 19 июня 1995 года № 2337 «О правовом положении иностранцев» [6] установлены два режима пребывания иностранцев в Республике Казахстан – постоянно проживающие и временно пребывающие в стране иностранцы. Согласно статье 6 данного Закона иностранцы, постоянно проживающие в Республике Казахстан, в трудовых отношениях имеют те же права и несут те же обязанности, что и граждане Республики Казахстан. На основании этого рассматриваемое Соглашение трех стран затрагивает временно пребывающих в Республике Казахстан граждан России и Беларуси, прибывших в Республику Казахстан в целях осуществления трудовой деятельности. Кроме того, Соглашение трех стран распространяется на временно пребывающих в Казахстане граждан третьих стран в случае, если они признаются членами семьи трудящегося-мигранта из России или Беларуси.

Проведенный сравнительный анализ правового регулирования внешней трудовой миграции в Европейском союзе и Едином экономическом пространстве позволяет нам сделать вывод о том, что на уровне Европейского Союза и Единого экономического пространства применяются похожие модели государственного регулирования правового статуса трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Граждане стран-участниц ЕЭП имеют право осуществлять трудовую деятельность на территории любого из них, данные правила распространяются также на членов семьи трудящихся-мигрантов, если они являются гражданами третьих стран и не являются гражданами стран-участниц ЕЭП – России, Казахстана и Беларуси, что способствует сближению прав не только трудящихся-мигрантов, но и членов их семьи.

Странам-участницам ЕЭП необходимо взять на вооружение, во-первых, разработанную в ЕС концепцию «цивильного гражданства», а во-вторых, порядок выдачи «голубых карт ЕС», что, безусловно, должно быть учтено при создании к 1 января 2015 года Евразийского союза.

Список литературы

1. *Бабичев А.М.* Совершенствование миграционной политики России на основе использования отечественного и зарубежного опыта: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2009. – 24 с.

2. *Бирюков М.М.* Европейское право до и после Лиссабонского договора / Бирюков М.М. – М.: Научная книга, 2010. – 240 с.

3. Директива Европейского Парламента Совета Европейского Союза 2004/38/ЕС от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов, изменяющая Регламент (ЕЭС) N 1612/68 и отменяющая директивы 64/221/ЕЭС, 68/360/ЕЭС, 72/194/ЕЭС, 73/148/ЕЭС, 75/34/ЕЭС, 75/35/ЕЭС, 90/364/ЕЭС, 90/365/ЕЭС и 93/96/ЕЭС // Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2564504/ (дата обращения 13.11.2013).

4. Директива № 2009/50/ЕС Совета Европейского Союза «Об условиях въезда и проживания граждан третьих стран для целей осуществления высококвалифицированной трудовой деятельности» (Принята в г. Брюсселе 25.05.2009) // Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2568909/ (дата обращения 13.11.2013).

5. *Зинченко Н.Н.* Международное миграционное право: основы теории и практики. – М.: Научная книга, 2011. – 344 с.

6. Информационно-правовая система Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/ (дата обращения 13.11.2013).

7. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/ (дата обращения 13.11.2013).

8. Решение Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 г. № 813 «О ходе выполнения Плана действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tsouz.ru (дата обращения 11.11.2013).

9. Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

10. Трудовая миграция в ЕЭП: анализ экономического эффекта и институционально-правовых последствий ратификации соглашений в области трудовой миграции – СПб., 2012. – 60 с.

11. Федеральный закон от 19 мая 2010 г. № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2012) «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 21. – Ст. 2524.

12. Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 86-ФЗ «О ратификации Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 29. – Ст. 4277.

Ж.А. Мамитова
Академия финансовой полиции
Агентства Республики Казахстан
по борьбе с экономической и
коррупционной преступностью
(финансовая полиция);
г. Астана, Республика Казахстан

О некоторых вопросах имплементации норм Конвенции ООН против коррупции

Аннотация. Статья посвящена проблемам имплементации норм международных договоров в уголовное законодательство Республики Казахстан, в частности по вопросам криминализации незаконного обогащения.

Ключевые слова: имплементация, коррупция, незаконное обогащение, конфискация имущества.

Abstract. The article deals with the problems of implementation of certain provisions of international agreements in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, in particular on the criminalization, penalization of acts of corruption.

Key words: implementation, corruption, illegal enrichment, confiscation of property.

Концепция правовой политики на период с 2010 по 2020 гг. в рамках совершенствования уголовной политики определила важность приведения уголовного закона в соответствие с международными договорами, ратифицированными Казахстаном [1]. Развитие и совершенствование в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах идей защиты прав и свобод человека наилучшим образом осуществляется с помощью имплементации международно-правовых норм в казахстанское законодательство.

Общеизвестно, что единственным источником уголовного законодательства Республики Казахстан является Уголовный кодекс. Для введения новых положений, касаемых криминализации, декриминализации, изменений в уголовно-правовые институты, необходимо пройти процедуру включения изменений и дополнений в Уголовный кодекс.

По сравнению с материальным правом, процессуальное право обладает более широким кругом нормативно-правовых актов, включающим в качестве уголовно-процессуального законодательства Конституцию Республики Казахстан, конституционные законы, международные договорные и иные обязательства Республики Казахстан, нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда.

Из всего вышеуказанного следует, что внесение положений международных договоров в национальное законодательство имеет важное первостепенное значение в реализации целей уголовной политики. Но практика приведения в соответствие и исполнения иных обязательств оставляет желать лучшего.

Как заметила А.К. Князькина, специфика межгосударственных соглашений в области уголовного права состоит в том, что они не могут быть реализованы без имплементации их положений в уголовный кодекс, поскольку нормы таких соглашений как минимум не имеют санкций. Поэтому выполнение международных обязательств возможно только посредством включения конвенционных положений в закон [2, с. 443-444].

Республика Казахстан ратифицирована Конвенцию ООН против коррупции в 2008 году. Одной из рекомендаций стало введение уголовной ответственности за незаконное обогащение, под которым, согласно Конвенции, понимается значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать [3, с. 60].

Имплементация данной нормы в Уголовный кодекс Республики Казахстан, по мнению С.М. Рахметова и И.Ш. Борчашвили, позволила бы повысить эффективность уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией, выявлять и привлекать к уголовной ответственности наиболее опасных коррупционеров, которые добыли незаконным, в основном, преступным путем денежные средства и иное имущество на огромные суммы. Подобная норма может сыграть мощную профилактическую роль [4, с. 47].

Имеются ученые, выступающие против криминализации незаконного обогащения. Так, В.Михайлов полагает, что ст. 20 Конвенции ООН против коррупции должна реализовываться не путем признания уголовно-наказуемым незаконного обогащения, а путем использования иных правовых средств. К их числу ученый относит уголовное наказание в виде кратного штрафа за коррупционные преступления, конфискацию имущества, контроль за расходами лиц, занимающих государственные должности в тех случаях, когда расходы этих лиц явно не соответствуют их доходам [5, с. 113-119].

Другие противники введения уголовной ответственности за незаконное обогащение полагают, что тем самым будут нарушены уголовное право и презумпция невиновности [6, с. 200-202]. Данное утверждение Б. Борков оспаривает тем, что при исследовании факта обогащения, вероятно, являющегося противоправным, следует исходить из негативного характера признака «незаконность». В таком случае, по мнению ученого, нужно будет доказывать не факт совершения

тех или иных правонарушений, повлекших обогащение, а, наоборот, отсутствие законных оснований для значительного увеличения активов должностного лица над официальными доходами [7, с. 29].

При отсутствии в Республике Казахстан уголовной ответственности за незаконное обогащение сам факт незаконности данного действия вскользь содержится в Законе Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» от 2 июля 1998 г. N 267, где согласно статье 18 данного Закона во всех случаях незаконного обогащения лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, или лиц, приравненных к ним, в результате коррупционных правонарушений незаконно полученное имущество подлежит обращению, а стоимость незаконно полученных услуг — взысканию в доход государства. Из смысла данной нормы следует, что законодатель в данном случае под незаконным обогащением подразумевает все коррупционные правонарушения, в результате совершения которых лицо получает определенную выгоду. Следует отметить, что перед процедурой криминализации того или иного деяния должна проводиться определенная работа для применимости данной нормы на практике, т.е. осуществляться разработка механизмов закрепления фактов обогащения и методики фиксации. Для данных целей планируется на законодательной основе внести изменения по обязательному декларированию государственными служащими доходов и расходов. Несмотря на необходимость криминализировать незаконное обогащение в проекте новой редакции Уголовного кодекса по состоянию на 1 октября 2013 г. данная норма отсутствует.

В ходе анализа уголовного законодательства стран СНГ установлено, что в Уголовном кодексе Украины имеется соответствующая статья 368-1, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное обогащение в следующей редакции:

«1. Получение должностным лицом неправомерной выгоды в значительном размере или передача им такой выгоды близким родственникам за отсутствием признаков взяточничества (незаконное обогащение) –

2. Незаконное обогащение, если его предметом была неправомерная выгода в крупных размерах –

3. Незаконное обогащение, если его предметом была неправомерная выгода в особо крупных размерах – » [8].

Группа депутатов Госдумы Российской Федерации (А.Д. Куликов, С.П. Обухов, Н.А. Останина, В.Ф. Рашкин) для криминализации данного деяния предлагали внести на рассмотрение проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в следующей редакции:

«Незаконное обогащение, то есть приобретение должностным лицом имущества, стоимость которого значительно превосходит его законные доходы и происхождение которого он не может объяснить разумным образом» [9].

Из вышеуказанного понимания незаконного обогащения законодателями Украины и Российской Федерации можно выделить следующие признаки:

1) деяние выражается действиями, связанными с приобретением права собственности на имущество;

2) такие действия связаны со служебной деятельностью, в силу которых должностное лицо «обогащается»;

3) совершение преступления должностным субъектом коррупционных преступлений (должностным лицом; лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций и т.д.);

4) завуалированность факта обращения собственности в свою пользу, которая главным образом выражается в формальном владении данных прав близкими родственниками или иными аффилированными лицами;

5) значительное преобладание расходов должностного лица над доходами, причем полученную разницу должностное лицо подтвердить не сможет.

При вышеуказанном факте могут возникнуть ситуации заключения мнимых сделок, связанных с составлением формальных договоров дарения или дачей в ходе досудебного производства должностным лицом соответствующих показаний, которые псевдодарители будут подтверждать. Для предотвращения вышеуказанной ситуации является правильным внесение в некоторые законодательные акты, регламентирующие правовой статус государственных служащих положений о запрете заключения договоров о безвозмездном дарении имущества.

Ввиду латентного характера совершения коррупционных преступлений есть возможность путем криминализации незаконного обогащения противодействовать использованию чиновниками имущества, приобретенного незаконно. Исходя из изложенного, предлагается ввести в Уголовный кодекс Республики Казахстан уголовную ответственность за незаконное обогащение в следующей редакции:

«Статья 310-2. Незаконное обогащение

1.Незаконное приобретение лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом имущества, права на имущество или выгод имущественного характера, а равно приобретение и передача имущества или иных

благ близким родственникам при невозможности подтвердить законности их происхождения, –

2. То же деяние, совершенное должностным лицом, –

3. То же деяние, совершенное лицом, занимающим ответственную государственную должность, – ».

Далее по тексту: «наказываются штрафом в размере от двух тысяч до четырех тысяч месячных расчетных показателей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет либо лишением свободы на срок до двух лет».

Список литературы

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 года. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24.08.2009 г. № 858 // Казахстанская правда, № 5 от 27.08.2009 г.

2. *Князькина А.К.* Имплементация норм международных договоров в уголовное законодательство (краткий анализ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26-27 января 2012 года). — Москва : Проспект, 2012. – 552 с.

3. *Злотников С.М.* Практические рекомендации по имплементации в Казахстан кое законодательство положений Конвенции ООН «Против коррупции». – Алматы: ОФ «Транспаренси Казахстан», 2009. – 74 с.

4. *Рахметов С.М., Борчашвили И.Ш.* Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией: Монография. / Астана: «ArtPrintXXI», 2012. – 364 с.

5. *Михайлов В.* Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2. С. 113-119.

6. *Богуш Г.И.* Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2006. № 3. С. 32-34.

7. *Борков В.* Проблемы криминализации коррупционного обогащения в России// Уголовное право. 2007. № 2. С. 27-31.

8. Электронный ресурс: Kokhan.dp.ua/index/php/УК-Украины/statya–368-2-nezakonnoeobogashenie/html

9. Электронный ресурс: www.zazakon.ru/news/ustanavlivaetsya_ugolovnaya_otvetstvennost_za_nezakonnoe obogashenie/html

Н.П. Маюров
Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург, Россия
О.Д. Ороева
Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

Ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина сотрудниками полиции Российской Федерации: теория и практика

Аннотация. В статье рассмотрены правовые аспекты ограничения конституционных прав и свобод человека с учетом сферы деятельности органов внутренних дел. Дается анализ законодательных актов возможных ограничений прав человека сотрудниками полиции.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, правовые аспекты, правовые ограничения.

Abstract. The article discusses the legal aspects of the restrictions of constitutional rights and freedoms of the individual, taking into account the scope of the internal affairs bodies. There is the analysis of possible legislation restrictions of human rights by the police in the article.

Key words: constitutional rights and freedoms, legal aspects, legal restrictions.

Термин «ограничить» в словарях русского языка означает «стеснить определенными условиями, поставить в какие-то рамки, границы»; лимитировать, сузить (возможности, права и т.п.) [1]. Термин «правовые ограничения» по отношению к общепринятому понятию ограничений является специальным и более конкретным.

Правовые ограничения — это «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, это есть сдерживание неправомерного поведения, создающее условия для удовлетворения интересов контрагента (в широком смысле слова) и общественных интересов в охране и защите» [2, с. 19]. Иными словами, посягательства на защищенные основными правами и свободами блага допустимы только в том случае, если они преследуют цель удовлетворения законных общественных интересов.

В принципе все меры, которые государство считает полезными для выполнения своих задач, представляют общественный интерес. Тем не менее, оправдать посягательства на блага, защищенные основными правами и свободами, могут только такие общественные интересы, которые узаконены Конституцией. Таким образом, ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно федераль-

ным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации).

Право (свобода) — это установленная государством и закрепленная в Конституции возможность, позволяющая гражданину избирать вид и меру своего поведения, пользоваться предоставленными ему благами, как в личных, так и в общественных интересах.

Категории права (свободы) существуют в трёх основных видах: неотъемлемые права (свободы), временно неотъемлемые и полностью отъемлемые. Каждому сотруднику полиции необходимо знать перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению и перечислены в части 3 статьи 56 Конституции РФ.

Основными признаками, которые характеризуют правовые ограничения, являются:

- неблагоприятные условия (угроза или лишение определенных ценностей) для осуществления собственных интересов субъектов, ибо направлены они на их сдерживание и одновременно на удовлетворение интересов противостоящей стороны и общественных интересов в охране и защите;
- негативный характер, то есть использование преимущественно принудительных, силовых средств;
- уменьшение объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности, что осуществляется с помощью обязанностей, запретов, мер защиты, наказаний и т.п., сводящих разнообразие в поведении субъекта до определенного «предельного» состояния;
- направленность на охрану общественных отношений, индивидуальной и коллективной свободы.

Полиция, по сравнению с другими правоохранительными органами, решают наиболее широкий круг вопросов, связанных с ограничением прав, свобод и законных интересов человека. Пути и формы решения вопросов, связанных с ограничениями, довольно многообразны, так как каждый из аппаратов системы МВД выполняет, кроме общих для всех служб, и свои специальные задачи. Можно выделить следующие сферы деятельности органов внутренних дел, в которых могут осуществляться ограничения прав человека:

а) административная;

б) оперативно-розыскная;

в) профилактическая;

г) уголовно-процессуальная.

Общие для всех обязанности и права сотрудников применять ограничения прав человека определены Федеральным законом «О полиции» (ст. 10, 11). Ведомственным нормативным документом, изданным во исполнение Федерального закона «О полиции», который регулирует ограничения прав личности во время охраны полицией общественного порядка и общественной безопасности на улицах, объектах транспорта и иных общественных местах, является Устав патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации (утвержден приказом МВД России от 29 января 2008 г. № 80).

Принятый 12 августа 1995 г. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] направлен, прежде всего, на то, чтобы обезопасить каждого человека от неоправданного, необоснованного ограничения его личных прав путем негласного вмешательства ОВД в его личную жизнь. Наряду с этим указанный закон устанавливает и очень серьезные ограничения прав человека, которые законодатель счел оправданными в современных условиях [4]. Благодаря этим ограничениям органам внутренних дел удается предотвратить реальную угрозу совершения многих преступлений против личности, ее прав и законных интересов и склонить к правомерным типам поведения неустойчивых лиц.

Профилактическая работа позволяет органам внутренних дел выявить лиц, склонных к совершению правонарушений, проводить с ним предупредительные мероприятия и тем самым предотвращать нарушения прав, свобод и законных интересов других лиц. Вся эта работа неизбежно связана с ограничением прав и свобод нарушителей закона и потенциальных правонарушителей. Права сотрудников полиции по ограничению прав граждан в ходе профилактической деятельности установлены ФЗ «О полиции» (глава 3).

В ходе уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел применяются, прежде всего, такие процессуальные средства, которые бы обеспечивали, с одной стороны, невозможность незаконного и необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности или ограничению в правах, а с другой — невозможность ни одного лица, совершившего преступление, избежать установленной законом ответственности. И первая, и вторая стороны уголовно-процессуальной деятельности одинаково важны. Однако, если первая сторона обеспечивается строгим соблюдением всех гарантий прав личности, то вторая — частичным ограничением некоторых прав личности [5].

Возможные ограничения прав человека при производстве дознания и предварительного следствия определены Уголовно-процессуальным кодексом РФ. По меньшей мере, 70 статей УПК

устанавливают такие ограничения. Среди них: глава 12 (задержание подозреваемого); ст. 12, 13 (возможность законного ограничения неприкосновенности жилища, личной жизни и тайны переписки); глава 13 (меры пресечения).

Значительное число правовых актов, регулирующих ограничения прав личности сотрудниками полиции, с одной стороны, говорит о большом доверии к ним народа и государства, а с другой — об их большой ответственности за злоупотребление этим правом. Учитывая это обстоятельство, Федеральный закон «О полиции» (статья 5) гласит: «Всякое ограничение граждан в их правах и свободах полицией допустимо лишь на основаниях и в порядке, прямо предусмотренных законом».

С ограничением прав человека сотрудникам полиции, особенно оперативно-следственным работникам, приходится сталкиваться, буквально, на каждом шагу. В одном случае субъектом действий по ограничению прав являются сотрудники органов внутренних дел, в другом — суд и иные правоохранительные органы, в третьем — правонарушители. В связи с этим оперативно-следственный работник должен твердо знать и понимать суть и порядок правомерных ограничений с тем, чтобы самому не нарушать права (свободы) и законные интересы человека и предотвратить неправомерное ограничение со стороны третьих лиц.

Сотрудник полиции во всех случаях ограничения прав и свобод гражданина обязан разъяснить ему основание и повод такого ограничения, а также возникающие в связи с этим его права и обязанности» [6].

Важным условием законности ограничений прав человека в деятельности полиции является знание сотрудниками законов Российской Федерации и следование букве и духу этих законов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года.

2. *Малько А.В.* Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5.

3. Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

4. Федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности».

5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г.

6. Федеральный закон «О полиции» № 3-ФЗ от 07 февраля 2011 года.

М.А. Мокосеева
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия

Проблемы исполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации

Аннотация. В статье автор предлагает возможные варианты решения проблемы неисполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ. В частности, предлагается наделить органы прокуратуры Российской Федерации полномочиями по осуществлению прокурорского надзора за своевременностью и полнотой исполнения подобного рода решений.

Ключевые слова: решения конституционных (уставных) судов, исполнение решений судов, неисполнение решений, ненадлежащее исполнений решений, ответственность за неисполнение решений.

Abstract. The author offers possible solutions of the problem of non-fulfillment of decisions of constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation in the article. In particular, it is proposed to empower the prosecution authorities of the Russian Federation with the authority on the implementation of the prosecutor's supervision over the timeliness and fullness of execution of such decisions.

Key words: decisions of constitutional (charter) courts, enforcement of court decisions, insufficient execution of court decisions, improper decision fulfillment, responsibility for non-fulfillment decisions.

Весьма актуальной проблемой теории и практики конституционного правосудия является проблема исполнения решений органов конституционной юстиции. Следствием неисполнения или ненадлежащего исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации является подрыв авторитета судебной власти, самих государственных органов и должностных лиц. Но прежде всего, страдают граждане [1]. Реализация решений конституционных (уставных) судов не должна ставиться в зависимость от усмотрения каких-либо должностных лиц. Все органы публичной власти, как нормотворческие, так и правоприменительные, обязаны последовательно проводить в жизнь решения, принятые органами конституционного контроля.

Несмотря на относительно короткую историю, региональная конституционная юстиция доказала свою социальную необходимость и востребованность. Согласно проведенным исследованиям [2], сотни региональных законов и иных нормативных актов были признаны не

соответствующими конституциям и уставам субъектов Федерации, федеральному законодательству и Конституции России. Только Уставным судом Свердловской области за 13 лет его работы вынесено 162 решения, признаны не соответствующими Уставу 50 нормативных актов, дано четыре толкования Устава. При этом следует обратить внимание на динамику роста обращений граждан [3].

Конституционным судом Республики Марий Эл с 1999 г. по март 2013 г. признаны не соответствующими Конституции РМЭ положения пяти нормативных правовых актов органов государственной власти республики и органов местного самоуправления, в том числе отдельные положения четырех законов Республики Марий Эл и один муниципальный нормативный акт.

По мнению Н.В. Витрука, «неисполнение либо ненадлежащее исполнение решений конституционных (уставных) судов ведет, по существу, к отказу в правосудии или свидетельствует о его неэффективности. Конституционное судопроизводство не заканчивается вынесением решения, оно должно быть исполнено» [4]. Вместе с тем, практика реализации решений органов конституционного правосудия достаточно противоречива. Можно привести немало примеров их своевременного исполнения, но встречаются факты и другого рода: явное игнорирование, неоправданное затягивание с исполнением, попытки преодоления их юридической силы повторным принятием норм, аналогичных признанным неконституционными.

Примером неисполнения решений органов конституционной юстиции, вызывающим особую озабоченность, является факт отказа от исполнения решения Конституционного Суда РФ о применении ст. 389 ГПК РФ в ее конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом РФ, последней национальной надзорной инстанцией в системе судов общей юрисдикции — Президиумом Верховного Суда РФ — в отношении заявителя, который обратился с ходатайством об официальном разъяснении п. 6, 7 и 10 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П [5].

В качестве одного из примеров игнорирования решений органа конституционного правосудия можно привести Постановление Уставного суда Свердловской области от 23 мая 2000 г., которым были признаны не соответствующими Уставу области положения Устава муниципального образования «Нижнетуринский район», устанавливающие в нарушение требований федеральных и областных законов порядок досрочного прекращения полномочий депутатов выборного органа местного самоуправления не путем проведе-

ния голосования избирателей по их отзыву, а посредством проведения референдума. Такие же неуставные нормативные положения содержались в уставах 20 муниципальных образований. После опубликования Постановления Уставного суда, по данным его председателя В.И. Задиоры, изменения были внесены только в уставы 9 муниципальных образований [6].

Исполнение решений конституционных (уставных) судов требует активных действий со стороны законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, других судов и правоприменителей [7]. Неисполнение же решений суда может выражаться в форме издания государственным органом или должностным лицом письменных или устных распоряжений, запрещающих исполнять решение или создающих условия, при которых исполнение решение суда становится объективно затруднительным или невозможным [8].

Чтобы говорить о способах, позволяющих принудить правоприменителей активно исполнять решение органа конституционного контроля, необходимо выявить причины неисполнения решений. Следует согласиться с Л. Лазаревым, который считает, что «причины неисполнения или ненадлежащего исполнения актов конституционной юрисдикции различны. Это и сохраняющийся в обществе, во властных структурах правовой нигилизм, неуважение к закону и правопорядку, противоречивые процессы во взаимоотношениях федерального центра и регионов, и ущербность процессуального механизма исполнения актов конституционной юрисдикции, а порой и несовершенство самих этих актов — усложненное изложение их содержания, приводящее к недопониманию исполнителями» [9].

Как подчеркивает Н.В. Витрук, «слабость, неэффективность исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (там, где они есть) во многих случаях обусловлена не только общей недооценкой роли и значения конституционного правосудия в обеспечении правовой стабильности, в упрочении конституционного строя, особенно в условиях качественной трансформации общественного строя (отсутствие достаточных материально — финансовых ресурсов и средств, правовой нигилизм, низкая правовая культура населения), недооценкой роли и значения конституционного правосудия, отсутствием достаточного опыта молодых конституционных судов, невысоким престижем судов, неустойчивостью позитивных тенденций в переходный период, но и незавершенностью законодательной регламентации этой стадии конституционно-

го судопроизводства, механизма доведения решений Конституционного Суда Российской Федерации до логического конца, до реализации, отсутствием реальной конституционно-правовой ответственности за неисполнение решений конституционных судов» [10].

Несомненно, одна из основных причин неисполнения решений органов конституционной юстиции состоит в явном неуважении к этим решениям со стороны общества. Проблема состоит в том, что до сих пор законодательно не установлено, что же представляют собой решения Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов: прецеденты, нормативные правовые акты, акты нормативного характера, акты, имеющие силу закона, и какое место они занимают среди источников права. Поэтому складывается двойственное отношение к указанным актам. С одной стороны, их юридическая сила очень велика, однако ни один нормативный правовой акт в Российской Федерации не определяет, что представляют собой решения органов конституционного правосудия и какое место в правовой системе Российской Федерации они занимают. Е.В. Колесников справедливо указывает на то, что «вывод об отнесении решений Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов к источникам права должен быть не доктринальным или полуофициальным, основанным на мнении высоких судей или политиков, а нормативно закрепленным» [11].

Все-таки основной причиной игнорирования актов органов конституционного контроля является несовершенство нормативно-правового регулирования. В законодательстве федерального и регионального уровней отсутствует как таковой институт конституционно-правовой ответственности с соответствующими санкциями. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» в статье 81 «Последствия неисполнения решения» закреплена следующая норма: «неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет ответственность, установленную федеральным законом». В законодательных актах субъектов Российской Федерации указанные положения федерального конституционного закона дублируются.

Таким образом, ни в новых, ни в старых редакциях не конкретизируются вопросы установления конституционной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений указанных органов, отсутствует упоминание в целом о механизме исполнения соответствующих решений. Лишь в Законе «О Конституционном суде Республики Башкортостан» (в редакции от

8 декабря 2003 г.) содержится специальная статья «Обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативно-правовых актов Республики Башкортостан в соответствие с Конституцией Республики Башкортостан в связи с решением Конституционного суда Республики Башкортостан» (ст. 83) [12].

И. Барциц, давая оценку реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, утверждает, что конституционное правосудие может быть эффективным только в том случае, если конституционный процесс будет дополнен регламентацией мер ответственности против правонарушителей [13].

Для создания правового механизма, обеспечивающего действенность решения органов конституционного правосудия на случаи неисполнения их решений, должны быть распространены нормы об ответственности за неисполнение решений общих и арбитражных судов. Такой же позиции придерживается и В.И. Задиора, который считает, что «государственно-правовое понуждение основывается на присущей решениям конституционных (уставных) судов нормативности, влекущей общеобязательность, а потому исполнение решений данных судов должно обеспечиваться не столько высоким авторитетом органов конституционной юрисдикции и осознанием правовой значимости ими постановлений, сколько возможностью применения государством принудительной силы» [14].

Следовательно, представляется необходимым внести изменения в закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также в соответствующие законы субъектов Российской Федерации, где следует закрепить конкретные меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений судов. Для создания правового механизма, обеспечивающего действенность решения органов конституционного правосудия на случаи неисполнения их решений, необходимо будет также предусмотреть нормы об ответственности за неисполнение решений общих и арбитражных судов. Это должны быть меры конституционно-правовой, административной, материальной и уголовной ответственности.

Относительно применения уголовного законодательства за неисполнение решений конституционных (уставных) судов допустимо применять ст. 315 Уголовного кодекса РФ, которая устанавливает ответственность за злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации всту-

пивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению.

З.В. Эргубаев, бывший председатель Конституционного суда РМЭ, считает, что «предусмотренные в федеральном законодательстве положения о неисполнении решений судов как основания для досрочного прекращения полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, безусловно, способствовали укреплению единого правового пространства, однако не решили весь комплекс вопросов, связанных с исполнением решений судов. Очевидна необходимость установления административной ответственности за неисполнение решений судов» [15].

Ю.В. Гаврюсов утверждает, что «для выработки механизма исполнения решений конституционных (уставных) судов необходимо учитывать особенности правосознания российского общества, противостояние различных ветвей власти, несовершенство законодательства. Поэтому за невыполнение решений этих судов законодательно должны быть установлены меры конституционно-правовой, административной и материальной ответственности»[16].

В Уставном суде Свердловской области имеется положительный опыт по решению данной проблемы. С целью безусловного исполнения его решений, в особенности связанных с выплатами соответствующих пособий и компенсаций гражданам, наладили тесное взаимодействие с органами прокуратуры. Так, в ходе рабочих встреч с представителями прокуратуры Свердловской области была достигнута договоренность об осуществлении контроля с ее стороны за исполнением решений Уставного суда. Проработан вопрос о привлечении к различным видам ответственности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, в том числе за нецелевое использование бюджетных средств, выделенных на реализацию прав граждан, защищенных решениями Уставного суда. Учитывая, что Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации [17] предусматривает проведение мониторинга правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации, с Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области проработан вопрос взаимодействия по поводу исполнения решений Уставного суда Свердловской области [18].

Только в 2011 г. в Уставный суд поступило более двух десятков обращений граждан о неисполнении органами власти решений Суда, затрагивающих их права. Отвечая на обращения граждан, Уставный суд не ограничивается разъяснением гражданину его пра-

ва на защиту органами прокуратуры или судом общей юрисдикции. По каждому подобному обращению гражданина от имени Уставного суда в соответствующие органы и прокуратуру направлялись письма по контролю обеспечения надлежащего исполнения решений Суда и оказанию содействия гражданам в реализации их прав. Все это позволило добиться эффективного исполнения решений Уставного суда, в том числе связанных с необходимостью реального выделения денежных средств гражданам для реализации социально значимых услуг.

Практика взаимодействия с органами прокуратуры существует и в Республике Марий Эл. Так, Постановлением Конституционного суда РМЭ от 1 августа 2013 г. пункт 2 постановления администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» от 10 августа 2012 г. № 1964 «О внесении изменений в постановление мэра города Йошкар-Олы от 30 января 2007 г. № 113 и отнесении участка автомобильной дороги к автомобильным дорогам необщего пользования» был признан не соответствующим Конституции Республики Марий Эл и в силу ее пункта 6 статьи 95 утратил силу. В целях защиты конституционных прав и свобод граждан председатель Конституционного суда республики А.М. Баранов обратился с официальным письмом к прокурору города Йошкар-Олы с просьбой принять необходимые меры по контролю за действиями подразделений администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» по приведению участка дороги по улице Волкова в соответствие с требованиями, установленными для дорог общего пользования. Данное решение было исполнено, дорога для граждан Республики Марий Эл открыта.

Для обеспечения исполнения решений конституционных (уставных) судов, прежде всего, необходимо будет внести изменения в региональное законодательство. Например, законом Республики Дагестан от 25 апреля 1996 г. «О Конституционном суде Республики Дагестан» [19] предусмотрено, что «Конституционный суд имеет право налагать штрафы на должностных лиц и граждан, проявивших неуважение к Конституционному суду». Основанием для наложения штрафа за неуважение являются неисполнение, ненадлежащее исполнение или воспрепятствование исполнению решения Конституционного суда.

Представляется, что создание механизма исполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов Федерации требует комплексного подхода к решению данной проблемы. Само законодательное урегулирование становится возможным при совместном сотрудничестве в законотворческой деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и представителей конституци-

онных (уставных) судов путем создания объединенной комиссии, к числу первоочередных задач которой следует отнести разработку проекта Закона «Об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов, иных органов конституционного контроля субъектов Российской Федерации», в котором содержались бы процедуры конституционно-исполнительного производства, механизм конституционной ответственности за неисполнение, ненадлежащее исполнение решений органов конституционного контроля, конкретизировались бы основания, возможные санкции. Роль основного гаранта исполнения решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов надлежит отвести Президенту Российской Федерации и его полномочным представителям в федеральных округах соответственно [20].

В свою очередь, изложенное обусловливает необходимость наделения органов прокуратуры Российской Федерации полномочиями по осуществлению прокурорского надзора за своевременностью и полнотой исполнения подобного рода решений, соблюдением законодательства в данной сфере. На Министерство юстиции и соответствующие территориальные органы исполнительной власти России необходимо возложить функцию мониторинга нормативно-правовых актов, признанных неконституционными соответствующими органами конституционного контроля, а также мониторинга подзаконных нормативных актов на территории Российской Федерации, в частности, тех актов, которые основывались бы на признанных неконституционными положениях федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации [21].

Конечно, в рамках одной статьи разрешить поставленную проблему невозможно. Однако, следует заметить, что автор не ставил перед собой такой задачи, а попытался лишь предположить возможные варианты ее решения.

Источники и литература

1. *Шейнин Х.Б.* Проблемы исполнения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всерос. совещания, Москва, 22 марта 2001 г. / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, С.Е. Андреева. — М.: Формула права, 2001. — С. 108.

2. Исследование, проведенное в рамках проекта «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив», осуществляемого региональ-

ным общественным фондом «Информатика для демократии» (ИНДЕМ) и Центром содействия правосудию (ЦСП). См.: Кряжков В.А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3.

3. *Пантелеев В.Ю.* Актуальные вопросы модернизации и повышения эффективности работы конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. — С. 46-51.

4. *Витрук Н.В.* Форум: Исполнение решений конституционных судов. Введение // Конституц. право: Восточноевроп. обозрение. 2002. № 3. — С. 40-41.

5. *Лукин В.П.* Судейская ошибка. В судах не реагируют на жалобы главного правозащитника о массовом нарушении прав граждан / В.П. Лукин // Российская газета. 2008. 8 февраля.

6. К проблеме исполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (Гусейнова Д.Г.-Р., Пирбудагова Д.Ш.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 9.

7. См.: *Витрук Н.В.* Форум: Исполнение решений конституционных судов // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М., 2002. № 3 (40). — С. 41.

8. См.: *Саликов М.С.* О конституционно-исполнительном производстве // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.). М.: Формула права, 2001. — С. 120.

9. *Лазарев Л.* Статья: Исполнение решений Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2002. № 9. — С. 19.

10. *Витрук Н.В.* Форум: Исполнение решений конституционных судов // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — М., 2002. № 3 (40). — С. 40.

11. *Колесников Е.В.* Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Изв. высших учеб. заведений. Правоведение. 2001. № 2. — С. 36-37.

12. К проблеме исполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (Гусейнова Д.Г.-Р., Пирбудагова Д.Ш.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 9.

13. Подробней см.: *Барциц И.* Правовая система России: вызовы времени и тенденции развития // Право и жизнь. 2000. № 26.

14. *Задиора В.И.* К вопросу исполнения решений Уставного суда Свердловской области // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всерос. совещания, Москва, 22 марта 2001 г. / Под ред.

М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, С.Е. Андреева. — М.: Формула права, 2001. — С. 235.

15. *Эргубаев З.В.* Об отдельных недостатках правового регулирования деятельности конституционных (уставных) судов субъектов // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всерос. совещания, Москва, 22 марта 2001 г. / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, С.Е. Андреева. — М.: Формула права, 2001. — С. 232.

16. *Гаврюсов Ю.В.* Проблемы становления конституционного права в Республике Коми.— Сыктывкар, 2000. — С. 227.

17. п. 4.1 ст. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4108.

18. *Пантелеев В.Ю.* Актуальные вопросы модернизации и повышения эффективности работы конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. — С. 46-51.

19. *Пирбудагова Д.Ш.* Институт конституционного контроля и охрана конституционной законности в Республике Дагестан: вопросы истории, теории и практики. — Махачкала, 2003. — С. 344.

20. См. подробнее: *Овсепян Ж.И.* О взаимодействии органов государственной власти РФ в сфере исполнения решений, принимаемых Конституционным Судом Российской Федерации и конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и С.Е. Андреева. — М., 2001. — С. 149-158.

21. *Гусейнова Д.Г.-Р., Пирбудагова Д.Ш.* К проблеме исполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 9.

Ю.В. Морозова
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, Россия

К вопросу о соотношении составов преступлений, предусмотренных статьями 195-197 Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению соотношения составов преступлений, предусмотренных статьями 195-197 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: банкротство, уголовно-правовые нормы, преднамеренное и фиктивное банкротства.

Abstract. The article considers the ratio of crimes provided by articles 195-197 of the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: bankruptcy, criminal law nor we, premeditated and fictitious bankruptcy.

В эпоху финансово-экономических перемен вопросы, связанные с защитой прав кредиторов в условиях несостоятельности (банкротства), приобретают первостепенное значение. Одним из механизмов защиты выступают уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства. Вместе с тем, многие вопросы, связанные с применением данных норм Уголовного кодекса, так и не нашли своего однозначного разрешения ни в науке, ни в практике. Одним из сложных является вопрос о разграничении между собой составов преступлений, предусмотренных статьями 195-197 УК РФ.

В юридической литературе не раз обращалось внимание на идентичность способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 196 и ч. 1 ст. 195 УК РФ, а также 195 и 197 УК РФ [1]. Актуальность данной проблемы можно проиллюстрировать на примере следующей практической ситуации. Так, согласно материалам дела, Иванов, являясь генеральным директором ООО «Промсвязь» и зная, что предприятие имеет долг по уплате обязательных платежей в бюджеты разных уровней, совершает от имени ООО «Промсвязь» отчуждение недвижимого имущества в пользу Петрова за 200.000 руб. Согласно выводам товароведческой экспертизы, стоимость проданного имуще-

[1] См., например: *Михалев И.Ю.* Криминальное банкротство. СПб., 2001. С. 125-126; *Клепицкий И.А.* Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Государство и право. 1997. № 11. С. 58.

ства составляла 9 млн. руб., которые могли бы погасить часть задолженности по уплате обязательных платежей. Далее Иванов получил от Петрова доверенность на управление проданным имуществом.

После совершенных действий, Иванов лично подал в Арбитражный суд заявление о признании ООО «Промсвязь» банкротом. Позднее суд прекратил производство по делу в связи с погашением предприятием всей суммы задолженности.

Согласно проведенной экспертизе установили признаки преднамеренного банкротства, однако сделали вывод о том, что вероятность банкротства предприятия была невелика.

Учитывая, что действия Иванова одновременно подпадают под признаки преступления, предусмотренного как ч. 1 ст. 195 УК РФ, так и ст. 196 УК РФ, встает вопрос о правильной квалификации действий. На наш взгляд, разграничение данных составов между собой необходимо производить, исходя из цели совершения сокрытия имущества. Так, неправомерные действия при банкротстве заключаются в деяниях, направленных на уменьшение конкурсной массы должника, в целях сокрытия ее от взыскания при сохранении возможности использовать имущество для себя. При этом виновным не ставится цель доведения организации до несостоятельности (банкротства). При преднамеренном банкротстве действия виновного напротив, направлены на создание признаков несостоятельности (банкротства). С этой целью производится избавление от имущества без возможности дальнейшего его использования для себя.

Кроме того, необходимо исходить и из обстановки совершения преступления. Так, если действия по отчуждению имущества происходили при наличии признаков банкротства, то действия необходимо квалифицировать по ст. 195 УК РФ. Если те же действия совершались в обстановке платежеспособности должника и повлекли за собой возникновение признаков банкротства, то такие действия следует квалифицировать по ст. 196 УК РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 2, п. 2 ст. 3 Закона о несостоятельности (банкротстве) 2002 г. юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с момента наступления даты их исполнения.

Признаки банкротства считаются установленными с момента, когда юридическим лицом денежные обязательства и (или) обязанности по уплате обязательных платежей *не исполнены по истечении трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполне-*

ны. При этом сумма обязательств юридического лица может и не превышать стоимость принадлежащего ему имущества.

Для разрешения вышеуказанной ситуации, на наш взгляд, следует исходить из того, истек ли на момент совершения Ивановым неправомерных действий, направленных на отчуждение имущества, трехмесячный срок исполнения обязательств по выплате обязательных платежей.

1. Если таковой срок истек, то признаки банкротства считаются установленными, и Иванов совершает неправомерные действия уже при наличии признаков банкротства.

При этом, на наш взгляд, у Иванова отсутствует цель довести предприятие до его полной ликвидации путем банкротства. На это указывают следующие данные:

- при совершении сделок по продаже недвижимого имущества ООО «Промсвязь» Иванов совершал действия, направленные на сохранение за ним контроля;
- согласно заключению эксперта, анализ несостоятельности (банкротства) показал, что вероятность банкротства предприятия невелика;
- самостоятельное, в соответствии с действующим Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», обращение в арбитражный суд с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) и полное погашение задолженности при открытии конкурсного производства.

Таким образом, есть все основания для квалификации действий Иванова по ч. 1 ст. 195 УК РФ.

2. Если *трехмесячный срок* исполнения обязательств по выплате обязательных платежей не истек, то признаки банкротства не считаются установленными.

Квалифицировать действия Иванова по ст. 196 УК РФ можно только при установлении прямого умысла на совершение действий, заведомо влекущих неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Сложности возникают и при разграничении фиктивного банкротства с неправомерными действиями при банкротстве, а также преднамеренным банкротством. Характерная ситуация, при которой субъект совершает фиктивное банкротство, состоит в наличии у него реальной возможности удовлетворить требования кредиторов без какой-либо отсрочки во времени. Однако субъект искусственно создает необходимые для обращения в суд условия, чтобы «законно»

уклониться от надлежащего исполнения своих обязанностей путем получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, а равно неуплаты долгов.

Способы создания необходимых условий для обращения в суд могут совпадать с аналогичными способами неправомерных действий при банкротстве. В частности, таким способом может быть сокрытие имущества либо достоверных сведений о нем от кредиторов[1]. Однако, при совершении неправомерных действий при банкротстве субъект, осознавая реальную возможность признания его несостоятельным (банкротом) в силу сложившихся объективных причин, совершает действия, описанные в диспозиции статьи, с целью сохранить данное имущество, но вывести его из конкурсной массы.

При фиктивном банкротстве юридическое лицо ведет нормальную экономическую деятельность, и, сохраняя свою платежеспособность, создает видимость неблагоприятного экономического состояния с целью получения возможных «привилегий», предоставляемых Законом о несостоятельности. Своей целью фиктивное банкротство отличается от преднамеренного, совершая которое должник, напротив, стремится к прекращению функционирования деятельности предприятия.

Таким образом, разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 195-197 УК РФ, необходимо проводить, прежде всего, исходя из цели преступных деяний и, соответственно, направленности умысла субъектов, применяющих идентичные способы совершения преступлений.

Представляется недопустимым вменение виновному лицу одновременно ст. 195 УК РФ и 196 УК РФ, что, однако имеет место на практике. Так, М., зная о принятом Арбитражным судом решении о введении на АОЗТ «Северный Коммунар» процедуры наблюдения, вопреки интересам АОЗТ, не известив временного управляющего, передал ООО «Торговый дом Диан» по договору купли-продажи от 5 января 2001 г. имущество (деревообрабатывающие станки 9 наименований) на общую сумму 253000 руб., тем самым причинив крупный ущерб предприятию. М. органами предварительного следствия вменялись ст. 196 УК РФ, ч. 1 ст. 195 УК РФ и 201 УК РФ.

Приговором Савинского районного суда Пермской области от 11 июля 2002 г. М. был осужден по ч. 1 ст. 195 УК РФ. То, что М. вменены за одни и те же действия три разных состава преступле-

---

[1] *Журавлева Е.Н.* Криминальное банкротство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 172.

ния, по мнению суда, явилось необоснованным и незаконным[1]. Мнение суда следует признать верным, поскольку М. совершил одно преступление — неправомерные действия при банкротстве.

Приговором Арзамасского горсуда Нижегородской области от 02.12.2002 г. Галкин Ю.Н. осужден по ч. 2 ст. 195 УК РФ. Осужденный признан виновным в том, что, являясь генеральным директором ОАО «Кондитер» и достоверно зная о несостоятельности предприятия, с целью сохранения контроля над предприятием, совершил действия, направленные на преимущественное удовлетворение требований одних кредиторов в ущерб остальным кредиторам. Из обвинения Галкина, в соответствии с предложением гособвинителя, исключены ст. 195 ч. 1, 196, 201 ч. 1 УК РФ, так как его действия полностью охватываются диспозицией ч. 2 ст. 195 УК РФ[2].

Таким образом, одни и те же действия лица не могут быть квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 195-196 УК РФ.

А.Б. Новиков, В.К. Дмитриев
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Реализация конституционной модели правового государства в условиях интеграционных процессов

Аннотация. В статье авторами описываются основные особенности реализации концепции правового государства в условиях интеграции. Особое внимание обращено на соотношение категорий «правовое государство» и «глобализация». Внимание обращено на основные положения концепции информационного правового государства.

Ключевые слова: правовое государство, информационное правовое государство, глобализация, интеграция.

Abstract. In this article authors describe the main peculiarities of realization of Rule of law state conception in conditions of the integration. The special attention has been drawn to the correlation of categories «Rule of law state» and «globalization». Also authors' attention has been drawn to the main points of the «informational Rule of law state» conception.

Key words: rule of law state, informational Rule of law state, globalization, integration.

---

[1]Информационно-аналитический бюллетень прокуратуры Нижегородской области. Н. Новгород, 2005. № 3. С. 20.

[2] Информационно-аналитический бюллетень прокуратуры Нижегородской области. Н. Новгород, 2005. № 3. С. 20.

Развитие современного мирового сообщества характеризуется такими устойчивыми и взаимосвязанными тенденциями, как глобализация и интеграция. Они затрагивают не только государство как развитую форму социальной организации, но и феномен права.

Глобализацию и интеграцию можно рассматривать в причинно-следственной связи. Глобализация проявляет себя всеобщим процессом, обусловливающим взаимное проникновение различных современных культур и субкультур (социально-философский аспект). Связанная с этим процессом интеграция выступает как процесс сближения и объединения (в различных формах) государств, их экономико-правовых систем, как правило, на основе объективной или искусственно создаваемой общности взаимных интересов (социально-правовой аспект).

С точки зрения юридической науки интеграция характеризуется как весьма неоднозначно воспринимаемое явление. Во-первых, имеет место юридическое формирование «прозрачности» государственных границ, символизирующих проявления государственного суверенитета. Упрощается или упраздняется таможенный и пограничный контроль. Между тем, конституционные основы таких мероприятий остаются в центре дискуссий. Реальное создание Таможенного союза Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан активизировало дебаты. Кроме положительных экономических результатов, сопутствующих такой интеграции, отмечаются и негативные тенденции, обусловленные либо противоправной деятельностью, либо злоупотреблениями правом.

Следует обратить особенное внимание на необходимость реализации интеграционных процессов в рамках Таможенного союза и Евразийского союза исключительно в правовых рамках. Это предполагает соблюдение не только «буквы» национальных законов, но и их «духа». Последнее, возможно, даже имеет особое значение. Как нам представляется, нельзя однозначно сделать вывод о том, что правовая основа создания Таможенного союза и Евразийского экономического сообщества не имеет правовых «изъянов».

Евразийское экономическое сообщество было создано на основании Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (далее — Договор, ЕврАзЭС соответственно), подписанного Президентами Российской Федерации, Республики Беларусь, Киргизской Республики и Республики Таджикистан (10 октября 2000 г., г. Астана). Сам Договор принят на основании решения Межгосударственного совета Российской Федерации, Республики Беларусь, Киргизской Республики и Республики Таджикистан (№ 78, 10 октября 2000 г., г. Астана), также подписанного Президентами государств-партнеров. Российская Федерация ратифициро-

вала Договор Федеральным законом от 22.05.2001 № 56-ФЗ «О ратификации Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества» [4] (далее — Федеральный закон № 56-ФЗ).

Российская Федерация, согласно Конституции Российской Федерации [3], есть правовое государство (ч. 1 ст. 1). Конституция Российской Федерации, следуя классической модели правового государства, признает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ (ч. 1 ст. 3).

Перед подписанием Договора референдум в России по этому вопросу не проводился. При этом Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 3) признает референдум высшим непосредственным выражением власти ее многонационального народа. Мнение Федерального собрания как представительного и законодательного органа власти, выражающего интересы народа России, было учтено также косвенно, только в рамках процедуры ратификации Федерального закона № 56-ФЗ.

Мы полагаем, что более соответствующим «духу» и «букве» концепции правового государства было бы принятие таких судьбоносных решений, как интеграция Российской Федерации с другими государствами, на основании решения самого народа Российской Федерации, принятого на референдуме. Затруднительно говорить об «общем правовом пространстве» Евразийского союза, если его основа, с правовой точки зрения, не является идеальной конструкцией. Высказанные соображения демонстрируют свою актуальность в условиях оформления проектов присоединения к Таможенному союзу Украины, Армении, Киргизии, и в особенности в период, когда еще не стихли конфликты Майдана на почве разнонаправленной интеграции Украины на Запад и на Восток.

Правовое государство характеризуется состоянием защищенности личности, которое не может быть достигнуто без обеспечения определенного уровня национальной безопасности. Национальная безопасность во всех ее конкретных проявлениях выступает конституционной ценностью в конституционной модели правового государства. Однако угрозы и риски интеграционного процесса пока не получают должного освещения и осмысления. Таким образом, возрастает роль координации деятельности государств-членов Таможенного союза по честной идентификации и минимизации указанных угроз и рисков. Конституционная модель правового государства не может эффективно реализоваться в интеграции без транспарентности ее участников. Во-вторых, полагаем, что интеграция национальных правовых систем предполагает известную утрату государствами своих особенностей. Право как мера всеобщей справедливо-

сти и правовое государство как воплощение этой справедливости являются явлениями наднациональными. Такой фундаментальный элемент теории правового государства как институт прав человека укрепляет свой всеобщий характер.

М.Н. Марченко полагает, что процесс глобализации для правовой системы России и других государств будет означать трансформацию позитивного права, связанную с формированием его содержания, исходя их духа естественного права [1, с. 18]. Мы можем согласиться с этой точкой зрения лишь частично. С одной стороны, в мире, охваченном интеграционными и глобализационными процессами, объективно возрастает роль личности как носителя прав и свобод. Целью создания международных организаций и любых коммуникаций становится формирование международно-правового механизма защиты прав человека.

Тенденцию к возрастанию влияния естественного права на содержание позитивного права не следует рассматривать как всеобщую. Каждая конкретная конституционная модель правового государства формируется не только на основании норм конституции, но и на основе законодательства, поскольку в широком и одновременно практическом смысле любой нормативный правовой акт принимается во исполнение конституционных предписаний («подробности в законах»). Если такая модель изначально не в полной мере соответствовала духу естественного права, то ожидать ее немедленной трансформации исключительно в связи с глобализацией и интеграцией не приходится. В рамках интеграции национальное право испытывает «давление извне» в силу укрепления наднационального права и транснациональной юстиции [2, с. 93]. Однако, как нам представляется, это вовсе не означает безоговорочного признания и нормативного закрепления указанных правовых явлений в национальных правовых системах.

Глобализация и интеграция рассматриваются нами как платформа концепции информационного правового государства, раскрывающей трансформацию классических институтов правового государства в условиях существенно усилившегося влияния информационного пространства на процессы жизнедеятельности и коммуникации «государство — гражданское общество». В рамках указанной концепции реализация конституционной модели правового государства сопряжена с рядом особенностей. Основными из них являются следующие. Первая проявляется возникновением в рамках классической конституционной триады властей (законодательной, исполнительной и судебной) вполне реальной «четвертой власти», не входящей в эту систему и являющейся «силой» сдерживания каждой из них. Такой «четвертой властью» (или точнее «иной

публичной властью») становятся в совокупности различные субъекты, обладающие информацией и знающие, как ее использовать. Концентрирующиеся в систему такие субъекты могут активно включаться в «систему сдержек и противовесов».

В современном государстве наличие или отсутствие реального доступа к информационным ресурсам для абсолютного большинства граждан становится одним из критериев отнесения конкретного государства к числу правовых. Это обусловлено тем, что целый ряд важнейших прав человека не может быть реализован без доступа к информации (право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, право на информацию о состоянии своего здоровья, право на информацию о качестве предметов потребления и т.п.).

Конституционная модель правового государства в условиях интеграции должна предусматривать реализацию принципа правовой информативности (транспарентности), то есть направленности национального права на обеспечение таких условий, которые позволяют большинству граждан реализовать свое право на свободный доступ к информации, затрагивающей их права, свободы и законные интересы (политические, экономические, гуманитарные и т. д.).

Второй особенностью концепции информационного правового государства является формирование транснационального «электронного гражданского общества», что предполагает расширение свободного взаимодействия граждан различных государств при помощи информационно-телекоммуникационных сетей, направленного на взаимное содействие в контроле соблюдения принципа правозаконности национальными властями. Укрепление указанного тренда реализует конституционную модель правового государства в условиях интеграции.

Список литературы

1. *Графский В.Г.* Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 5-33.

2. *Иванец Г.И., Червонюк В.И.* Глобализация, государство, право // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 87-94.

3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001.

4. Федеральный закон от 22.05.2001 № 56 ФЗ «О ратификации Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 22. – Ст. 2122.

Edvard Pilipson
Riga Stradiņš university,
Riga, Latvian Republic

Judicial decisions and statements as an inheritance by contract institutions an auxillary groundwork for correct qualification

Аннотация. Согласно выдвинутому предположению, институты договорного наследования имеют три главных источника правового регулирования: международные конвенции, национальное законодательство. Представляется, что к источникам договорного наследования относятся также судебные постановления и решения. В данной статье рассматриваются проблематика роли судебных решений в корректной квалификации институтов договорного наследования соответственно предписаниям правовых систем различных государств.

Ключевые слова: договорное наследование, источники права договорного наследования, судебные решения, судебные постановления, форма институтов договорного наследования.

Abstract. According extended hypotheses, inheritance by contract complex institution has three main sources: international conventions, national legislation and judicial decisions and statements. This article deals with inheritance by contract institutions qualification issues by the judicial decisions in law systems of different countries. To research this phenomenon inheritance by contract institutions, fixed in Austrian Civil code (Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch), Latvian Civil Law, Oregon Revised Statutes and Uniform Probate Code (USA) will be used.

Key words: inheritance by contract institutions, inheritance by contract, judicial statements and decisions, private international law, law sources.

Uniform Probate Code provision, fixed in section 2-514 states, that "a contract to make a will or devise, or not to revoke a will or devise, or to die intestate, if executed after the effective date of this [article], may be established only by provisions of a will stating material provisions of the contract, an express reference in a will to a contract and extrinsic evidence proving the terms of the contract, or a writing signed by the decedent evidencing the contract. The execution of a joint will or mutual wills does not create a presumption of a contract not to revoke the will or wills" [1]. Vis-à-vis Latvian Civil Law article 606 determines, that "a reciprocal will, except in cases where from the content thereof the contrary is evident, shall not be deemed to be an inheritance contract, and therefore each testator may revoke it unilaterally" [2].

Is it possible to qualify mutual or reciprocal will as a contract ?Law doctrine states that will as legal institution and contract in obligations system are located in different positions [3]. Because of this fact it's diffi-

cult to approve, that this two kinds of judicial deals modern law practice can put on the same place. As mentioned above, private international law source system contains specified position – judicial statements and decisions, this source category should to provide correct qualification during implementation process and realize proper institution qualification. To demonstrate qualification problem resolution, onwards in article decisions in civil matter cases, made by Higher Court of the Latvian Republic in 2008 [4] and Oregon Court of Appeals in the case "Woelke versus Calfee"[5], which was reviewed by Oregon Court in 1980 will be analyzed hereinafter.

Judicial decisions in qualification problematic issues have an important value – many legal acts, which were enacted and used in law system, provide a variety of testamentary dispositions, for example Oregon Revised Statutes can be mentioned. Oregon Revised Statutes paragraph 112.265 "Testamentary additions to trusts" states, that "a devise may be made by a will to the trustee or trustees of a trust, regardless of the existence, size or character of the corpus of the trust, if: (a) the trust is established or will be established by the testator, or by the testator and some other person or persons, or by some other person or persons; (b) the trust is identified in the testators will; and (c) the terms of the trust are set forth in a written instrument, other than a will, executed before, concurrently with, or after the execution of the testators will, or in the valid last will of a person who has predeceased the testator"[6].

Dispositions, specified in these legal norms in the situation of applying institutions under Private International Law, need to be qualified by judicial instruments and resources.

Also need inheritance by contract institutions for correct qualification demonstrates case from the practice of The Higher Court of the Latvian Republic.

In November 13, 1998 between A.Z and A.I signed a contract of inheritance, which subject became of inheritance rights and obligations of A.I on a plot of real property, situated in the town of Jurmala. This contract was corroborated in the Land Register. In November 22, 1999 A.Z concluded barter contract with I.Z, as a result of this agreement was the acquisition of property rights A.Z to another part of the immovable property at the above address. Property rights are also enshrined in the Land Register. In May 9, 2000 A.Z and A.I signed a supplementary agreement to the contract of inheritance, which expanded the scope of the contract of inheritance, in which the object was completely immovable property owned by A.I. In May 12, 2000 this agreement was corroborated in the Land Register. In May 6, 2003 A.Z has married a Z.M, on the same day between the parties had signed a marriage contract, and in May 26, 2003 in Land Register entry was made mark, that the real estate

is defined as the subject of the inheritance contract, which was concluded in November 13 1998, is turned into a community of marital property of J.M and A.Z. In March 1, 2006 Z.M filed a petition into the court of the city of Jurmala to revoke made between AI and A.Z inheritance contract and all related agreements. The court rejected Z.M claim. After that the Civil Division of the Riga Regional Court made a similar decision appellate court.

Similarly, denying Z.M claim court, explaining its decision states, that „the subject of the contract of inheritance as a form of contract inheritance takes precedence over the subject of marriage contract" [7].

It appears that the enforcement of the law as expressed in the decisions and determinations, made by higher courts, is a reliable source through which you can solve problems as qualifying for the institutes of contract inheritance.

This affirmation proves by the disposition, fixed in Oregon Revised Statutes paragraph 183.400 "Judicial determination of validity of rule". This norm states, that "the validity of any rule may be determined upon a petition by any person to the Court of Appeals in the manner provided for review of orders in contested cases. The court shall have jurisdiction to review the validity of the rule whether or not the petitioner has first requested the agency to pass upon the validity of the rule in question, but not when the petitioner is a party to an order or a contested case in which the validity of the rule may be determined by a court"[8].

Moreover, judicial enforcement practices as the basis of the institutional qualification provides a number of legal regulations. For example the federal law governing the rules of private international law in the system of judicial institutions in Austria directly states that „the factual and legal conditions that determine the choice of a particular order, are set ex officio, unless otherwise provided in the rules of procedure that can have a choice of law and order on consent of the parties" [9].

Examining "Woelke versus Calfee" case in the situation of applying norms, fixed in Oregon Revised Statutes, it could be drawn a conclusion, that mutual will can be recognized as an inheritance by contract institution. Oregon Revised Statutes paragraph 112.270 "procedure to establish contract to make will or devise or not to revoke will or devise" states, that "a contract to make a will or devise, or not to revoke a will or devise, or to die intestate, executed after January 1, 1974, shall be established only by: (a) provisions of a will stating material provisions of the contract; (b) an express reference in a will to a contract and extrinsic evidence proving the terms of the contract". Term "an express reference" can be interpreted by a way of denotement of the judicial statement's decisive influence for the formation of substantive provisions part of the judgment.

Judicial decisions and statements in the situation of qualification of the inheritance by contract institutions is either important because subject of estate in common conception exists as a legal person. In front of this, subject of contract or agreement treats otherwise. This statement approved by the Supreme Court decision in case “Taylor versus Wait”. In this case the Supreme Court stated, that “cases where the wills themselves do not refer to each other or disclose any contract, but which are nevertheless taken into consideration, together with all of the facts and circumstances surrounding their execution, in determining the existence of an alleged contract” [10].

This judgment, made by the Supreme Court of the United States clearly demonstrates the need for research institute of judicial rulings as the qualification basis of the inheritance by contract institutions.

To clarify the role of judicial decisions, statements and judgments as the basis for qualifying institutions contractual inheritance seems necessary to address to the basic tenets of a prominent theorist Alexander Pechnik [11].

Researching and developing a theory of law, Alexander Pechnik puts forward three categories of sources of law :

1) the application of the mandatory rules of a general nature relating to both the civil law and the common law system

2) the use of standards required

3) group norms with dispositive nature of application

How does the court therefore possible to select and apply the appropriate group norms to be applied as a training institution of contract inheritance.

The answer to this question is provided by the Theory of absorption (Lotmar), which declared the absorption of side elements of the main relationship [12].

The opportunity for a similar reception given for the judicial institutions – many laws contain rules that contain provisions on the use of the courts in deciding cases by using judicature [13]. In the case, when court's decision, which came into force shall take the force of law [14]. Does this mean, that the mandatory or non-mandatory standards fixed in the regulations, and contain provisions about essential constituent parts of the testamentary relationships and these standards have equal intensity with standards, adopted by the judiciary? Many of the rules, governing inheritance by contract relationships contain sometimes very vague, "rubber” formulations and law enforcement institution or person faces with the problematic issue to properly qualify appropriate institution.

Actually, the judicial qualifications for the content of the contract may, in some cases, differ from qualification, that carried out by the parties’ decision. In this case it is necessary to raise the question: is a judicial

qualification becomes as the separate form of contract or agreement or not. Practice shows that in some cases, when the court issuing a decision or judgment, introduce essential parts of the agreement into the reasoning part of the document, and as a result, an essential part of the contract in the case of a difference of judicial qualification and qualifications, made by the contracting parties, an effect of the legal norms collision originates, which, according to the tenets of Private International Law, should be eliminated by judicial or arbitrative proceedings.

As it accepted in the theory of law, a special rule, which specifies and regulates particular relationship, stands above the general rule [15]. Based on this statement judicial form of inheritance by contract institutions should be recognized as a special form and, as a consequence, should to stand above the norm, included in legal act.

Of course, a judicial form of the institution of the inheritance by contract will take place and will be recognized in the case of inclusion in the text of the contract, “lexfori” collision norm to subordinate legal procedure law under law of the court country. Simultaneously, agreement, which establishes inheritance by contract legal relationship, requires submission to binding under collision norm "lex specialis derogate legi general". According to the statement, made in the framework of the study of International Law, collision norm, mentioned above exists as a general principle of interpretation and resolution of conflicts in international law [16]. Despite the fact that this paper deals with the issues of international law under the comprehension of public law in, legal doctrine states, that "the consanguinity of tasks and goals of the international public law and private international law, not only determines sufficiently close connection between them as independent, but the current each in their own areas within the law, but also, determines the legal forms of interaction" [17].

In the understanding of the term "lex specialis" without no doubt refers exactly the judges-made-law, however, is this law exists in legal practice? Some sources claim that this form of law exists [18, 19]. Moreover, Ginta Sniedze formulates the concept of judicial law (“judge-made-law” synonym) as "rules of conduct, which are formulated by judicial authorities, not by the legislator” [20]. In other words, the judicial persons and institutions create specific form of the inheritance by contract institutions.

Combining concepts, mentioned above researcher can make conclusion, that the judicial form as a source of law exists not only as a theoretical concept, but as a practical phenomenon not only in “Common Law” countries, but also in the countries, which accepted Roman law system.

The importance of judicial forms in this case, the institutions of contract inheritance is necessary to bring the following example, tak-

en from the legislation of Austria, Paragraph 1217 of the Civil Code of this state.

The wording of the inheritance contract is fixed in this legal act as follows: "marriage-articles are called those contracts, which are concluded with a view to a matrimonial union in regard to the property, and their objects as especially: the dowry; the jointure; the gift on the morning after the nuptial day; the community of goods; the administration and usufruct of the property; the hereditary succession or the life-long usufruct of the property intended for a case of death and the widow settlement" [21].

Analyzing this rule researcher can make conclusion, that its disposition contains several legal institutions. Undoubtedly, without giving qualifying form law enforcement person or foundation will be difficult to understand the nature of legal relations, arising from the disposition of the legal norm, mentioned above. To prevent misinterpretation need to determine with the court or trial judgment or statement true and correct interpretation of the relationship, which would be based on the competence and legal knowledge and attainments of judges or arbitrators. This statement would bring true form of the agreement or contract that corresponds with institutions' true legal nature. In this situation, applying the methodology of Alexander Pechnik, judge-made-law enforcement for the qualification of the above institution is seen as mandatory action.

The institute, an example of which is shown above, violated a rule of proportionality – in a logically correct definition and definition, which subject to determine should have the same volume. Violation of this rule shall result in the common mistake of general or, conversely, a narrow interpretation of the notion to be defined [22, p. 54]. In the situation of the implementation necessity of this institution into the legal system of the Republic of Latvia court, or other law enforcement institution will be tasked with this institution correct qualification, regarding the rules and principal statements of Private International Law of the Republic of Latvia. Civil Law of the Republic of Latvia – basic legislative act, which concentrates in its body conflict and material law norms, gives at least three opportunities to qualify mentioned above contract – marriage contract, hereditary contract and contract maintenance. This follows from the definition of these contracts: the marriage contract is fixed in Civil Law section 114 in the following formulation: "the spouses may establish, alter or terminate their property rights in a marriage contract before marrying as well as during marriage. If the persons to be married are under guardianship, they shall enter into a marriage contract with the consent of their parents or guardians. Marriage contracts, which contain instructions in the event of death, are subject to the general provisions regarding inheritance contracts" [23]. In turn, inheritance contract entered into Civil

Law section 639 in following wording: “contractual inheritance shall be founded by contact pursuant to which one party grants the rights to his or her future inheritance or its part to another party, or several parties grants such rights to each other. Such a contact is termed an inheritance contact. In an inheritance contract one party may also grant a legacy to another party or to a third person” [24]. Contract maintenance, implemented in section 2096 is as follows: “pursuant to a maintenance contract, one party provides the other party, whether in cash or in kind, with some financial benefit, for which the other party shall provide maintenance to the first-mentioned party during the life of the recipient of maintenance, unless otherwise agreed regarding the duration of such duty” [25].

As seen from the formulation, cited above, the correct qualifications of the contract concluded according to the Civil Code of Austria paragraph 1217 normative consolidation is possible for qualification only in case, when law enforcement person has an adequate qualification and appropriate education. With these requirements, according to the law of Latvia “On Judicial Power” possess the judges of district and city courts [26] – article 51 of the Law “On Judicial Power” “Nomination Requirements for a Judge» states, that «in selecting a candidate for the office of a judge, the principle shall be observed that only Latvian citizens, who are highly qualified and fair lawyers, may work as judges”. At the same time, article 52 “Candidate for a Position of a Judge of a District (City) Court” establishes the requirements to the judicial staff – “as a judge of a district (city) court may be appointed a person who: 4) has acquired a higher vocational or academic education (except the first level vocational education) and a lawyer qualification, as well as a Master or Doctor degree; 5) has at least five years length of service in a legal speciality after acquiring a lawyer qualification or has been working in position of assistant to a Chief Judge or assistant to a judge for at least five years; and 6) has passed qualification examinations”.

Following the reasons outlined above, it seems reasonable to assert that the judicial form of inheritance by contract institutions, expressed in a judicial decisions or statements will serve as a reliable source for the law appropriate qualification institutions of the inheritance by contract.

Sources

1. Uniform Probate Code. (1969). Last Amended or Revised in 2013. Last updated: February 11, 2013.With amendments.

2. Latvian Civil Law. Enacted: 28 January 1937. In force: 7 July 1992. With amendments.

3. *Дювернуа Н.Л.* Конспект лекций по русскому гражданскому праву. С-Петербург, 1897.

4. The Higher Court of the Latvian Republic. URL: www.at.gov.lv

5. Cited: LEagle. URL: http://www.leagle.com/decision/19801214608P2d606_11172

6. Oregon Revised Statutes. Oregon State Legislature. URL: https://www.oregonlegislature.gov/

7. The Higher Court of the Latvian Republic. Decision in case SKC-113

8. Oregon Revised Statutes. With amendments. Cited: Oregon Laws. URL: http://www.oregonlaws.org/ors/183.400

9. Austrian Act on Private International Law. Enacted: 15 June 1978. In force: 8 March 1979. With amendments.

10. Supreme Court of the United States. URL: http://www.supremecourt.gov

11. *Peczenic A.* Statutory interpretation in Sweden. Aldershort: Dartmouth, 2002.

12. Lotmar. Arbeits vertrag I Abschn.4 Kap.

13. For example: Law on Judicial Power. Enacted: 15.12.1992. In force: 01.01.1993. Published: "Ziņotājs", 1, 14.01.1993. With amendments.

14. Law “On Judicial Power”. Section 16. “Legal Effect of a Judgment of a Court” states, that “(3) a judgment in accordance with the procedures provided by law is binding on a court, when adjudicating other matters, which are related to such matter. (4) Such a judgment shall have the force of law, is mandatory for all, and shall be treated with the same respect as is due law”. Law on Judicial Power. Enacted: 15.12.1992. In force: 01.01.1993. Published: "Ziņotājs", 1, 14.01.1993. With amendments.

15. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: Учебник для юридических вузов.– М.: ИКФ Омега-Л, 2002. – 608 с.

16. Conclusions of the work of the Study Group on the Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law. Cited: Audiovisual Library of International Law. URL: http://legal.un.org/avl/ha/fil/fil.html

17. *Ануфриева Л.П.* Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 594 с.

18. A judge-made law is a law rooted in a judiciary decision, not an act of legislation made by lawmakers or a regulation created by a government agency with the legal authority to do so. The collective body of judge-made laws in a nation is also known as case law. Many nations allow judges to set legal precedents when making high court decisions, adding to the body of law in a nation and providing new interpretation of existing laws. Cited: Wise Geek. Answers for common questions. URL: http://www.wisegeek.com/what-is-a-judge-made-law.htm

19. *Ginta Sniedzite*. Tiesniešu tiesības. Jēdziens un nozīme Latvijas tiesību avotu doktrīnā. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2013. – 368.lpp

20. O.C. P. 13.

21. Austrian Civil Code (Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch, ABGB) / Promulgated: 1 January,1812. In force. With amendments.
22. *Солодухин О.А.* Логика для юристов. Серия «Высшее образование». Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 384 с.
23. The Civil Law. Part One. Family Law.Enacted: 28 January 1937. In force: 1 September 1993. Published: Ziņotājs, 1993, Nr. 22/23. With amendments.
24. The Civil Law. Part Two. Inheritance Law. Enacted: 28 January 1937. In force: 1 September 1992. Published: Ziņotājs, 1992, Nr. 29/30/31. With amendments.
25. The Civil Law. Part Four. Obligations Law. Enacted: 28 January 1937. In force: 1 March 1993. Published: Ziņotājs, 1993, Nr. 1/2. With amendments.
26. Law „On Judicial Power". Enacted: 15 December 1992. In force: 1 January 1993. Published: "Ziņotājs", 1, 14.01.1993. With amendments.

Д.А. Плетенёв
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Механизм волевой деятельности коллективного субъекта как элемент объективного основания правовой ответственности

Аннотация. Статья содержит исследование вопросов механизма волевой деятельности коллективного субъекта как объективного основания правовой ответственности. Анализируются волевая деятельность коллективного субъекта правовой ответственности, правовая природа отношений между коллективным субъектом правовой ответственности и физическими лицами, его составляющими.
Ключевые слова: объективное основание ответственности, коллективный субъект ответственности.
Abstract. This article contains research of questions of the mechanism of willed activity of the collective subject as objective basis of legal responsibility. Willed activity of the collective subject of legal responsibility, the legal nature of the relations between the collective subject of legal responsibility and individuals, it making are analyzed.
Key words: objective basis of responsibility, collective subject of responsibility.

Для постановки вопроса об ответственности коллективного субъекта необходима «материализация» правонарушения, его проявление в деянии. В отношении правовой ответственности коллективного субъекта данная проблема решалась через выявление механизма волевой деятельности юридического лица. Внимание, уделенное в юридической литературе выяснению механизма деятель-

ности юридического лица, сравнимо с библиографией, посвященной самой юридической ответственности. Это не случайно, поскольку для обоснования применения юридической ответственности, а тем более для ее справедливого и целесообразного применения, необходимо наличие объективного основания ответственности.

Проблема определения волевой деятельности организации тесно связана с теориями о сущности юридического лица (организации) в праве. Именно выяснению механизма действия организации (юридического лица, государственного органа) и обязаны своим появлением эти теории. Как правило, многие ученые при анализе настоящего вопроса рассматривали «волю» и вину организации комплексно, в некоторых случаях смешивая эти понятия. Внутренняя противоречивость высказанных теорий объясняется игнорированием психической природы воли, ее смешением с феноменом волевого действия.

Долгие попытки найти «реальных деятелей», стоящих за фигурой юридического лица, его людской «субстрат», привели к излишней теоретизации и нагромождению теорий. Обращаясь к вопросу о коллективных субъектах права, авторы редко не затрагивали проблему их воли. Среди них можно отметить Н.А. Боброву, Л. Иванова и А.В. Минашкина [3, с. 41; 1, с. 30–31; 9, с. 21–23]. В нашем случае потребность в систематизации высказанных точек зрения и самостоятельного исследования обусловлена поиском субъекта, волеизъявление которого служит основанием волевой деятельности юридического лица.

Изначально все теории «воли» юридического лица можно разделить на две группы: а) авторов, отрицающих наличие возможности юридического лица осуществлять волевую деятельность; б) авторов, защищающих способность юридического лица к волевой деятельности.

Противников волевой деятельности юридического лица – меньшинство. Они в основном представлены учеными конца XIX – начала XX вв. (Л.С. Белогриц-Котляревский, С. Будзинский и др.) [5, с. 71], а также некоторыми учеными советского периода (Е.В. Богданов, др.) [4, с. 100]. Суть данной концепции можно выразить словами В.С. Орлова: «юридические лица сами по себе как таковые вообще не могут совершать как правомерные, так и неправомерные действия...» [11, с. 207]. Согласиться с этим мнением достаточно сложно, поскольку юридическое лицо как коллективный субъект права самим своим существованием опровергает данную точку зрения. Деятельность юридического лица — это поступки людей. «Без людей нет и юридического лица, и тем более не может быть и деятельности юридического лица...» [13, с. 300]. Данное

положение бесспорно и с точки зрения социологии, и с точки зрения права.

Теоретические взгляды авторов, защищающих способность юридического лица к волевой деятельности, прошли длительный путь эволюции: от первых построений лишь констатирующих данную способность, до современного психолого-правового понимания волевой деятельности юридического лица. Одним из первых ученых, признавших способность юридического лица к волевой деятельности, был П.Г. Виноградов. В его понимании юридическое лицо есть «некоторое высшее существо, снабженное собственной волей, своими собственными целями и имеющее в своем распоряжении соответствующую организацию для осуществления этой воли и для достижения этих целей» [6, с. 47]. Сущность данного подхода заключается в отказе от познания механизма волевой деятельности юридического лица. Но это не означает, что авторы отрицают участие определенных волевых процессов в осуществлении деятельности юридического лица. Основное в их воззрениях – попытка объяснить невозможность либо нецелесообразность выяснения «воли» юридического лица.

Следующий этап в развитии правовых взглядов на механизм волевой деятельности юридического лица – попытка выяснения правовой природы отношений между юридическим лицом и физическими лицами, его составляющими. В течение этого периода ученые вскрыли связь между деянием физического лица и лица юридического. Разработаны теории, обосновывающие возможность осуществления волевой деятельности юридического лица, в том числе и совершения правонарушения: администрацией юридического лица, его органами, подразделениями, должностными лицами, коллективом, рабочими и служащими, членами юридического лица либо теми или иными из этих субъектов совместно. Дискуссия о механизме волевой деятельности юридического лица еще не завершена, а развитие взглядов в рамках разнообразных концепций шло параллельно, это позволяет нам рассматривать каждого из субъектов волевой деятельности юридического лица через призму комплексного подхода, принимая во внимание мнение многих авторов.

Как в действующем законодательстве, так и в юридической литературе укоренилось представление о юридических лицах как субъектах, действующих через посредство своих органов [7, с. 99; 8, п. 1 ст. 49]. Наличие субъекта волевой деятельности является необходимой предпосылкой участия юридического лица в правовых отношениях. В качестве субъекта в данном случае выступает орган юридического лица как специально созданный механизм формирования и реализации единой волевой деятельности организации [10, с. 104].

В качестве основы волевой деятельности юридического лица, на наш взгляд, могут рассматриваться действия (бездействие) и единоначальных, и коллегиальных органов. Решение вопроса об определении субъекта волевой деятельности юридического лица, выраженной единоначальным органом, не вызывает затруднений. Действия (бездействие) физического лица, выступающего в качестве единоначального органа, его психическое отношение к совершенному деянию и его последствиям могут быть установлены с точностью, присущей деянию отдельной личности. Более трудноразрешимым является вопрос о рассмотрении в качестве субъекта волевой деятельности юридического лица его коллегиальных органов. Согласно действующему законодательству в абсолютном большинстве случаев высшими органами управления в юридическом лице являются коллегиальные органы. Именно к их компетенции относится принятие наиболее значимых решений по вопросам деятельности юридического лица.

Особый характер принимаемых решений предполагает выявление автора (авторов) принятого решения. Но определить психическое отношение коллегиального органа юридического лица к принятому сообща решению и его последствиям не представляется возможным. На пути установления психического отношения группы физических лиц, выступающих в качестве коллегиального органа юридического лица, встречается ряд препятствий: во-первых, существующий уровень развития психологической науки не позволяет раскрыть психическое отношение не только разнородной группы людей, но и организации; во-вторых, несоответствие правового и психологического понимания волевой деятельности порождает сложные юридические конструкции, и без того усложняющие существующую ситуацию. Выходом из сложившейся обстановки может стать признание презумпции единого психического отношения коллектива.

Предпосылки установления данной презумпции уже встречались в правовой литературе. Некоторые теории юридического лица (теория коллектива и, в некоторой мере, теория отождествления) допускают признание единого психического отношения юридического лица (трудового коллектива) в целом. Обосновывая эту точку зрения, В.А. Тархов отмечает, что «неправомерное, незаконное решение любого коллегиального органа может быть принято лишь путем согласования воль участников этого органа» [12, с. 56].

Принятие решения в коллегиальном органе управления осуществляется путем голосования, опроса или иным предусмотренным способом. Каждый, высказываясь за или против принятия решения, либо воздерживаясь от участия в его принятии, проявляет

свое психическое отношение к самому решению коллегиального органа и к его последствиям. Результат принятого решения всегда находит свое закрепление в акте коллегиального органа (протокол, решение, иной документ). Подобный метод принятия решений, при соблюдении установленных процедур, является простым и эффективным способом выявления воли каждого человека, входящего в коллегиальный орган, и коллегиального органа в целом, зарекомендовавшим себя в течение многих столетий. При принятии единого для всех входящих в коллегиальный орган юридического лица людей решения, психическое отношение каждого члена этого органа остается различным. Будучи принятым, решение коллегиального органа юридического лица становится волеизъявлением самого юридического лица, но в то же время оно может рассматриваться в качестве решения каждого человека, входящего в коллегиальный орган. Различия в психическом отношении принимающих решение не могут быть препятствием к признанию решения коллегиального органа ни в качестве волеизъявления самого юридического лица, ни в качестве решения каждого человека, входящего в коллегиальный орган. Презюмируя единое психическое отношение, мы предполагаем, что каждое из лиц, составляющих коллегиальный орган юридического лица, действует добросовестно и разумно, осознавая фактический характер совершаемого и его социальный смысл и отдавая отчет своим действиям. В то же время презумпция единого психического отношения коллектива предлагается нами как правовая оспоримая презумпция, то есть она может быть опровергнута в ходе разбирательства.

Б.Б. Черепахин предложил ограничить способность осуществлять волевую деятельность юридических лиц посредством органов. По его мнению, среди органов юридического лица можно выделить представительные и непредставительные органы [13, с. 301; 14, с. 469]. Представительные органы юридического лица при совершении правомерных юридических действий способны образовывать «волю» юридического лица и изъявлять ее вовне, представляя юридическое лицо во внешних отношениях с другими субъектами. Непредставительные органы юридического лица способны лишь образовывать «волю» юридического лица, но не изъявлять ее. С этим трудно согласиться, поскольку орган юридического лица изначально является механизмом волевой деятельности юридического лица, что в настоящее время подтверждается действующим законодательством.

Таким образом, соглашаясь с возможностью юридического лица осуществлять волевую деятельность посредством своих органов, как единоначальных, так и коллегиальных, мы оспариваем

признание таковых в качестве единственного субъекта волевой деятельности юридического лица. Реально существующие общественные отношения гораздо глубиннее по своему содержанию, и на сегодняшний день степень зависимости общего результата от действий отдельного исполнителя настолько велика, что становится очевидной возможность выявления иных субъектов волевой деятельности юридического лица.

С понятием органа юридического лица тесно связана дискуссия о проблеме должностного лица как субъекта волевой деятельности юридического лица. Как «выразители воли юридического лица» должностные лица рассматриваются уголовным, гражданским, трудовым и административным правом. Несмотря на упоминание должностного лица в правовых актах, относящихся еще к началу XVIII века (Указ Петра I от 17 марта 1714 г. «О фискалах и о их должности и действии» и Указ от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора» закрепляют признаки отдельных категорий должностных лиц и их ответственность за невыполнение и ненадлежащее выполнение возложенных обязанностей), и многочисленные современные исследования, общеправового определения данного субъекта волевой деятельности юридического лица не существует. Исторически необходимость появления данной категории была вызвана стремлением определить взаимную связь и взаимную зависимость индивидуального и коллективного субъектов правовых отношений (государственные служащие – часть органа государственного управления) [2, с. 61-62]. В связи с этим в качестве недостатка, присущего большинству работ о правовой природе должностного лица, следует рассматривать то, что должностные лица исследуются в отрыве от организации – субъекта, наделяющего должностных лиц правами, обязанностями и иными составляющими правового статуса.

В качестве субъекта волевой деятельности организации (юридического лица, предприятия, учреждения) должностные лица признаются большинством ученых. Однако и этот аспект правовой природы должностного лица изучен не в полной мере. На наш взгляд, сущность правовой природы должностного лица заключается именно в связи прав, обязанностей, ответственности и иных составляющих правового статуса данных субъектов с организацией (юридическим лицом). Физическое лицо, вступающее в правовые отношения, приобретает статус должностного лица в том случае, если оно получает часть прав организации (юридического лица), осуществляет ее деятельность. Больший объем прав либо приобретение прав, получение которых возможно лишь с участием в осу-

ществлении деятельности организации, предполагает и больший объем обязанностей, следовательно, и ответственности.

Подобное расширительное толкование категории должностного лица сближает его с категорией работника юридического лица (организации). Юридическое лицо как коллективный субъект права представляет собой группу людей (организацию). Каждый ее член способен участвовать в волеизъявлении. Таким образом, по нашему мнению, каждое физическое лицо юридического лица при соблюдении ряда условий, совершая поступок, участвует в волеизъявлении юридического лица. Воля человека – физического лица юридического лица как категория психологическая не трансформируется в «волю» юридического лица, а лишь служит основой его волевой деятельности.

Следующим субъектом волевой деятельности юридического лица в правовой литературе признаются рабочие и служащие (работники) юридического лица. Принципиального отличия в механизме волевой деятельности юридического лица, осуществляемой с помощью рабочих и служащих (работников), от такой же деятельности, осуществляемой посредством должностных лиц, не существует. На наш взгляд, волеобразование и волеизъявление при реализации противоправной и правомерной деятельности не имеют существенных отличий. Каждое физическое лицо юридического лица является полноценным членом организации, осуществляющей определенный вид социально необходимой деятельности. Участие в деятельности организации (юридического лица) уже предопределяет способность каждого участвовать и в волеобразовании, и в волеизъявлении данной организации. Итак, рабочие и служащие (работники), участвуя в деятельности юридического лица, являются полноправным субъектом волевой деятельности этого юридического лица как при осуществлении правомерной деятельности, так и при совершении правонарушения юридическим лицом.

Рассмотренные выше субъекты волевой деятельности юридического лица в своей совокупности охватывают весь спектр участников волеобразования и волеизъявления организации. Каждый субъект волевой деятельности несет ответственность за свои собственные действия (бездействие), а коллективный субъект, при соблюдении необходимых условий, несет ответственность за любые действия (бездействие) его физических лиц (включая органы юридического лица), совершенные в связи с выполнением функций юридического лица.

Таким образом, любое физическое лицо юридического лица как член организации способно участвовать самостоятельно либо вместе с другими физическими лицами в волеобразовании и воле-

изъявлении юридического лица. Подобное участие предполагает возложение ответственности на коллективного субъекта конституционно-правовой ответственности на основании действий (бездействия) его физических лиц.

Список литературы

1. Административное право и административный процесс: Старые и новые проблемы // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 5-32.

2. *Алексеев П.И.* Ответственность государства за чиновников (Публично-правовое вознаграждение за вред, причиненный агентами государства) // Юрид. вестник. – 1915. – Кн. YII-YIII (III-IY). – С. 49-77.

3. *Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм (гос.-правовые аспекты). – Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1985. – 156 с.

4. *Богданов Е.В.* Сущность и ответственность юридического лица // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 97-101.

5. *Будзинский С.* Начала уголовного права. – Варшава: Тип. Яворского, 1870. – 362 с.

6. *Виноградов П.Г.* Очерки по истории права. – М., 1915. – 156 с.

7. *Войтович С.А.* Классификация международных экономических организаций как субъектов международного права // Государство и право. – 1992. – № 5. – С. 97-104.

8. Гражданский кодекс Республики Беларусь: КодексРесп. Беларусь, 7 дек. 1998 г. № 218-З // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. – 1999. – № 7-9. – Ст. 101

9. *Иванов Л.* Административная ответственность юридических лиц // Рос.юстиция. – 2001. – № 3. – С. 21-23.

10. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: Ред. журн. «Хоз-во и право»; Фирма «Спарк», 1995. – 597 с.

11. *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1958. – 260 с.

12. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – 456 с.

13. *Черепахин Б.Б.* Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. – М., 2001. – С. 296-306.

14. *Черепахин Б.Б.* Органы и представители юридического лица // Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. – М., 2001. – С. 468-477.

В.Н. Прокопенко
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

Юридический состав административного правонарушения в области таможенного законодательства государств-членов Таможенного союза

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению юридического состава административного правонарушения в области таможенного законодательства государств-членов Таможенного Союза.

Ключевые слова: Таможенный союз, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона юридического состава административного правонарушения, таможенного законодательство, Белоруссия, Казахстан, Россия.

Abstract. The article discusses the legal administrative violations in the customs legislation of the Customs Union.

Key words: Customs Union object, the objective side, the subject, the subjective aspect of the legal structure of administrative offenses, the customs legislation, Belarus and Kazakhstan, Russia.

Образование Таможенного союза как новой модели хозяйствования между Российской Федерацией, Республикой Казахстан и Республикой Беларусь и создание единой таможенной территории ориентируют таможенные органы государств осуществлять единые формы и методы государственного управления, использовать единый институт административно-правового принуждения в защите таможенного законодательства.

Основанием административной ответственности, важнейшего института административного принуждения, является административное правонарушение, которое закреплено в Кодексах об административных правонарушениях трех республик. Поскольку уровень совершения административных правонарушений в таможенном деле государств-членов Таможенного союза еще достаточно высок, возникает необходимость рассмотрения юридического состава административного правонарушения в данной сфере.

В теории административного права и учебной административно-правовой литературе содержится множество определений юридических составов административных правонарушений. Так, например, считают, что под составом административного правонарушения понимается совокупность закрепленных нормативными правовыми актами признаков, наличие которых может повлечь административную ответственность [4, с. 375]. Отмечают также, что

состав административного правонарушения – это установленная правом совокупность признаков, при наличии которых антиобщественное деяние может признаваться административным правонарушением [5, с. 485].

Оба определения, данные составу административного правонарушения, следует считать приемлемыми, поскольку в них акцент сделан на признаки, при наличии которых антиобщественное деяние может признаваться правонарушением. В нашем случае имеется в виду незаконное осуществление деятельности в области таможенного дела.

В административно-правовой литературе, посвященной административной ответственности, группы юридических составов классифицируются по различным основаниям [8, с. 73-82]. Представляется, что наиболее правильным будет придерживаться классификации по объекту посягательства и отраслевой принадлежности, поскольку это подтверждается законодательством, выделившим составы административных правонарушений в области таможенного дела в отдельные главы: глава 16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [11, с. 187-197]; глава 26 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях [10, с. 112-123]; глава 14 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [9, с. 94-101]. Состав административного правонарушения традиционно включает в себя следующие элементы: объект, объективную сторону административного правонарушения, субъект, субъективную сторону административного правонарушения.

Рассмотрение объекта административного правонарушения в области таможенного законодательства предполагает уточнение единого подхода в понимании этого элемента.

В литературе по теории права нет единого понимания объекта правонарушения. Одни авторы считают, что «объектом правонарушения являются общественные отношения, которые регулируются и охраняются нормами права» [14, с. 334]. Другие полагают, что «объектом правонарушения признаются предусмотренные законом и охраняемые им разнообразные интересы, ценности (в более широком смысле – общественные отношения), которым противоправными деяниями причиняется ущерб» [12, с. 286]. Общим в приведенных выше определениях является то, что объектом правонарушений являются общественные отношения, регулируемые и охраняемые нормами права.

В учебной административно-правовой литературе высказаны различные точки зрения на понятие объекта административного правонарушения. Одни полагают, что объектом администра-

тивного правонарушения являются общественные отношения, урегулированные нормами административного или иной отрасли права, охраняемые мерами государственного принуждения [1, с. 162]. Такая точка зрения вызывает возражение. Это слишком широкое понимание мер, предназначенных для охраны общественных отношений. В литературе по теории права сказано, что под принуждением понимается осуществление на основе права государственными органами (их должностными лицами) физического, психологического, имущественного или организационного воздействия на нарушителей установленных норм права в целях защиты личных, общественных или государственных интересов [7, с. 47]. В случае охраны объекта административного правонарушения мерами государственного принуждения будет задействован весь арсенал правовых средств, что противоречит статье 1.2 «Законодательство об административных правонарушениях» КОАП РФ; глава 2 статья 7 «Задачи законодательства об административных правонарушениях» КОАП РК; статья 1.2 «Задачи Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» КОАП РБ.

Наиболее правильной точкой зрения, на наш взгляд, является мнение, согласно которому «объектом административного правонарушения являются общественные отношения, урегулированные нормами права и охраняемые мерами административной ответственности» [3, с. 196].

В административно-правовой литературе выделяются: общий, родовой (видовой) и непосредственный объект административного правонарушения [2, с. 282-283]. Характеристика этих категорий основывается на соотношении целого, части целого и части части.

Общий объект – это вся совокупность общественных отношений, охраняемых законодательством об административных правонарушениях. Родовой (видовой) объект правонарушения – совокупность однородных общественных отношений, на которую посягает административное правонарушение. Родовой (видовой) объект административного правонарушения законодателем взят за основу построения Особенной части КОАП РФ, КОАП РК и КОАП РБ. Поскольку родовые объекты административных правонарушений в области таможенного законодательства закреплены в главах Особенных частей (глава 16 КОАП РФ, глава 26 КОАП РК, глава 14 КОАП РБ), то родовым объектом будут выступать общественные отношения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил).

Непосредственный объект есть общественные отношения, охраняемые конкретными статьями, на которые непосредственно посягают административные правонарушения. Наиболее распро-

страненными на практике выступают административные правонарушения, где непосредственным объектом являются общественные отношения в сфере таможенного контроля. Так, в гл. 16 «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)» КОАП РФ можно выделить следующие статьи: ст. 16.1 «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки», ст. 16.5 «Нарушение режима зоны таможенного контроля» и другие. В главе 26 «Административные правонарушения в сфере таможенного дела» следует отметить следующие статьи: ст. 400 «Нарушение режима зоны таможенного контроля», ст. 401 «Неуведомление при ввозе товаров и транспортных средств о перемещении таможенной границы Таможенного союза» и другие. В гл. 14 «Административные правонарушения против порядка таможенного регулирования (административные таможенные правонарушения)» закреплены следующие статьи: ст. 14.7 «Использование находящихся под таможенным контролем транспортных средств, в нарушение установленного законодательством порядка», ст. 14.16 «Нарушение требований, предъявляемых к зонам таможенного контроля» и др.

Объективной стороне административного правонарушения в области таможенного законодательства в учебной административно-правовой литературе дается следующее определение: «Объективная сторона проступка – это система предусмотренных нормами административного права признаков, характеризующих его внешние проявления» [8, с. 490].

Каждое конкретное административное правонарушение имеет множество индивидуализированных признаков, в том числе и объективных. Объективные признаки каждого правонарушения характеризуют деяния (действие или бездействие) субъекта, причиненный деянием ущерб и те внешние условия, в которых развертывается административное правонарушение. Деяние есть стержень, вокруг которого группируются иные факультативные признаки объективной стороны (способ, время, место и др.) Довольно часто в составе административного правонарушения в области таможенного законодательства присутствуют признаки места (к примеру, граница таможенного контроля). Следует обратить внимание на ст. 16.5 «Нарушение режима зоны таможенного контроля» КОАП РК, ст. 14.15 «Нарушение требований к местам хранения товаров, находящихся под таможенным контролем» КОАП РБ; а также несоблюдение определенного таможенным органом маршрута перевозки товаров, если он был установлен: например, ст. 16.10 «Несоблюдение порядка таможенной процедуры таможенного транзита» КОАП

РБ, ст. 426 «Перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу Таможенного союза помимо таможенного контроля» КОАП РК.

Деяние или бездействие выражается в неприятии перевозчиком мер по: обеспечению сохранности товаров и транспортных средств в случае аварии, действия неопредолимой силы, либо возникновения иных обстоятельств, препятствующих доставке товаров и (или) транспортных средств в место пересечения таможенной границы Таможенного союза; осуществлению остановок или поездки морского (речного) или воздушного судна в установленных местах; перевозке товаров в соответствии с таможенным транзитом, например, часть 1 ст. 16.6 «Непринятие мер в случае аварии или действия непреодолимой силы». Аналогичные положения содержатся в ст. 403 КОАП РК. Способ совершения правонарушения представляет собой порядок, форму, последовательность действий, а также приемы, применяемые правонарушителем. Способом совершения административного правонарушения является сокрытие товаров от таможенного контроля путем использования тайников, иных способов, затрудняющих обнаружение товаров, а также путем придания одним товарам вида других. В качестве такого примера можно привести часть 2 ст. 16.1 «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки» КОАП РФ, часть 4 ст. 14.1 «Незаконное перемещение товаров через таможенную границу Таможенного союза» КОАП РБ; ст. 427 «Сокрытие от таможенного контроля товаров перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза».

Действие и способ его совершения соотносятся как род и вид. Часто в числе признаков объекта совершения правонарушения в области таможенного законодательства называются товары и транспортные средства. Данный признак закреплен в части 1 ст. 16.12 «Несоблюдение сроков подачи таможенной декларации или представления документов и сведений» КОАП РФ; в ст. 414 «Нарушение сроков представления таможенному органу Республики Казахстан таможенной декларации, документов и дополнительных сведений» КОАП РК; в ст. 14.8 «Нарушение сроков представления таможенной декларации» КОАП РБ.

Конкретные сроки подачи таможенной декларации закреплены в подпункте 2 пункта 1 статьи 197 Таможенного Кодекса Таможенного союза. В ней они определены так: «обязательства в письменной форме о подаче или таможенной декларации и представление необходимых документов и сведений не позднее десятого числа месяца, следующего за месяцем выпуска товаров, содержащее све-

дения о целях использования товаров и таможенной процедуре, под которую помещаются товары» [13, с. 99].

Содержание объективной стороны может включать характер действия или бездействия – неоднородность, повторность, систематичность правонарушения и др. *Неоднородность* административного правонарушения – это совершение более двух однородных правонарушений, предусмотренных конкретной статьей КОАП РФ, КОАП РК, КОАП РБ. Неоднородность адмиистративного правонарушения возможна в области таможенного законодательства. *Повторность* предусмотрена многими статьями КОАП РФ, КОАП РК, КОАП РБ. Она означает совершение одним и тем же лицом, в течение года, однородного правонарушения, за что оно уже подвергалось административному наказанию (т.е. состояние административной наказуемости). Следует отметить, что повторность не предусматривается в статьях главы 16 КОАП РФ, главы 26 КОАП РК и главы 14 КОАП РБ.

Систематическим признается административное правонарушение, совершаемое в течение года несколько раз (более трех нарушений), причем в какой-либо сфере, одними и теми же субъектами. Систематическое административное правонарушение возможно в сфере таможенного законодательства. Следует отметить, что таможенные органы в своей правоприменительной деятельности не отслеживают и не ведут учет неоднократности, повторности административным правонарушениям, а также их систематическим повторениям.

Для объективной стороны административного правонарушения в области таможенного законодательства важным является установление причинной связи между действием и последующим причинением ущерба. Причинная связь (в праве) – необходимая связь, при которой одно явление (причина) предшествует другому (следствию) и порождает его. [6, с. 491]. Признаком присутствия причинной связи может быть наличие умысла у подозреваемого лица, обнаружения орудия или предмета административного правонарушения, либо иные прямые или косвенные доказательства, подтверждающие непосредственную связь физического лица с фактом совершенного правонарушения. Причинную связь следует устанавливать в действии или бездействии юридического лица или наступившими вредными последствиями (ущербом). Причинную связь между действием или бездействием и последующим причинением ущерба необходимо устанавливать таможенным органам (их должностным лицам) и судьям в каждом совершенном административном правонарушении в сфере таможенного законодательства.

Субъект и субъективная сторона административного правонарушения в области таможенного законодательства.

Субъекты административного правонарушения в области таможенного законодательства можно классифицировать на общие и специальные. *Общим субъектом* административного правонарушения в области таможенного законодательства признаются вменяемые, достигшие 16-летнего возраста граждане Российской Федерации (часть 1 статьи 2.3 КОАП РФ), граждане Республики Казахстан (пункт 1 статьи 3.1, статьи 32 КОАП РК), а также граждане Республики Беларусь (часть 1 статьи 4.3 КОАП РБ). *Специальным субъектом* административного правонарушения выступают следующие лица: должностные лица, выполняющие управленческие функции; индивидуальные предприниматели; юридические лица различной формы собственности. Эти субъекты предусмотрены в Кодексах об административных правонарушениях трех государств-участников ТС.

Выделим такие специальные субъекты, как декларант, перевозчик, экспедитор, грузополучатель, таможенный представитель, владельцы складов временного хранения, владельцы таможенных складов, владельцы магазинов беспошлинной торговли, лица, осуществляющие операции с товарами в свободных таможенных зонах, владельцы складов, экономические операторы содержаться в различных статьях Таможенного кодекса Таможенного союза.

В перечне специальных субъектов следует обратить внимание на декларанта. Согласно статье 186 Таможенного кодекса Таможенного союза декларантами могут быть следующие.

• Лицо государства-члена Таможенного союза:

— заключившее внешнеэкономическую сделку либо от имени (по поручению) которого эта сделка заключена.

— имеющие право владения, пользования и (или) распоряжения товарами – при отсутствии внешнеэкономической сделки;

• Иностранные лица:

— физическое лицо, перемещающее товары для личного пользования;

— лицо, пользующееся таможенными льготами в соответствии с главой 45 настоящего Кодекса;

— организация, имеющая представительство, созданное на территории государства-члена Таможенного союза в установленом порядке, — при заявлении таможенных процедур временного ввоза, реэкспорта, а также таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления только в отношении товаров, ввозимых для собственных нужд таких представительств;

— лицо, имеющее право распоряжаться товарами не в рамках сделки, одной из сторон которой выступает лицо государства-члена таможенного союза.

- Для заявления таможенной процедуры таможенного транзита – лица, указанные в подпунктах 1 и 2 настоящей статьи, а также перевозчик, в том числе таможенный перевозчик;

— экспедитор, если он является лицом государства-члена таможенного союза [13, с. 96].

В статье 189 ТК ТС предусмотрена ответственность декларанта: «Декларант несет ответственность в соответствии с законодательством государств-членов Таможенного союза за неисполнение обязанностей, предусмотренных ст. 188 настоящего Кодекса» [13, с. 96]. Но, декларанты (и другие специальные субъекты) не содержатся в качестве субъектов ответственности в гл. 16 КОАП РФ, гл. 26 КОАП РК, а также в гл. 14 КОАП РБ.

В качестве субъекта административного правонарушения в области таможенного законодательства выступает должностное лицо. Должностное лицо привлекается к административной ответственности при условии совершения административного правонарушения в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением или служебных обязанностей (ст. 2.4 КОАП РФ). С учетом этих требований должностное лицо, виновное в совершении административного правонарушения в области таможенного законодательства подлежит ответственности на основании указанной выше статьи, а также статей главы 16 особенной части КОАП РФ. Следует отметить, что аналогичное определение должностного лица дано в части 1 ст. 34 КОАП РК. В Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь не содержится отдельной статьи, предусматривающей административную ответственность должностных лиц. В п. 7 ст. 4.8 КОАП РБ «Ответственность индивидуального предпринимателя и юридического лица» сказано: «Наложение административного взыскания на юридическое лицо не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное должностное лицо юридического лица». Противоправное поведение должностного лица, при наличии у него властных полномочий, может причинить больший ущерб, нежели административное правонарушение обычного гражданина. Поэтому в конкретных статьях главы 16 «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)» Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях в качестве субъектов административной ответственности закреплены как граждане, так и должностные лица. К последним установлен повышенный размер штрафных санкций.

Нужно сказать, что должностное лицо в качестве субъекта административной ответственности предусмотрено почти во всех статьях гл. 16 КОАП РФ. Исключение составляют только две статьи, где отсутствует должностное лицо: ст. 16.4 «Недекларирование, либо недостоверное декларирование физическими лицами иностранной валюты или валюты Российской Федерации», ст. 16.18 «Невывоз, либо неосуществление обратного ввоза товаров и (или) транспортных средств физическими лицами».

Относительно ответственности должностных лиц по КОАП РК следует отметить, что не во всех статьях главы 26 «Административные правонарушения в сфере таможенного дела» в качестве субъектов предусмотрены должностные лица. Так, например, в статье 400 «Нарушение режима зоны таможенного контроля» наряду с лицами в качестве субъектов административной ответственности предусмотрены должностные лица государственных органов. В ст. 421 (в диспозиции части 1) «Невывоз за пределы таможенной территории таможенного союза, либо невозвращение на эту территорию товаров и транспортных средств», сказано о неправомерных действиях органов и должностных лиц иностранного государства. В ст. 431 «Нарушение порядка использования и распоряжения условно выпущенными товарами и транспортными средствами, в отношении которых предоставлены таможенные льготы в части таможенных платежей и налогов» в санкции предусмотрены административный штраф, налагаемый на должностных лиц.

В качестве субъектов административной ответственности могут выступать юридические лица. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 2.10 КОАП РФ юридические лица подлежат административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных статьями раздела II настоящего Кодекса или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. В части первой статьи 36 КОАП РК содержится административная ответственность юридического лица. В ч. 2 ст. 4.8 КОАП РБ сказано, что юридическое лицо может нести ответственность только за административные правонарушения, прямо предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса. Юридическое лицо в качестве субъекта административного правонарушения закреплено в двадцати двух статьях гл. 16 «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушения таможенных правил)» КОАП РФ. В гл. 14 «Административные правонарушения против порядка таможенного регулирования (административные таможенные правонарушения)» КОАП РБ из девятнадцати статей двенадцать содержат юридические лица в качестве субъектов ответственности. Из тридцати восьми статей толь-

ко в четырех предусмотрена административная ответственность юридических лиц гл. 26 «Административные правонарушения в сфере таможенного дела» КОАП РК.

Субъективная сторона административного правонарушения выступает как совокупность признаков, характеризующих психическое отношение к содеянному [13, с. 495]. Следовательно, субъективная сторона административного правонарушения характеризуется виной, т.е. особым осознанно-волевым отношением субъекта правонарушения к совершаемому деянию и его последствиям. Вина выражена в форме умысла или неосторожности. Лицо, совершившее противоправное действие или бездействие в указанных формах, при наличии других признаков состава правонарушения, признается виновным в его совершении, в том числе и в области таможенного законодательства.

В отличие от кодексов советского периода в новых кодексах трех республик содержатся отдельные статьи – ст. 1.5 КОАП РФ, ст. 13 КОАП РК и п. 6 ст. 4.2 КОАП РБ, подчеркивающие значение принципа вины. В указанных кодексах предусмотрены более совершенные процессуальные правила производства по делам об административных правонарушениях, которые обязывают привлекать к ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Вина – это психическое отношение лица к совершенному им административному правонарушению. В административно-правовой литературе, посвященной административной ответственности, отмечается, что характеристика вины определяется такими чертами, как сознание и воля. Различные сочетания интеллектуального и волевого элементов образуют две формы вины – умысел и неосторожность, закрепленные в ст. 2.2 КОАП РФ (в нашем случае в ст. 3.1, 3.5 КОАП РБ, ч. 2 ст. 13 КОАП РК), по отношению к которым вина является родовым понятием.

Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее:

- ✓ сознавало противоправный характер своего действия (бездействия);
- ✓ предвидело его вредные последствия;
- ✓ желало наступления таких последствий, или сознательно их допускало, или относилось к ним безразлично.

Первые два признака составляют интеллектуальный критерий умысла. Третий признак, заключающийся в желании последствий – проявление воли [5, с. 71].

Статьи, содержащиеся в главе 16 КОАП РФ, в главе 26 КОАП РК и главе 14 КОАП РБ, прямо не указывают на формы вины. Одна-

ко, анализ статей, содержащихся в указанных главах трех кодексов, показывает, что субъекты совершают административные правонарушения в области таможенного законодательства в двух формах: умысла и неосторожности.

Нами рассмотрены элементы юридического состава административного правонарушения в области таможенного законодательства трех государств-участников Таможенного союза: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Список литературы

1. Административное право / Под редакцией Глушенко П., Жильского Н., Кайнова В., Куртяк И. – М., СПб.: Питер, 2011.
2. Административное право / Под редакцией Попова Л.Л., Студеникиной М.С. – М.: «Норма», 2008.
3. *Алехин А.П., Кармолицкий А.А.* Административное право России, часть 1. – М.: Зерцало, 2009.
4. *Алехин А.П., Кармоницкий А.А.* Административное право России. – М.: Зерцало, 2012.
5. *Бахрах Д.Н.* Административное право России – М.: ЭКСМО, 2011.
6. Большой юридический словарь / Под редакцией Сухарева А.Я., Крутских В.Е. – М.: «Инфа - М», 2000.
7. *Иванов Л.А.* Теория государства и права: основные категории и понятия. – М.: «Экзамен», 2006.
8. *Калинина Л.А.* Административная ответственность – М.: Норма, 2009.
9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Национальный правовой Интернет – портал Республики Беларусь.
10. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. – Алматы: ТОО Издательство «Норма – К», 2012.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М.: Норма, 2009.
12. Общая теория права и государства / Под редакцией Лазарева В.В. – М.: Юристь, 2002.
13. Таможенный кодекс Таможенного союза. – М.: «Проспект», 2013.
14. *Храпанюк В.Н.* Теория государства и права. – М.: 1998.

А.Л. Протопопов
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

Реанимация ломброзианства

Аннотация. Современное уголовное законодательство подвержено многочисленным изменениям, которые коснулись и ст.135 УК РФ. Произошло увеличение квалифицирующих признаков и ужесточение наказания. За его совершение предлагаются пожизненное лишение свободы, хирургические операции и химиотерапия. В статье отмечается, что подлинная борьба с указанным преступлением должна устранить его причины. Перечисляются меры по достижению поставленной цели. Высказано мнение о том, как государство может обеспечить безопасность человека от действий криминально неблагополучной и потенциально опасной личности.

Ключевые слова: развратные действия, потенциальный преступник, хирургические операции, химиотерапия, безопасность личности, профилактика.

Abstract. The modern criminal legislation is subject to methodical and numerous alterations. This as well concerns the clause 135 of C.C. of The Russian Federation. Increasing of qualification characteristics and unprecedented tightening of punishment out of accordance with the entity of this crime took place. Moreover, it's proposed to introduce life sentence and make operations and chemotherapy for this crime. Such an attitude is mistaken and has no prospects. It's remarked that original struggle against this crime must eliminate its causes and the real measures to achieve that goal are enumerated in the article. It's suggested the state can provide for the safety of society and man from a criminal and potentially dangerous person.

Key words: lecherous actions, potential criminal, surgical operations, chemotherapy, safety of person, crime prevention.

В настоящее время российское уголовное законодательство характеризуется нестабильностью и подвержено систематическим, непродуманным изменениям. Постоянно исключаются составы, вводятся новые, меняется их редакция и создается впечатление, что для законодателя подобное «законотворчество» является самоцелью. Ст. 129 УК РФ (клевета) была указана в кодексе с 1996 года, сущность этого преступления не менялась десятилетиями, но на 2011 год она подверглась 6 редакциям, затем была исключена, вскоре вновь восстановлена (ст. 128-1 УК РФ) и содержит уже 5 частей вместо 3-х первоначальных. Ее ч. 4 явно надумана, чем вызвано ее появление непонятно, целесообразность весьма сомнительна. Таких примеров множество. Глава 22 УК РФ содержит десятки статей, но большинство из них не действует. Как, с какой целью они появились

в кодексе? Ст. 159 УК РФ раздробили на 7 статей. Почему не на 10, 20 или 30, ведь сфера мошенничества необъятна? Спрашивать об этом бесполезно. Законодателя, видимо, мало интересуют насущные проблемы теории и практики уголовного права, и можно предположить, что в своей деятельности он руководствуется в большей степени конъюнктурными соображениями. Во всяком случае, в УК РФ с момента его принятия введено более 500 изменений, и специалисты уже давно пишут о том, что такая игра с уголовным правом для общества небезопасна и уж во всяком случае, она не содействует становлению правового государства, которое предполагает наличие обоснованных, справедливых, гуманных и стабильных законов.

Цель настоящей статьи — не исследование состояния уголовного законодательства в целом, но анализ одной из статей, а именно: ст. 135 УК РФ, которая также подверглась модернизации и, как нам кажется, в угоду многочисленным спекулятивным рассуждениям и призывам, а не подлинным потребностям борьбы с этим преступлением.

В прошлом диспозиция ст. 135 УК РФ (ранее ст. 120 УК РСФСР) состояла из одной фразы, а ее санкция предусматривала лишение свободы на срок до 3 лет. Преступление тяжким не было[1]. Если сравнить учебники уголовного права за длительный срок (например, учебник «Советское уголовное право» под ред. Н.И. Загородникова, М.И. Якубовича, В.А. Владимирова 1965 г. и «Уголовное право России» под ред. А.И. Рарога 2008 г.), то видно, что на протяжении длительного времени сущность этого преступления осталась неизменной. Сложилось его единообразное понимание, а также судебная практика рассмотрения дел указанной категории. Разумеется, не всегда и не все ситуации вписывались в традиционное понимание развратных действий, но это же можно сказать и в отношении многих других, если не всех, преступлений. Суд принимал к сведению позицию прокурора, заслушивал мнение защиты и в итоге принимал решение, которое могло быть проверено в кассационной инстанции. Появилась ст. 132 УК РФ, позволившая дифференцировать преступления тогда, когда они выходили за рамки развратных действий, но в то же время не были изнасилованием. Таким образом, уголовно-правовая база для борьбы с указанным преступлением имелась. Если она не была достаточно эффективной, то действовали иные причины, на которые мы укажем.

В настоящее время ст. 135 УК РФ содержит 5 частей. Как минимум, три из них вызывают удивление. В ч. 1 этой статьи говорится об ответственности за действия в отношении лица, не достигшего

[1] Отметим, что в прессе его часто и произвольно смешивают с другими составами.

16-летнего возраста. Получается, что те же действия с лицом в интервале от 16 до 18 лет ненаказуемы. По какой причине?

Ст. 119 УК РСФСР предусматривала ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости. Аналогичная статья (ст. 134) содержится и в УК РФ, но термин «половая зрелость» из нее исключен. Почему? Потому что определить ее может только врач и только в результате обследования, а окончательный вывод, по мнению специалистов, вызывает большие трудности, т.к. половое созревание длится несколько лет и не связано ни с совершеннолетием, ни с достижением брачного возраста. Тем не менее, этот признак отражен в ст. 135 УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 135 УК РФ квалифицирующим признаком являются те же действия в отношении лица, достигшего 12-летнего возраста, но не достигшего 14 лет. Достоверно знать возраст потерпевшего может только лицо из его окружения. При иных ситуациях возраст, тем более в интервале 2-х лет, не определяется. Даже судебно-медицинская экспертиза после проведения исследований устанавливает его лишь приблизительно.

Часть 4 указанной статьи предусматривает ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Разумеется, никакие ситуации в жизни исключить нельзя, но следственная практика свидетельствует, что подавляющее большинство указанных преступлений совершается индивидуально. Если имеется в виду привлечение несовершеннолетних к изготовлению порнопродукции, то в УК РФ содержится ст. 242.2, предусматривающая ответственность за подобные действия. Следует указать, что объектом этой статьи являются здоровье населения и общественная нравственность.

Можно отметить, что в дореволюционный период наказание за развратные действия составляло лишение свободы на срок до 3-х лет. Виновный мог быть лишен права надзора за детьми. Заслуживает внимания и то, что ответственность наступала не только за развратные действия, но и за развращение несовершеннолетних. Указанное обстоятельство, полагаем, должно быть в поле зрения отечественного законодателя. Беседы с несовершеннолетним на непристойные темы, ознакомление с подобного рода печатной продукцией, фото, видеоматериалами – это именно развращение, а не развратные действия и при определенных обстоятельствах они могут и должны влечь за собой ответственность.

Каковы причины преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ? Единого ответа на этот вопрос нет. Мы можем указать лишь на те, которые достаточно очевидны. Это алкоголизм, наркомания, моральная деградация, низкий культурный уровень, отсутствие

нормальной семейной жизни, ее дисгармония. Например, в Санкт-Петербурге 10% молодых мужчин не состоят в браке, не могут создать семью по различного рода причинам, а это — уже социальная проблема, и в ряде случаев она проявляется в совершении преступлений. Нельзя не указать на тлетворное влияние средств массовой информации и, особенно, телевидения. Известно, что в суды поступают многочисленные жалобы граждан на его развращающие программы, но они отклоняются.

В петербургской прессе 2013 года неоднократно сообщалось о группах «Детская мода» и «ВКонтакте», в альбомах которых размещались фотографии «полуголых детей в недвусмысленных позах». Аппарат уполномоченного по правам ребенка Санкт-Петербурга пришел к выводу, что «формально там нет детской порнографии» и направил заявления в правоохранительные органы для проверки. Что она покажет, неизвестно. Скорее всего, ничего. Указанные группы, очевидно, прекратят свое существование, но возродятся под другими названиями.

Катализатором преступлений является психическая патология, в т.ч. в рамках вменяемости, весьма распространенная в современном обществе. По мнению психиатров, это также патологические возрастные изменения, нарушения гормонального фона, неблагоприятное влияние внешней среды. Без сомнения, действуют и другие причины — малоизученные и просто неизвестные. Разумеется, развратные действия являются преступлением, и с ним должна вестись борьба, в том числе и уголовно-правовыми методами. Каким образом? Законодатель избрал самый простой и примитивный способ – увеличение квалифицирующих признаков и беспримерное ужесточение наказания. Для сравнения: убийство (ст. 105 ч.1) – до 15 лет лишения свободы; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в отношении малолетнего, а равно с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего (ст. 111 ч. 2 п. «б») – до 10 лет; похищение несовершеннолетнего (ст. 126 ч. 2 п. «д») – до 12 лет; изнасилование несовершеннолетней (ст. 131 ч. 3 п. «а») – до 15 лет; изнасилование группой лиц, организованной группой с особой жестокостью по отношению к потерпевшей (ст. 131 ч. 2 п.п. «а, б») – до 10 лет. Что касается наказания по ст. 135 УК РФ, то в настоящее время оно достигает до 15 лет лишения свободы, хотя такие преступления как убийство, изнасилование несовершеннолетней и развратные действия по своей тяжести, последствиям просто несопоставимы. Более того, предлагаются химиотерапия и хирургические операции в отношении виновных, хотя медицина призвана лечить, а не калечить людей. Если признать, что правоохранительная система страны не в состоянии бороться с преступления-

ми, что с ними можно справиться только при помощи медицины, то почему избрана лишь их одна категория? Воры, грабители, террористы, члены организованных преступных групп не менее опасны. Они, может быть, опасны в большей степени. Например, ребенка похищают, а его освобождение ставится под условие баснословного по сумме выкупа. Не получив выкуп, преступники ребенка убивают – такие случаи известны. Однако, никто не заявлял, что эти преступники подлежат химиотерапии и хирургическому воздействию.

В принципе это возможно, и в результате операции преступник превратится из человека в вполне безобидное биологическое существо. Есть еще более радикальный способ – смертная казнь, которая раз и навсегда прекратит преступную деятельность конкретного человека. Но все эти способы борьбы — не более, чем иллюзия, и история доказала, что даже смертная казнь не может покончить с преступностью или с отдельным ее видом. Это же относится и к членовредительству преступников.

В свое время в различных странах в отношении душевнобольных (среди них были и социально опасные лица) применялись крайне жестокие формы обращения. Их связывали ремнями, содержали в цепях, наручниках на протяжении многих недель, месяцев, даже лет. От подобных методов произошел отказ деятельности [5, с. 21], и пациент психиатра стал рассматриваться исключительно как объект врачебной заботы и попечения.

Как это часто бывает, в пример приводится Запад. Знание зарубежного опыта необходимо, но всегда ли мы обязаны ему следовать? Нередко слепое копирование чужой практики ничего, кроме вреда, не приносит. Один автор на страницах центральной прессы пишет, что во многих странах внедряется химическая кастрация [3]. В каких многих? В отношении каких категорий лиц? И самое главное, каков результат? Сведения по этому поводу самые противоречивые, и нельзя все из них принимать на веру. Из той же прессы известно, что в США химиотерапия предлагается как условие освобождения от уголовной ответственности. Известно и то, что результаты таких сделок в ряде случаев оказывались плачевными, и виновные вновь совершали преступления. Хирургическая кастрация разрешена лишь в одном штате. Нельзя поручиться, что и это вполне достоверные сведения.

В указанной статье приводится позиция депутата Госдумы А. Белякова, автора законопроекта о химической кастрации, считающего, что психиатрия бессильна в борьбе с педофилией и что возможна лишь такая альтернатива: пожизненное заключение, либо большой срок плюс химиотерапия. Рекомендация более, чем сомнительная, и представляет собой не что иное, как ломброзианскую

идею о врожденном преступнике, от которой давно отказались, тем более в таком примитивном понимании. Эта идея влечет за собой отказ от понятий вины, вменяемости и предполагает создание специальных органов для обеспечения безопасности общества от социально опасных личностей. Однако, сам Ломброзо под давлением обоснованной критики стал корректировать свою позицию, уделять внимание социальным и иным факторам, а в итоге значительно изменил взгляд на причины преступности. Нам могут возразить и заявить, что половые преступления в отношении несовершеннолетних многочисленны, их число растет, и требуется принятие мер. На это следует сказать следующее. Преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ (ранее ст. 120 УК РСФСР), всегда было много, но сколько — неизвестно даже примерно. Кроме того, это латентные преступления, но, главным образом, они скрывались и скрываются от учета и регистрации до настоящего времени.

Сокрытие преступлений – вот проблема, вот с чем надо бороться в первую очередь. Преступники остаются на свободе и продолжают преступную деятельность. Далеко не все, но некоторые все же сознают характер своих действий и пытаются чем-то компенсировать свои патологические наклонности. Так действовал, например, серийный убийца Сливко. Кто-то кончает жизнь самоубийством, но таких, полагаем, немного.

Житель Санкт-Петербурга Брыксенков, 30-летний мужичина, при расследовании показал, что уже к 16 годам у него сложилось стойкое влечение к малолетним, с которым он не мог бороться. Он был судим, неоднократно задерживался, но продолжал свою деятельность. По его словам, он хотел, чтобы его арестовали, поэтому последнюю серию преступлений он совершал по стереотипу — в дневное время от одной и той же школы он систематически уводил девочек. Действия свои никак не маскировал, его видели многие. Установили и задержали его без особого труда, но этому предшествовали многочисленные сокрытые от учета эпизоды. Они закончились относительно благополучно, но их исход мог быть любым.

Серийный убийца С. Ткач совершал преступления на протяжении 25 лет, а их количество исчисляется многими десятками и превышает показатели Чикатило, Михасевича, Стороженко, Пичужкина и им подобных. Сейчас Ткачу скрывать нечего и он рассказал, как уходил от ответственности в тех случаях, когда его задерживали. Дал и оценку работы по раскрытию преступлений, причем со знанием дела, поскольку сам в прошлом работал экспертом-криминалистом.

Показательно уголовное дело, по которому за серию убийств был осужден житель Ленинграда А. Лешонок. Токсикоман и извра-

щенец, он дважды был судим по ст. 120 УК РСФСР. На его счету масса преступлений. При совершении одного из них он выронил свой расчетный листок с указанием фамилии, но все было скрыто. Даже в случае нанесения несовершеннолетнему 6-ти проникающих ножевых ранений в области груди преступление расценили как разбой. В другом случае, когда он, выронив нож, бежал из квартиры, в возбуждении уголовного дела вообще было отказано, а в постановлении указали, что «неизвестный ушел через балкон». Что это: цинизм, непрофессионализм? И то, и другое, но, главным образом, сокрытие тяжкого преступления, позволяющее преступнику остаться на свободе и вновь совершать преступления.

В ряде случаев скрываются убийства несовершеннолетних, и таких примеров немало. А.В. Лунеева пишет, что в России один из самых высоких показателей детоубийств в мире, но достоверных цифр нет по причине их латентности и отсутствия статистических данных на федеральном уровне [4, с. 32]. Если так, то, что говорить о преступлении, предусмотренном ст. 135 УК РФ? Подобных фактов больше во много раз.

Может возникнуть вопрос: совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних всегда ли перерастает в более тяжкие преступления, в частности, изнасилования, убийства? Однозначного ответа нет. Иногда убийства детей совершают лица, не имеющие патологических наклонностей. Причиной может быть провоцирующее воздействие алкоголя, иногда смерть причиняется в результате противоправных действий, но без умысла, по неосторожности. Варианты различны. У многих совершающих развратные действия преступления никогда не выходят за рамки ст. 135 УК РФ. Но в любом случае эта группа всегда потенциально опасна.

Все ранее судимые за половые преступления состоят на криминалистических учетах, но учеты должны охватывать и другие категории граждан. Это сложная проблема. Необходима более совершенная правовая база постановки на учет. При этом следует сознавать, что каждый человек имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, что произвольное проникновение в его интимную сферу недопустимо. Здесь главное не потерять чувство меры, не перейти грань дозволенного. И все же проблема разрешима. Но почему она не решается годами?

Борьба с половыми преступлениями, в частности, с развратными действиями, по нашему мнению, предполагает следующее:

• выявление и учет лиц, склонных к совершению указанных преступлений и общественно опасных действий. В их числе должны быть и те, кто допускает жестокое обращение с животными. Извест-

но, что зоосадизм нередко перерастает в садизм по отношению к окружающим;

• оказание медицинской помощи лицам с патологией в сексуальной сфере, их наблюдение. Врачи-психиатры утверждают, что они нередко видят прогрессирующее развитие заболевания, агрессии, но многие из пациентов остаются вне наблюдения и никакого лечения не получают, т.к. превышаются нормативы нагрузки на врачей и медицинские учреждения.

В свое время в Ростове-на-Дону был создан лечебный центр «Феникс», в котором наблюдались и получали лечение несовершеннолетние (в т.ч. и девочки) с повышенной агрессивностью и жестокостью. Положительный опыт деятельности этого учреждения заслуживает внимания, изучения и, очевидно, распространения.

Следует вести беспощадную борьбу с сокрытием преступлений, в первую очередь, тяжких и в отношении несовершеннолетних. По каждому факту преступления должно быть возбуждено уголовное дело и проведено квалифицированное расследование.

Сокрытие преступлений от учета — сложная проблема. Она не так проста, как может показаться на первый взгляд. Следует проанализировать, почему принимаемые меры остаются безрезультатными, хотя одна из главных причин давно известна — это создание нужной статистики.

Должны быть кадровые следователи, специализирующиеся на расследовании преступлений против личности. Ст. 135 УК РФ характеризует не самое сложное преступление, но следственные ситуации разнообразны. Есть и такие, в которых многие следователи разобраться не могут и не в состоянии изобличить преступника. В одном случае пропала несовершеннолетняя Н. Через несколько лет оперативным путем установили К., ранее неоднократно судимого за тяжкие преступления. К. дал показания, что Н. напала на него, и он, защищаясь, по неосторожности причинил ей смерть, а затем, испугавшись, труп сжег. Чтобы изобличить такого преступника, опровергнуть его надуманную версию, требуется высокое профессиональное мастерство. Следователя такого уровня не оказалось, действия К. квалифицировали по ст. 109 УК РФ, дело прекратили за истечением сроков давности.

Нередко преступников и преступления рассматриваемой категории поставляет социальное дно, где пьянство, аморальное, антиобщественное поведение существуют и процветают в крайних формах. Лицо из этой среды да еще отягощенное психической патологией опасно. Олигофрен, даже в рамках вменяемости, в своих действиях руководствуется своими инстинктами, а не содержанием ст. 135 УК РФ и ее санкцией. Воспитывать и перевоспитывать таких

бессмысленно. Их можно адаптировать к жизни, но это сфера медицины и, видимо, весьма затратная. Более радикальный способ – ликвидация социального дна, но это уже задача длительного периода и в целом – социальная и экономическая.

В стране миллионы беспризорных, десятки тысяч несовершеннолетних ежегодно становятся сиротами при живых родителях и находятся в социально опасных условиях. Они уходят из дома, бегут из школ-интернатов, в которых подвергаются всем видам насилия [2, с. 432]. В Москве, Санкт-Петербурге тысячи несовершеннолетних проституток. Это общеизвестные и позорные факты. Разумеется, закон должен охранять неприкосновенность любого несовершеннолетнего, независимо от характеристики его личности. Однако, государство допустило существование проституции несовершеннолетних. Если оно при этом борется с развратными действиями в отношении их, то такая ситуация выглядит несколько странно. Если бы удалось ликвидировать социально опасные условия, в которых находятся сотни тысяч несовершеннолетних, то это, несомненно, привело бы и к сокращению многих преступлений. Действовать надлежит именно в этом направлении.

Выдающийся русский криминолог Д.А. Дриль писал, что причины преступности не в одних только преступниках, в их «злом умысле» и «злой воле». Для борьбы с преступностью необходимо устранить порождающие ее причины и не только ближайшие, но и отдаленные [1, с. 584]. По аналогии: о борьбе с наркоманией. Председатель комитета по охране здоровья Государственной Думы С.В. Калашников одобряет принудительные и жесткие меры по отношению к наркозависимым. Из интервью с ним известно, что в центрах реабилитации наркоманов применяют «крайне жесткие меры» (уточним, что некоторые из них не что иное, как преступление). Предлагая универсальный российский метод что-то сделать платным, С.В. Калашников считает, что других не существует [6]. Почему же нет? Главным образом надо бороться с подпольными лабораториями, с ввозом наркотиков в страну, сбытом, в первую очередь, с ОПГ, их руководителями и их коррумпированными покровителями. Казалось бы, именно здесь приемлемы жесткие и крайне жесткие меры борьбы, но практика показывает, что ОПГ для закона недосягаемы. Потому-то и борьба с наркоманией в стране малоэффективна.

Возвращаясь к нашей непосредственной теме, отметим, что девиантное поведение в сексуальной сфере в целом — не врожденное заболевание. Давно известно, что его формируют жизненные условия и воспитание. Разумеется, борьба с половыми преступлениями подразумевает и уголовно-правовые методы, в т.ч. лишение свободы,

применение принудительных мер медицинского характера. Однако максимальные меры наказания по ст. 135 УК РФ, тем более не хирургические операции, – не способ искоренения этого преступления. При самой высокой технике их проведения это варварство — ненужное, бесполезное, позорное, и оно остается таковым, кто бы к нему не призывал – врач, юрист или депутат парламента. Сторонникам столь радикальных мер можно напомнить, что одним из принципов российского уголовного права является гуманизм, и ст. 7 УК РФ указывает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Одновременно мы в полной мере сознаем, что гуманизм — это не одностороннее понятие, адресованное исключительно преступнику. Та же ст. 7 УК РФ говорит, что уголовное законодательство РФ гарантирует безопасность человека, и, в первую очередь, государство обязано обеспечить безопасность личности, общества в целом от преступных посягательств, от неблагополучных в криминальном отношении лиц. Некоторые страны в своем законодательстве разграничивают уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера и меры безопасности. К мерам безопасности могут относиться интернирование, меры, применяемые к душевнобольным, лечение и др.

Очевидно, следует изучить в этом отношении опыт правовых, цивилизованных государств. Этот опыт различен, во всяком случае, в прошлом. Создавались учреждения полубольничного, полутюремного профиля. В некоторых странах в отношении «неисправимых» преступников и в настоящее время выносятся приговоры на неопределенный срок. Предлагается наказание сочетать с лечением. В то же время есть весьма авторитетные ученые, выступающие против их совмещения. Такой точки зрения, в частности, придерживался В.П. Сербский. Впрочем, мнений по этому вопросу высказано очень много, но международные конференции по указанной теме не смогли выработать единой позиции. Что касается принудительного лечения, особенно тех, кто ничего преступного не совершил, а лишь потенциально на него способен, то предлагается, чтобы каждое государство самостоятельно урегулировало эту проблему с учетом многих факторов, присущих той или иной стране, но в рамках международных стандартов правоохранительной деятельности.

Каковы же возможные варианты решения проблемы в России? Прежде всего, необходимо ее глубокое изучение, как в прошлом, так и в настоящем, как в нашей стране, так и за рубежом. Есть страны, в которых число половых преступлений незначительно, и этот феномен должен найти объяснение. В других удалось су-

щественно сократить их количество. Решающее значение в решении проблемы приобретают рекомендации специалистов.

Если преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ, совершил вменяемый, то наказание в виде лишения свободы до 3-х лет вполне достаточный срок для того, чтобы виновный сделал соответствующие выводы. Рецидив, возможно, должен наказываться строже. В отношении невменяемого применяются принудительные меры медицинского характера. Если преступление совершил вменяемый, но с отклонениями в сфере психики, то в этом случае требуется сочетание наказания и лечения с последующим наблюдением, что предусмотрено ст. 99 УК РФ. Если лицо лишь потенциально опасно, если фиксируется неблагоприятное развитие заболевания, то следует убедить его, его родственников в необходимости лечения, которое по желанию должно быть анонимным.

Вот эта часть проблемы – лечение и особенно возможность принудительного лечения криминально неблагополучной личности, действительно, представляет сложность. Варианты существуют, но объем нашей статьи не позволяет детально их осветить и обсудить, хотя дискуссия по ним необходима. Что касается идей ломброзианства, то их место в архиве истории. Нет смысла их использовать для решения современных проблем борьбы с преступностью.

Список литературы

1. *Дриль Д.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006.

2. Криминология / Под ред. Г.Л. Касторского. СПб, 2007.

3. *Куликов В.* Детская болезнь // Российская газета от 01.10.2009.

4. *Лунеева А.В.* Особенности уголовно-правовой регламентации и статистики детоубийств // Российский следователь. 2011. № 3.

5. Судебная психиатрия / Под ред. А.С. Дмитриева, Т.В. Ткаченко. М.,1998.

6. Я уколов не боюсь. Интервью с С.В. Калашниковым // Российская газета от 14.02.2013.

А.В. Рагулин
Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, г. Уфа, Россия

Международный научно-практический журнал «Евразийская адвокатура» как средство консолидации адвокатского сообщества

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования и развития международного научно-практического юридического журнала «Евразийская адвокатура» как важного средства консолидации адвокатского сообщества на евразийском правовом пространстве. Отмечается, что научные журналы являются основным звеном научного обеспечения реформирования законодательства. Обращается внимание на основные цели проекта: формирование совокупности научно-обоснованных предложений, направленных на совершенствование законодательства и практики его применения в государствах бывшего СССР, и доведение их до сведения максимально широкого круга заинтересованных лиц; на создание эффективного механизма публичной дипломатии, позволяющего оказывать влияние на процессы реформирования законодательства и практики его применения на территории Российской Федерации и стран бывшего СССР.

Ключевые слова: адвокатура, научный журнал, евразийская интеграция, «Евразийская адвокатура».

Abstract. In article questions of functioning and development of the international scientific and practical legal journal «Eurasian advocacy» as important mean of consolidation of advocates community on the Eurasian legal space are considered. It is noted that scientific journal are the main link of scientific ensuring reforming of the legislation. The author has paid attention to main objectives of the project: formation form a set of research-based proposals aimed at improving legislation and practice of its application in countries of the former USSR, and bringing them to the attention of the widest possible range of stakeholders; creation of the effective mechanism of the public diplomacy, allowing to have impact on processes of reforming of the legislation and practice of its application on territories of the Russian Federation and the countries of the former USSR.

Keywords: advocacy profession, scientific journal, Eurasian integration, «Eurasian advocacy».

В связи с начавшимся активным развитием интеграционных процессов на евразийском правовом пространстве, адвокатам и иным представителям юридического сообщества нужна единая площадка для научно-практического обсуждения и осмысления этих процессов. Журнал «Евразийская адвокатура» следует рассматривать как определенный информационный прорыв в этом направлении [2, с. 6-7]. Анализ содержания и практика применения

современного законодательства России и стран бывшего СССР показывает, что его реформирование нередко осуществляется на недостаточно продуманной научной основе и без учета положений иного, вновь принимаемого, законодательства [3, с. 46-49]. В связи с этим необходимо выдвинуть тезис о том, что реформирование законодательства и совершенствование практики его применения невозможно без надлежащего научного обеспечения этих процессов [4, с. 128-140]. Результаты научной деятельности ученых-юристов традиционно публикуются в виде статей на страницах научной периодики, главенствующая роль среди которой принадлежит научным журналам [1, с. 135-140.]

Научные журналы, в свою очередь, являются основным звеном научного обеспечения реформирования законодательства, поскольку именно со страниц журналов представители органов законодательной власти получают оперативную и подробную информацию об оценке предлагаемых к принятию законопроектов и действующих нормативных актов со стороны ученых-юристов и правоприменителей. Во многом благодаря идеям, сформулированным в научных статьях, появляются новые законопроекты и принимаются новые законы.

Исследования показывают, что юридическая периодика пользуется традиционно высоким спросом не только среди парламентариев и сотрудников аппарата органов законодательной власти, но и среди правоприменителей, от которых в той или иной степени зависит принятие организационно-управленческих и иных значимых решений. Это обусловлено тем, что материалы научных статей содержат информацию, помогающую практикующим юристам системно понимать положения законодательных актов и правильно применять правовые нормы. В то же время анализ научной деятельности исследователей показывает, что результаты их научных разработок нередко остаются неизвестными широкой научной общественности по причине затрудненности их опубликования в специализированных научных изданиях.

Редакции большинства научных журналов, по различным причинам, не имеют возможности на безвозмездной основе осуществлять опубликование перспективных научных работ и широкое распространение журналов, где они опубликованы, среди лиц, потенциально заинтересованных в получении научной информации. Эти лица существенно ограничены в возможности ознакомления с результатами научных исследований, как по причине длительности их опубликования, так и в силу того, что периодические издания, как правило, целенаправленно, массово и безвозмездно не рассылаются в образовательные и научные организации, органы государ-

ственной власти и управления. В связи с этим сотрудниками Евразийского научно-исследовательского института проблем права при содействии Российской академии адвокатуры и нотариата и Гильдии российских адвокатов начата реализация беспрецедентного по своей масштабности проекта, который позволил бы авторам научных исследований по проблемам совершенствования законодательства довести до сведения заинтересованных лиц их результаты, а заинтересованным лицам – ознакомиться с ними и использовать их в законотворческой и практической деятельности. Название этого проекта – международный научно-практический юридический журнал «Евразийская адвокатура».

На базе журнала сформирована независимая информационно-аналитическая площадка для обмена мнениями по проблемам совершенствования законодательства и практики его применения в странах бывшего СССР и иных государствах евразийского правового пространства. Целями проекта являются:

- формирование совокупности научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование законодательства и практики его применения в государствах бывшего СССР и доведение их до сведения максимально широкого круга заинтересованных лиц;
- создание эффективного механизма публичной дипломатии, позволяющего оказывать влияние на процессы реформирования законодательства и практики его применения на территории Российской Федерации и стран бывшего СССР.

Отличие данного проекта от иных средств массовой информации заключается в следующих особенностях:

- независимость;
- привлечение широкого круга экспертов и авторов из государств бывшего СССР и стран дальнего зарубежья;
- отсутствие цели извлечения прибыли;
- нацеленность на массовое бесплатное распространение научной информации среди заинтересованных лиц;
- конкретно-определенная общественно-полезная миссия.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, ему присвоен ISSN, подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». *Номера журнала на настоящий момент выпускаются шесть раз в год (один раз в два месяца).* Объем журнала 110-160 полос.

В состав Редакционного совета журнала входят ведущие российские ученые-правоведы, специалисты в области исследования

адвокатской деятельности и адвокатуры, правозащитной и правоохранительной деятельности. Среди них:

— Мирзоев Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

— Володина Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

— Власов Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата по научной работе (Российская Федерация, г. Москва);

— Галоганов Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва);

— Грудцына Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

— Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва).

Членами редакционного совета журнала являются ведущие ученые-правоведы, представители государств бывшего СССР. В их число входят: Надир Адил оглы Адилов, доктор философии по юридическим наукам, Генеральный секретарь Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку); Нурлан Еркинович Жанабилов, доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, Первый Вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия», Заведующий Секретариатом Государственного Секретаря Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Астана); Василий Александрович Попелюшко, доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог).

В состав редакционного совета привлечены ведущие ученые — исследователи проблем адвокатской и правозащитной деятельности из государств Европы и Азии: Сьеф ван Ерп, магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного

права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт); Огава Акитсю, магистр права, адвокат, патентный поверенный, доцент Университета торговли и бизнеса, председатель Международного комитета Ассоциации адвокатов префектуры Айчи, член Комитета по международному обмену Ассоциации адвокатов Японии (Япония, г. Токио и г. Нагоя); Хосе Норонья Родригес, доктор права, адвокат, директор центра Юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г Понта Дельгада); Фредерик Анджей Цолль, доктор права, профессор кафедры гражданского права Ягеллонского университета, Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Республика Польша, г. Краков); Саймон Нгай Ман Янг, магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг).

Печатный вариант журнала распространяется следующими способами:

• по платной подписке (редакционная подписка, подписка через Объединенный каталог «Пресса России» и через альтернативные подписные агентства);

• по бесплатной рассылке (авторам публикуемых в журнале материалов, членам редакционного совета, ведущим ученым по проблемам адвокатуры и адвокатской деятельности, в органы законодательной власти России и государств бывшего СССР, в органы исполнительной власти России и государств бывшего СССР, взаимодействующие с адвокатурой (министерство юстиции, министерство внутренних дел, министерство образования и науки, следственные органы, прокуратура, их подразделения), в органы судебной власти России и государств бывшего СССР (Конституционный суд, Верховный суд, арбитражные суды), в ведущие учебные заведения России, стран бывшего СССР и зарубежных государств, в органы адвокатского самоуправления России, стран бывшего СССР и зарубежных государств, в общественные объединения адвокатов России, стран бывшего СССР и зарубежных государств, в ведущие адвокатские образования России, стран бывшего СССР и зарубежных государств.

Электронный вариант журнала распространяется бесплатно:

• по e-mail рассылке (более 25 000 адвокатов, сотрудников государственных органов, частнопрактикующих юристов, ученых и научных работников, студентов);

• на платформе научных электронных библиотек elibrary (http://www.elibrary.ru) и «Киберленинка» (http://cyberleninka.ru) в свободном доступе;

• на сайте журнала eurasian-advocacy.ru (в свободном доступе для неограниченного круга лиц). Средняя посещаемость веб-сайта в настоящий момент составляет 100-150 уникальных посетителей в сутки.

Материалы, представленные для опубликования, размещаются в рамках тематических рубрик журнала.

В рубрике «Персона» публикуются интервью с видными учеными-юристами и специалистами-практиками.

Новостной блок журнала представлен тремя рубриками. В рубрике «События» публикуются новости, связанные с организацией и деятельностью адвокатуры в государствах евразийского пространства. Рубрика «Актуальная информация» предназначена для размещения информационных сообщений, представляющих интерес для читателей. В рамках рубрики «Специальный репортаж» публикуются подготовленные силами редакции репортажи с важнейших российских и зарубежных мероприятий, посвященных вопросам организации и деятельности адвокатуры.

Научные статьи размещаются в тематических рубриках: «Исторический опыт», «Проблемы организации и функционирования адвокатуры» «Актуальные вопросы адвокатской практики», «Профессиональная этика и дисциплинарная ответственность адвоката», «Защита профессиональных прав адвоката», «Правосудие и правоохранительная деятельность в Евразийском пространстве», «Права человека в Евразийском пространстве», «Актуальные проблемы юридической науки и практики», «Политика и экономика Евразии», «Юридическая наука и образование», «Обмен опытом», «Обзоры», «Рецензии».

Научные статьи проходят процедуру двойного рецензирования, имеют развернутую аннотацию на русском и английском языке, ключевые слова и пристатейные библиографические списки. Все публикуемые в журнале «Евразийская адвокатура» материалы являются актуальными, новыми, имеют научную и практическую значимость.

За прошедший год авторами журнала стали видные ученые и практические работники, представители Российской Федерации (гг. Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Калининград, Курган, Москва, Нижнекамск, Омск, Пенза, Пятигорск, Оренбург, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Тольятти, Тюмень, Троицк, Ульяновск, Казань, Уфа, Челябинск, Якутск), стран

бывшего СССР (гг. Алма-Ата, Астана, Бишкек, Духовщина, Запорожье, Киев, Сухум, Ужгород, Ереван, Острог, Тараз, Ташкент, Баку, Усть-Каменогорск, Харьков, Хмельницкий) и дальнего зарубежья (гг. Гонконг, Женева, Прага). Тем самым редакция обеспечивает широкое представительство авторов (по географическому признаку) на страницах издания.

За 20012-2013 гг. журнал принял активное участие в качестве информационного партнера и соучредителя научных мероприятий и юридических форумов:

- ✓ «Адвокатура. Государство. Общество», ежегодная научно-практическая конференция;
- ✓ «Кутафинские чтения», международная научно-практическая конференция;
- ✓ Олимпиада школьников по праву Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина;
- ✓ «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения», международная научно-практическая конференция;
- ✓ «Профессиональная деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве», международный открытый конкурс научных работ им. Е.Г. Мартынчика.

Кроме того, журнал активно освещает мероприятия, проводимые Гильдией российских адвокатов и Евразийским научно-исследовательским институтом проблем права.

В ближайших планах редакции журнала дальнейшее привлечение международных экспертов и зарубежных авторов; увеличение распространяемости журнала; расширение круга организуемых и поддерживаемых мероприятий.

Международный научно-практический юридический журнал «Евразийская адвокатура» со временем станет важным и эффективным средством содействия научному обеспечению процесса законотворческой и правоприменительной деятельности на евразийском пространстве, что позитивно отражается на обеспечении безопасности личности, общества и государства.

Литература

1. *Воронов А.А.* Системный подход к исследованию адвокатуры и науки об адвокатуре // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2).

2. Евразийская адвокатура-путь к консолидации. Интервью с доктором юридических наук, профессором, Президентом Гильдии российских адвокатов, ректором Российской Академии адвокатуры и нотариата Гасаном Борисовичем Мирзоевым // Евразийская адвокатура. 2012. № 1 (1).

3. *Заборовский В.В.* Правовой анализ некоторых аспектов Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» // Евразийская адвокатура. 2012. № 1 (1).
4. *Рагулин А.В.* Формирование науки об адвокатуре в России // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3).

В.С. Спиридонова,
Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
И.В. Яровинский
Выборгский районный суд, г. Санкт-Петербург, Россия

Государственная молодежная политика Российской Федерации и ее правовое регулирование в контексте интеграции в евразийское сообщество

Аннотация. Сегодня в Российской Федерации еще не выработан единый подход к формированию системы законов, отражающих вопросы государственной молодежной политики. При сравнении соотношения федеральных и региональных законов и подзаконных актов, регулирующих данные вопросы, можно легко установить гораздо более высокую правотворческую активность субъектов РФ и зарубежных стран в этой сфере.
Ключевые слова: государственная молодежная политика, Российская Федерация, молодежный парламентаризм.
Abstract. Today, Russia has not yet developed a unified approach to the formation of the system of laws reflecting the problems of the state youth policy. When comparing the ratio of Federal and regional laws and regulations governing these issues, you can easily set up much more than high law-making activity of the subjects of the Russian Federation and foreign countries in this sphere.
Key words: the state youth policy, the Russian Federation, the youth parliamentarism.

Государственная молодёжная политика рассматривается сегодня как система государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи, для развития её потенциала в интересах Российской Федерации и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение её конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности. Анализируя законодательство РФ, регулирующее государственную молодежную политику (далее – ГМП), можно сделать выводы об основных тенденциях, характеризующих сегодняшний

этап развития правового регулирования. Они формулируются следующим образом:

- отсутствие четкой стратегии формирования законодательства РФ, регулирующего государственную молодежную политику;
- непроработанность вопроса о месте данного законодательства в правовой системе России;
- нестабильность правового поля ГМП на федеральном уровне;
- недостаточная согласованность действий федеральных органов исполнительной власти в вопросах, касающихся реализации конституционных прав и свобод молодых граждан;
- проявление субъективизма со стороны должностных лиц федеральных органов государственной власти в вопросах оценки роли ГМП и ее правового регулирования в российском обществе;
- угроза свертывания системно-программного подхода к осуществлению ГМП в России.

Авторы считают, что в обобщенном виде система законодательства о государственной молодежной политике должна состоять из следующих основных элементов: 1) норм, регулирующих вопросы ГМП и закрепленных в Конституции РФ и федеральных конституционных законах, касающихся деятельности Правительства РФ и других органов государственной власти; 2) международных договоров и соглашений РФ, содержащих правовые положения о ГМП; 3) базового федерального закона о ГМП; 4) специальных (видовых) федеральных законов, регулирующих отдельные виды деятельности в сфере ГМП; 5) федеральных подзаконных актов по вопросам ГМП; 6) региональных законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих ГМП в субъектах РФ; 7) муниципальных правовых актов по вопросам работы с молодежью.

1. В вышеуказанной системе сегодня отсутствует лишь один элемент — базовый федеральный закон о государственной молодежной политике. К сожалению, до сих пор не удается поставить точку в вопросе о его принятии. Ряд имеющихся федеральных нормативных правовых актов о ГМП не могут восполнить пробел, связанный с его отсутствием. Оно выглядит непонятным в ситуации, когда 85% субъектов РФ ввели в действие собственные базовые законы в данной сфере, а в остальных — подготовлены и обсуждаются соответствующие проекты.

В период с 2000 по 2013 гг. неоднократно предпринимались попытки вернуться к вопросу о базовом федеральном законе в сфере ГМП. Ряд депутатов Государственной Думы ФС РФ подготовил и представил проект Федерального закона «О государственной моло-

дежной политике в Российской Федерации» [8], но он был недостаточно продуманным и проработанным с точки зрения юридической техники и слабо учитывал имеющийся опыт законодательного обеспечения ГМП.

Правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ выдвинуло серьезные замечания по данному законопроекту [1]. В заключении управления, в частности, отмечалось, что реализация подобного закона создаст серьезные трудности в правоприменительной практике. Обращалось в частности, внимание на необходимость уточнения и согласования основных понятий законопроекта с положениями действующего законодательства РФ, а также на декларативность принципов государственной молодежной политики и отсутствие механизмов реализации отдельных ее направлений.

Правительство РФ, выразившее в целом отрицательное мнение по отношению ко многим положениям указанного законопроекта, выступило против принятия его в представленной редакции. Претензии и замечания содержатся в официальном отзыве Правительства Российской Федерации на законопроект № 428343-4 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации». Со значительным большинством из них следует согласиться.

На наш взгляд, требуется внесение многих корректив в текст законопроекта или подготовка новой его редакции. Прежде всего, необходимо определиться с вопросом о правовом закреплении возраста молодежи. По нашему мнению, следует поддержать предложение Правительства РФ об установлении возрастных границ молодежи от 14 до 30 лет, соответствующих утвержденной им в 2006 г. Стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации. Снижение возраста до 25 лет нанесет вред как законодательствам субъектов РФ по вопросам ГМП, так и механизму ее разработки и реализации, нарушит преемственность в работе с молодежью, вызовет ненужные проблемы во взаимоотношениях молодых людей и их объединений, молодых семей. В результате, во вступившей в силу редакции Стратегии государственная молодежной политики в Российской Федерации определили, что такая политика осуществляется в отношении граждан в возрасте от 14 до 30 лет [5].

Однако, со стороны некоторых влиятельных лиц без приведения юридических оснований, без каких-либо ссылок на конкретные правовые акты, продолжает иметь место утверждение, что верхней границей «стандарта молодости» согласно международным документам является возраст 25 лет. Именно под их фактическим давлением в последнем варианте проекта Федерального закона «О государственной молодежной политике в Российской Федерации»

верхнюю возрастную границу молодежи определили в 25 лет. И это произошло в условиях, когда в России в соответствующих законах субъектов РФ, за исключением города Москвы, есть уже устоявшаяся правовая позиция о том, что молодежь — это граждане от 14 до 30 лет.

Определение молодежи как лиц в возрасте от 14 до 25 лет не является никаким международным обязательством России. ООН, например, использует подход, согласно которому верхняя возрастная граница молодежи зависит от воли законодателя конкретного государства, национальных и культурных особенностей, интересов населения. Такой подход позволяет учитывать национальные особенности молодежной политики конкретного государства и его соответствующее законодательство. За рубежом понятие «молодежь» определяется, исходя из различных компонентов и подходов. Возрастные границы понятия «молодежь», принятые в большинстве европейских стран, находятся в интервале от 13-14 до 29-30 лет.

Принятие базового федерального закона в сфере государственной молодежной политики позволит:

- закрепить понятие «молодежь» и другие ключевые категории ГМП;
- определить специфику реализации конституционных прав и свобод молодых граждан;
- установить четкий статус ГМП и ее место в общей политике государства;
- выработать общегосударственный подход к осуществлению и правовому регулированию ГМП в России;
- разграничить полномочия в сфере ГМП между федеральными и региональными органами государственной власти;
- сформировать механизм участия молодежи и ее объединений в управлении делами государства и осуществлении его молодежной политики;
- обеспечить приведение юридических норм, касающихся молодежи и ГМП, в соответствие с новым уровнем развития российского общества;
- повысить эффективность действия уже существующих норм права, касающихся молодых граждан и системы работы с ними;
- инициировать соответствующие изменения и дополнения в действующих редакциях федеральных законов и подзаконных актов, регулирующих вопросы работы с молодежью;
- начать процесс оптимизации правовых основ работы с молодежью в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях.

Если говорить о наименовании указанного закона, то, по-видимому, следует определиться, выбрав между двумя приемлемыми названиями — «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» и «О государственной молодежной политике в Российской Федерации». В пользу первого варианта говорит, то, что: 1) основное предназначение базового федерального закона в сфере ГМП состоит в определении особенностей правового статуса молодежи и установлении правовых основ разработки и реализации ГМП в России. В нем должны найти отражение как специфика реализации системы конституционных прав и свобод молодых граждан, так и вопросы участия молодежи и ее объединений в осуществлении ГМП; 2) данное наименование имеет исторические корни. Впервые аналогичное название предлагалось в 1989 г. для соответствующего Закона СССР, а принятый в апреле 1991 г. союзный Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» [2] можно было бы вполне назвать и «О молодежи и государственной молодежной политике в СССР»; 3) указанное название соответствует такому документу, как модельный Закон «О молодежи и государственной молодежной политике», принятому Постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 12.06.2000 г. № 10-15 и предназначенному для использования в национальных законодательствах [4]. Второй вариант имеет более широкую поддержку в российском обществе, о чем свидетельствуют многие дискуссии по рассматриваемому вопросу, а также название законопроекта, предложенное депутатами Государственной Думы ФС РФ прошлого созыва и поддержанное молодежной общественностью. Дополнительным фактором является то, что наименование «О государственной молодежной политике» имеет большее распространение среди принятых базовых законов субъектов Российской Федерации в сфере ГМП.

Структура Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации», на наш взгляд, должна состоять из преамбулы и пяти глав, правовые нормы которых призваны соответственно определять: 1) общие положения, на которых строится ГМП и законодательство о ней в России, основные понятия и предмет регулирования Федерального закона, полномочия федеральных и региональных органов государственной власти в сфере ГМП, формы участия органов местного самоуправления в ее осуществлении; 2) особенности правового положения молодых граждан в РФ, характеризующие специфику реализации политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод молодых граждан; 3) правовой механизм разработки и реализации ГМП в Россий-

ской Федерации; 4) правовые формы и гарантии участия молодежи в осуществлении ГМП; 5) гарантии осуществления настоящего Федерального закона, формы ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц за его исполнение, порядок вступления в силу и приведение нормативных правовых актов в соответствие с ним.

2. Наряду с отсутствием базового федерального закона в сфере ГМП есть другая проблема, которая до сих пор затрудняет развитие законодательства РФ о государственной молодежной политике. Речь идет об отсутствии в Конституции РФ какого-либо упоминания о ГМП. Мнения по этому поводу у правоведов расходятся. На наш взгляд, ошибочным является мнение, что в Конституции ни в коем случае не стоит указывать различные группы населения. Зарубежный опыт целого ряда действующих конституций говорит об обратном.

Конституционные законодательства многих зарубежных государств закрепляют в общих чертах конституционно-правовые основы работы с молодежью. Так, в конституциях Венгерской Республики, Италии, Испании, Йеменской Республики, КНР, Кубы, Кувейта, Ливии, Республики Беларусь, Республики Молдова, Республики Хорватия, Румынии, Сирии, Словацкой Республики, Таиланда, Турции, ФРГ, Португалии, Филиппин, Швейцарской Конфедерации и ряда других государств есть формулировки о молодежи и (или) молодежной политике. Большинство развитых стран идет по пути принятия на основе своих конституций комплекса законов и подзаконных актов, в которых находят отражение вопросы, касающихся непосредственно молодежи.

По нашему мнению, в Конституции как Основном законе государства должны определяться пределы осуществления ГМП, правовые основы взаимоотношений государства с молодежью как особой частью населения. По нашему мнению, отсутствие в Конституции РФ слова «молодежь» и словосочетания «молодежная политика» не способствует эффективной деятельности государства по созданию условий для социального развития молодого поколения нашей страны.

Федеральные органы государственной власти во многом выиграли бы в политическом плане, если бы инициировали включение в Конституцию РФ положений о молодежи и молодежной политике. Можно предложить следующие изменения и дополнения в Конституцию РФ, касающиеся ГМП: 1) пункт «е» части 1 статьи 72, устанавливающей предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, после слов «физической культуры и спорта» дополнить словосочетанием «молодежной политики»; 2) статью 38 дополнить четвертым пунктом следующего содержания: «4. Госу-

дарство в порядке, установленном законом, осуществляет особую политику в отношении молодежи, направленную на создание условий для ее социального развития».

3. При формировании ГМП необходимо учитывать имеющиеся стратегические международные правовые документы по молодежной политике, среди которых:

✓ Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами (1965 г.), ориентирующая правительства, неправительственные организации и молодежные движения на проведение мероприятий, обеспечивающих воспитание молодежи в духе мира, справедливости, свободы равенства всех людей, взаимного уважения и взаимопонимания, а также на поощрение и расширение взаимного обмена, поездок, туризма, встреч, изучения иностранных языков и аналогичных видов деятельности среди молодежи всех стран;

✓ Руководящие принципы для дальнейшего планирования и осуществления соответствующих последующих мер, касающихся молодежи (1985 г.), признающие молодежь как одну из наиболее уязвимых в социальном отношении групп населения и содержащие конкретные рекомендации правительствам по выработке всеобъемлющей национальной политики в отношении молодежи;

✓ Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период (1996 г.), призывающая государства к реализации мер ГМП в 10 приоритетных областях, к которым относятся образование молодежи, ее трудоустройство, борьба с голодом и нищетой среди молодых людей, охрана их здоровья, участие молодежи в сохранении и улучшении состояния окружающей среды, профилактика наркомании в молодежной среде, борьба с юношеской преступностью, организация досуга молодежи, помощь молодым женщинам, участие молодежи в жизни общества и принятии решений;

✓ Лиссабонская декларация по молодежной политике и программам (1998 г.), содержащая обязательства правительств разных стран укреплять и совершенствовать инициативы, относящиеся к ГМП, и рекомендации, направляющие деятельность государств-членов ООН в данной сфере;

✓ Пересмотренная Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне (2003 г.), определяющая стратегии, инструменты и институциональные условия участия молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровнях;

✓ Рекомендации по гармонизации законодательных актов в сфере молодежной политики на общем рынке труда Евразийского

экономического сообщества, содержащие основные направления сближения и унификации национальных законодательств государств-членов ЕврАзЭС в сфере ГМП в соответствии с общепризнанными международными нормами и принципами регулирования трудовых отношений;

✓ модельный Закон «О молодежи и государственной молодежной политике», принятый Постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 12 июня 2000 г. № 10-15 и предназначенный для использования в национальных законодательствах. К настоящему времени имеется немало международных договоров (соглашений) РФ, напрямую или косвенно затрагивающих вопросы ГМП. К таковым относятся: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области молодежной политики (1995); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве по делам молодежи (2001); Соглашение между Правительством РФ и Кабинетом Министров Украины о сотрудничестве в области молодежной политики (2003), Соглашение между Правительством РФ и Правительством ФРГ в области молодежного сотрудничества (2004) и др.

Россией до сих пор не ратифицирована Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне, которая позволяет выделить 14 основных направлений региональной (муниципальной) молодежной политики: 1) организация досуга молодежи, поддержка молодежного спорта и молодежных общественных объединений; 2) обеспечение занятости молодежи и борьба с молодежной безработицей; 3) содействие решению жилищных и транспортных проблем молодежи и ее участию в формировании благоприятной среды обитания; 4) содействие образованию и профессиональной подготовке молодежи, способствующей ее участию в общественной жизни; 5) содействие международным молодежным обменам; 6) охрана здоровья молодежи; 7) обеспечение равенства между молодыми женщинами и мужчинами; 8) специальная политика в отношении сельской молодежи; 9) обеспечение возможностей для участия молодых граждан в культурной жизни и творческой деятельности молодежи; 10) обеспечение участия молодежи и молодежных организаций в охране окружающей среды; 11) борьба с насилием и профилактика преступности среди молодежи; 12) недопущение дискриминации молодежи и ее отдельных групп; 13) содействие половому воспитанию молодежи и планированию семьи; 14) обеспечение молодежи доступа к информации о своих правах и обязанностях. Следует обратить внимание на

то, что данная хартия (параграф 57) обязывает местные и региональные власти создать соответствующие структуры или механизмы, позволяющие обеспечить участие молодежи в принятии касающихся ее решений. В хартии (параграф 59) определяется, что эффективное участие молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне должно быть основано на понимании молодыми людьми происходящих вокруг них социально-культурных изменений и требует наличия постоянного представителя или структуры такой, как молодежный совет, молодежный парламент или молодежный форум.

Необходимо обеспечить внесение соответствующих изменений и дополнений в действующий Классификатор правовых актов, где до сих пор отсутствует молодежная составляющая [6]. Россия могла бы перенять опыт отражения вопросов ГМП в правовых классификаторах других стран. Например, Общеправовой классификатор отраслей законодательства Республики Узбекистан имеет раздел 010.310.000 «Законодательство о молодежной политике» [7]. В Едином правовом классификаторе Республики Беларусь вопросы ГМП предусматриваются в разделе 01 «Конституционное законодательство» (подраздел 01.10.06 — Молодежные, детские, женские организации, объединения ветеранов и инвалидов») [3].

Сегодня ощущается недостаточность законов и иных нормативных правовых актов, мотивирующих участие молодежи и ее объединений в осуществлении государственной молодежной политики и управлении делами государства. Необходимы специальные меры в этом направлении. К ним следует отнести такие, как: а) ратификация Европейской хартии об участии молодежи в общественной на местном и региональном уровне; б) создание нормативной правовой базы для развития молодежного парламентаризма; в) формирование правовых основ молодежной политики в государственных органах, направленной на привлечение талантливых молодых граждан на государственную службу и их продвижение по ней; г) повышение правового статуса Национального Совета молодежных и детских объединений России; д) правовое закрепление четкого механизма взаимодействия органов государственной власти с объединениями молодежи, их координационными советами.

Особое внимание следует уделить развитию формирующейся системы российского молодежного парламентаризма. Целесообразно принять Федеральный закон «О государственной поддержке молодежного парламентаризма в Российской Федерации», который позволит определить общие принципы развития молодежного парламентаризма, формы и направления его государственной под-

держки, основы правового статуса молодежных парламентских структур.

Без целенаправленной работы по формированию действенной системы законодательства РФ о государственной молодежной политике двигаться дальше нельзя. Непринятие базового федерального закона в данной сфере ошибочно в правовом отношении и безответственно — в социальном плане для будущих поколений россиян. Безусловно, создание такого законодательства представляет собой процесс, который продлится не один год. Его эффективность определяется как действиями федеральных органов государственной власти, так и соответствующих усилиями органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Сегодня особенно актуальном выступает требование выработать четкий механизм взаимодействия органов власти всех уровней и ветвей по совершенствованию законодательства Российской Федерации о государственной молодежной политике.

Список литературы

1. Заключение по проекту федерального закона № 428343-4 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации», внесенному депутатами Государственной Думы А.М. Буратаевой, В.В. Рязанским, И.И. Гильмутдиновым и др.

2. Закон СССР от 16.04.1991 N 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» // Справочно-правовая система «Консультант-плюс». Документ утратил силу на территории Российской Федерации с 1 сентября 2013 года в связи с принятием Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

3. Единый правовой классификатор Республики Беларусь: Утвержден Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 1 (ред. от 6.08.2002 г.).

4. Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 2000. № 25-пр; Постановление Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 12 июня 2000 г. № 10-15 «О модельном законе "О молодежи и государственной молодежной политике"».

5. Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть III). Ст. 5622.

6. О классификаторе правовых актов: Указ Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511 (ред. от 28.06.2005 г.).

7. Приложение к постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27 октября 1998 г. № 454.

8. Проект Федерального закона № 428343-4 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» // Информационно-правовая система «Консультант-плюс» (дата обращения: 10.11.2013).

Ю.И. Стародубцев
Межрегиональный институт экономики и права
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

Сравнительно-правовой анализ трудового законодательства стран ЕврАзЭС: вопросы обеспечения дисциплины труда

Аннотация. Автором проводится анализ трудового законодательства стран ЕврАзЭС (Российской Федерации, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана), анализируются особенности норм о дисциплине труда (трудовой дисциплине) трудовых кодексов рассматриваемых стран, характеризуются общие черты, отмечается, что институт дисциплины труда (трудовой дисциплины) получил закрепление в законодательстве стран Евразийского сообщества.

Ключевые слова: ЕврАзЭС, дисциплина труда, трудовое законодательство, трудовой кодекс.

Abstract. The author is analyzing labor legislation of the countries of EurAsEC (Russian Federation, Belorussia, Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan). Moreover, the features of labor discipline of the labor codes of the EurAsEC countries are analyzing, the common features are characterizing. It is noted that the Institute of labor discipline got consolidation in the labor legislation of the EurAsEC countries.

Key words: EurAsEC, labor discipline, labor legislation, labor codes.

Правовое регулирование дисциплины труда содержится в отдельных главах Трудовых кодексов всех стран ЕврАзЭС.

Согласно ТК Республики Казахстан трудовая дисциплина — это надлежащее исполнение работодателем и работниками обязательств, установленных нормативными правовыми актами Республики Казахстан, а также соглашениями, трудовым, коллективным договорами, актами работодателя, учредительными документами, т.е. получается, что соблюдение трудовой дисциплины — обязанность не только работников, но и работодателя. Законодатель Республики Беларусь под трудовой дисциплиной понимает не только надлежащее выполнение работниками своих обязанностей, но и обязательное для всех работников подчинение установленному трудовому распорядку (ст. 193 ТК РБ). В РФ используется термин «дисциплина труда», подразумевающий подчинение работника правилам поведения, которые определяются кодексом и иными федеральными законами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и трудовым договором.

В Республике Туркменистан под дисциплиной труда понимается обязательное для всех работников подчинение правилам поведения, определенным в соответствии с трудовым законодательством Туркменистана, трудовым договором, коллективным договором (соглашением).

Каждый кодекс содержит перечень документов, которые регулируют трудовой распорядок. В кодексах пяти стран перечень данных документов совпадает: это правила внутреннего трудового распорядка, а также уставы и положения о дисциплине для отдельных категорий работников. В Республике Беларусь данный перечень дополнен коллективным договором, соглашениями, положениями и инструкциями по охране труда и технике безопасности и другими локальными нормативными правовыми актами, штатным расписанием, должностными инструкциями работников, графиками работ (сменности) и графиками отпусков. Главными методами укрепления трудовой дисциплины выступают методы поощрения и применение дисциплинарных взысканий. Что касается применения мер поощрения, то некоторые кодексы перечисляют меры поощрения, которые работодатель может применить к работнику за успехи в работе, продолжительную и безупречную работу, новаторство в труде и за другие достижения.

В ТК Таджикистана за успехи на работе, продолжительную и безупречную работу, новаторство в труде и за другие достижения в работе работодатель применяет следующие меры поощрения: объявление благодарности; выдача премии; награждение ценным подарком; награждение Почетной Грамотой; занесение на Доску Почета, в Книгу Почета. Правилами внутреннего трудового распорядка могут быть предусмотрены также и другие поощрения. За особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам.

В ТК Республики Казахстан работодатель вправе применять различные виды поощрений работников за успехи в труде. Виды поощрений работников и порядок их применения определяются законодательством Республики Казахстан, актами работодателя, трудовыми, коллективными договорами.

В ТК Республики Беларуси наниматель вправе поощрять работников. Виды поощрений работников за труд определяются коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка, а также уставами и положениями о дисциплине. За особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам в соответствии с законом.

В ТК Республики Туркменистан к мерам поощрения за труд относятся: объявление благодарности; выдача единовременной премии; награждение ценными подарками; награждение почетной грамотой. Коллективным договором (соглашением) могут быть предусмотрены и другие меры поощрения.

Определенным своеобразием обладают нормы о привлечении работников к дисциплинарной ответственности. В целом, виды дисциплинарных взысканий, налагаемых на работника за нарушение трудовой дисциплины, в странах ЕврАзЭС совпадают: в качестве общих взысканий можно выделить замечание, выговор и увольнение. Так, в Трудовом кодексе РФ за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; увольнение по соответствующим основаниям.

В ТК Таджикистан за нарушение трудовой дисциплины, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине работника возложенных на него трудовых обязанностей работодатель вправе применять следующие дисциплинарные взыскания: замечания; выговор; увольнение. Законами Республики Таджикистан, уставами и положениями о дисциплине могут быть предусмотрены для отдельных категорий работников также и другие дисциплинарные взыскания.

В ТК Республики Казахстан за совершение работником дисциплинарного проступка работодатель вправе применять следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание; выговор; строгий выговор; расторжение трудового договора по инициативе работодателя в случаях, установленных Трудовым кодексом. Применение дисциплинарных взысканий, не предусмотренных настоящим Кодексом и иными законами Республики Казахстан, не допускается.

В Трудовом кодексе Туркменистана за совершение дисциплинарного проступка наниматель может применить к работнику следующие меры дисциплинарного взыскания: замечание; выговор; увольнение (пункты 4, 5, 7, 8 и 9 статьи 42 Трудового кодекса). Для отдельных категорий работников с особым характером труда могут предусматриваться также и другие меры дисциплинарного взыскания. Право выбора меры дисциплинарного взыскания принадлежит нанимателю. При выборе меры дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть дисциплинарного проступка, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующая работа и поведение работника на производстве.

К работникам, совершившим дисциплинарный проступок, независимо от применения мер дисциплинарного взыскания могут применяться: лишение премий, изменение времени предоставления трудового отпуска и другие меры. Виды и порядок применения этих мер определяются правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, соглашением, иными локальными нормативными актами.

Виды и порядок применения таких мер определяются правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, соглашением, иными локальными нормативными правовыми актами.

Законодателям стран – членов ЕврАзЭС необходимо обратить внимание на следующее положение, а именно: соотношение самостоятельного института материальной ответственности работника перед работодателем с институтом дисциплины труда. Обратим внимание на мнение о том, что компенсационные виды ответственности, не имеющие признаков кары, вообще ответственностью считаться не должны. Думается, что материальная ответственность работника не может быть отделима от дисциплинарного проступка. Она выступает формой возмещения причиненного им ущерба, в случае если он реален. Институт материальной ответственности работника присутствует по всех трудовых кодексах государств-членов ЕврАзЭС. Факт исключения его самостоятельности привел бы к более точному описанию института трудовой дисциплины (или дисциплины труда) и прекращению дублирования норм об обстоятельствах, исключающих трудоправовую ответственность работника, процедур привлечения работника к трудоправовой ответственности, положений о грубом и негрубом правонарушении.

Список литературы

1. Официальный сайт ЕврАзЭС - http//www.evrazes.com

2. Трудовой Кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З.

3. Трудовой Кодекс Республики Казахстан от 15 мая 2007 г. № 251-III ЗРК.

4. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ.

5. Трудовой Кодекс Республики Таджикистан от 15 мая 1997 г.

6. Трудовой Кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года № 30-IV.

Н.Г. Стойко
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Состязательное правосудие и уголовный процесс в США

Аннотация. Статья посвящена основным чертам состязательного правосудия в США. Акцент делается на разграничение инквизиционного досудебного производства и состязательного судебного производства по уголовным делам. В заключение констатируется комбинированный или смешанный характер американского уголовного процесса.

Ключевые слова: состязательное правосудие, американский уголовный процесс, инквизиционное досудебное производство, состязательное судебное производство.

Abstract. The article devoted the main features of the adversarial justice in USA. The accent makes on to the distinction between the pre-trial inquisition and the adversarial trial in the criminal cases. The final ascertaining: the American criminal procedure represents the combined or mixed proceedings.

Key words: adversarial justice, American criminal procedure, pre-trial inquisition, adversarial criminal trial.

Понятие состязательности является ключевым для понимания того, что представляет собой американский уголовный процесс. Его цель состоит в принятии справедливого решения по уголовному делу в условиях беспристрастности, уважения прав и свобод человека и гражданина, корректности по отношению к сторонам и возможно полной информированности о предмете правового спора. Согласно теории состязательности это предполагает: 1) самостоятельность сторон в собирании, исследовании и представлении доказательств в своих собственных интересах; 2) возможность сторон активно контролировать ход судопроизводства; 3) пассивность и нейтральность суда (судьи и присяжных заседателей), лишь выслушивающего доводы и аргументы сторон; 4) обязанность судьи обеспечить процедурное равноправие сторон, строгое следование ими правил изложения доказательств и доводов; 5) исключительное право суда на разрешение рассматриваемого дела [1, с. 93-110].

Отсюда особая ценность процедур в американском судопроизводстве, построенном на жестком разделении функций собирания, представления и исследования доказательств и функции принятия решений. Система этих процедур, по сути, представляет собой особый механизм, дающий сторонам возможность и средства для достижения своих интересов и контроля над правильностью движения дела. Иначе говоря, акцент делается на способе, которым стороны продвигают свои интересы в процессе, а суд применяет закон или

прецедент. Причем принципиальным признается второстепенность содержания судебного решения, основанного на норме общего или законодательного права. Предполагается, что четко, корректно и беспристрастно проведенная процедура, построенная на противопоставлении позиций сторон, соревновании или игре интересов, приводит к более справедливому результату в сравнении с заранее предписанным законодателем всеобщим правилом [5, с. 224-226]. Так происходит потому, что тем самым уменьшается риск совершения ошибок, связанный с «естественной человеческой тенденцией слишком скоропалительно выносить суждение о том, что еще не полностью известно, на основании сравнения со знакомыми образцами» [1, с. 94].

Обладая свойством легитимности, процедура является значительно более гибкой в сравнении с эталоном, заданным законом или прецедентом, которые стареют значительно быстрее. Будучи общепризнанной, с одной стороны, и корректной в конкретном деле, с другой стороны, процедура облегчает одобрение принятого решения обеими сторонами, несущими ответственность за результат использования переданных им в распоряжение процессуальных средств [5, с. 225].

Сказанное, однако, не означает, что американский уголовный процесс вообще безразличен к достижению истины.

Действительно, производство по уголовному делу в США начинается с инквизиционного (розыскного) по своей сути полицейского расследования, осуществление которого нельзя назвать нейтральным. Скорее, по крайней мере, сразу после возбуждения дела (на первоначальном этапе расследования), оно концентрируется фактически на лице, подозреваемом в совершении преступления, и имеет целью собирание обвинительных доказательств. Конечно, розыскной характер полицейского расследования и его односторонность значительно «смягчены» распространением на данный этап производства по уголовному делу права на защиту, сильным судебным и атторнейским контролем, а также предоставлением каждому обвиняемому конституционно гарантированной возможности обратиться в суд присяжных. Тем не менее, состязательным по своей природе является только судебное разбирательство, подчиненное требованиям непрерывности и устности, когда каждое обвинительное доказательство должно быть представлено в виде «живого свидетельствования», а свидетели должны быть подвергнуты перекрестному допросу в условиях концентрированного по времени и не разделенного на этапы слушания. Такое разбирательство проводится перед нейтральным судом присяжных. Нейтральным потому, что он не знаком с обстоятельствами рассматриваемого

дела и не располагает его материалами (полицейским досье). Вот почему ход и содержание судебного исследования обстоятельств дела в определенном смысле зависит от стороны обвинения. Ведь версия защиты и обосновывающие ее доказательства выстраиваются относительно обвинительной версии и доказательств, а доводам и аргументам обвинения противопоставляются контрдоводы и контраргументы защиты. Причем каждая сторона, представленная поверенным (атторнеем или защитником), борется до победного конца («риторической смерти») за свое дело. Тем самым, обвинение и защита стремятся повлиять на то, чтобы решение присяжных заседателей было принято с учетом их позиций.

Иначе говоря, поскольку судебный процесс проходит в форме спора и каждая из сторон по определенным правилам излагает свою версию событий и стремится опровергнуть версию противоположной стороны, то выбор одной единственно верной версии остается за судом.

По сути дела, в суде производится своего рода состязательное испытание сторонами представленных друг другу доказательств и заявленных позиций. В результате такого испытания «слабые» доказательства, доводы и аргументы отвергаются, «сильные» — остаются. На их основе суд и должен разрешить дело по существу, руководствуясь критерием отсутствия разумных сомнений. Считается, что, если суд и стороны пользуются общими строгими правилами и критериями доказывания, действуя в пользу истины (и справедливости), а суд к тому же еще и следит за их соблюдением (как в ходе разбирательства, так и до него, осуществляя судебный контроль и обеспечивая принцип «равенства исходных возможностей»), то и результат будет истинным. Такой результат в силу высокой степени авторитетности судебного решения оказывает влияние на весь уголовный процесс, побуждая сторону обвинения не выдвигать «слабых» обвинений, прекращать уголовные преследования, идти на соглашения с обвиняемым, а сторону защиты — не рисковать непризнанием вины при отсутствии серьезных контрдоводов и аргументов [3, с. 5-6; др.].

Как отмечается в литературе, обвинители при этом ориентируются на некое «идеальное» дело, которое гарантирует признание подсудимого виновным в суде присяжных. Ключевыми признаками такого дела являются наличие серьезного правонарушения, убедительных или очевидных доказательств, а также опасного, заслуживающего наказание обвиняемого и надежного потерпевшего [4, с. 509-511].

По мнению ряда авторов, использование таких признаков в решении вопроса, заключать ли сделку о признании вины, позволя-

ет атторнею совместно с обвиняемым и его защитником (в ходе подчас длительных переговоров) определить круг доказанных «вне разумных сомнений» обстоятельств и уголовный закон, который следует к ним применить. Тем самым, обеспечивается вынесение приговора, наиболее соответствующего действительности и справедливого [2, с. 221].

Таким образом, состязательный процесс не отрицает истину как ориентир (даже если оказывается способен обеспечить лишь максимальную вероятность установления виновности или невиновности). Ведь существование уголовного процесса, который не был бы в принципе способен раскрывать преступления, изобличать действительных виновников их совершения, вряд ли возможно себе представить. Ведь без достижения истины невозможно наказание преступников и, следовательно, достижение положительного для всего общества эффекта контроля над преступностью через удержание многих людей от совершения преступлений. Именно поэтому не только процедурная справедливость, но и достижение истины может рассматриваться как определяющая характеристика американского уголовного процесса в целом. Значит, в действительности уголовный процесс США носит смешанный характер, «имеет черты как состязательной, так и обвинительной систем…» [2, с. 450].

С одной стороны, это выражается в полноте бремени доказывания обвинения, возлагаемой на прокурора (атторнея) (комбинированный подход) [2, с. 450], с другой стороны – в делении процесса на следственно-розыскное досудебное производство и состязательное судебное производство (обвинительный подход) [6, p. XVII].

Список литературы

1. *Бернэм У.* Суд присяжных заседателей. М., 1995.

2. *Бернам У.* Правовая система США. 3-й выпуск. М., 2006.

3. *Клейменов А.Я.* Состязательность в гражданском судопроизводстве Соединенных Штатов Америки. М., 2012.

4. Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели. СПб., 2003.

5. *Франковски С., Гольдман Р., Лентовска Э.* Верховный Суд США о гражданских правах и свободах. Варшава, 1998.

6. Criminal procedure. A Worldwide Study. Durham, North Carolina, 2007.

А.Ю. Сухих,
Управление на транспорте МВД РФ,
Б.Б. Тангиев
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Россия

Генезис развития миграционной преступности. Актуальные проблемы теории и практики

Аннотация. В статье исследуется проблема незаконной миграции в ретроспективном аспекте. Незаконная миграция влечет ряд негативных последствий: бедность, безработицу, преступность. В статье обозначена актуальность разработки и совершенствования законодательной базы в сфере незаконной миграции.

Ключевые слова: незаконная миграция, правовое регулирование, преступность, угроза, противодействие, исторический опыт, зарубежное законодательство.

Abstract. The problems of illegal migration in historical perspective is considered in the article. Illegal migration entails a number of negative consequences: poverty, unemployment, and crime. The article indicated relevance in the development and improvement of the legislative framework in the field of illegal migration.

Keywords: illegal migration, regulation, crime, threat, resistance, historical experience, foreign legislation.

Значимость проблематики нелегальной миграции в России обусловлена проявлением ряда тенденций, оказывающих негативное воздействие на социальные и экономические основы жизни российского общества. За последние годы значительно возросло общее число только нелегальных мигрантов, находящихся на территории России. Так, по данным ФМС РФ, в 2005 г. объемы нелегальной миграции в РФ оценивались в 3,8 млн. чел., а в 2012 г. — от 4,5 до 5 млн. чел. При этом на нелегальных мигрантов из стран СНГ приходится 1,8-2,0 млн. чел., т.е. меньше половины общей их численности, остальные являются выходцами из стран дальнего зарубежья. Основная масса нелегальных мигрантов прибывает в крупные города России в поисках работы. Наличие такого значительного числа бесконтрольно перемещающихся масс людей значительно осложняет социально-экономическую обстановку в городах, как в сфере труда, так и в сфере социально-бытовых отношений.

Значимость нелегальной миграции как нерегулируемого процесса, несущего в себе угрозу внутренней безопасности России, прежде всего, выражается в осложнении криминогенной обстановки. По данным МВД России, в 2012 г. количество убийств и покуше-

ний на убийство, совершенных нелегальными мигрантами, возросло на 25%; преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, – на 20%, с незаконным оборотом наркотиков – на 15% [17]. В последние годы все более явно прослеживается устойчивая взаимосвязь незаконной миграции и терроризма, возрастает массив трансграничной и транснациональной преступности с повышенной латентизацией.

Все это приводит к росту социальной напряженности, обострению многочисленных противоречий (межнациональных, межрелигиозных и др.), к конфликтам на межнациональной основе и создает реальную угрозу национальной безопасности государства. В этих условиях выработка эффективной системы противодействия нелегальной миграции является задачей первостепенной важности, поскольку должна обеспечить переход от выявления и пресечения отдельных видов преступлений и правонарушений в сфере миграции к комплексному правоохранительному воздействию на социально-экономическую систему и миграционную обстановку в целом. По мнению В.А. Ионцева, проблемы нелегальной иммиграции становятся не просто злободневными, но прямо связываются с ростом преступности, терроризма и другими негативными явлениями общественной жизни [9, с. 6].

Постепенное вхождение России в международный рынок труда положило начало развитию процессов внешней (международной) трудовой миграции в виде привлечения и использования в Российской Федерации труда иностранных граждан и лиц без гражданства, выезда российских граждан за границу с целью работы по найму [7, с. 29-31]. Масштабы легального и нелегального въезда в нашу страну иностранных граждан ставят перед государством и обществом новые трудные задачи. Проблема миграции в последние несколько лет стала для Российской Федерации одной из наиболее актуальных [1]. Естественно, что для решения данной проблемы на законодательном уровне должны создаваться правовые механизмы, основанные на всестороннем изучении ее проявлений. Но, и в отечественной юридической литературе, и в законодательстве по сей день отсутствует единый подход к пониманию термина «нелегальная иммиграция» или «незаконная миграция».

По мнению К.В. Ивахнюк, под нелегальной (незаконной) миграцией следует понимать: «въезд граждан одной страны в другую на неопределенное время, как правило, с целью нелегального в ней трудоустройства. Может происходить легально (в качестве туристов, приглашенных и т. д.) и нелегально (с нарушением государственной гра-

ницы или по поддельным документам), но и в том и в другом случаях с последующим нелегальным трудоустройством» [5, с. 270].

Знание и учет исторического опыта контроля за пересечением границы являются важным условием для организации комплексной работы по противодействию существующим угрозам на путях международного сообщения, в т.ч. и незаконной миграции. Российское государство за время своего существования накопило значительный опыт по защите национальных интересов на государственной границе, путях международного сообщения, что требует внимательного отношения к его изучению и практическому использованию.

Говорить о единых требованиях к осуществлению контроля за пересечением границ до образования русского централизованного государства не представляется возможным. Здесь располагалось несколько самостоятельных княжеств, подчинявшихся собственным законам, традициям, обычаям. Появление на границах княжеств каких-либо дополнительных специальных сил воспринималось как угроза и могло привести к военным столкновениям между феодалами. С XIII в. попыткам создания системы охраны границы, следовательно, и контроля за ее пересечением решительно противилась Золотая Орда. Система управления пограничным и таможенным контролем была рассчитана на обеспечение пропуска относительно небольших потоков лиц, пересекающих границу государства, и перевозимых через нее товаров. Основными категориями лиц, пересекавших границу в то время, продолжали оставаться посольские делегации и купцы с сопровождающими лицами.

Особое внимание уделялось пропуску посольских делегаций, правовым обеспечением которого были требования международных договоров (трактатов) и традиции: «Послов и знаменитых людей встречали на границе земли русской служилые люди и воеводы заставные и с честью, грамотами пропускными провожали по земле русской» [3, с. 46]. Организовывал пропуск Посольский приказ, пограничный и таможенный контроль осуществляли воеводы и представители этого Приказа, специально выезжавшие заблаговременно на границу. Существовала проверенная временем технология пограничного и таможенного контроля, которая включала в себя торжественную встречу, проверку соответствующих документов, размещение, сопровождение делегации в Москву и др. Выезд русских купцов за границу был затруднен, и если дозволялся, то лишь «с крепкою порукою и с особым дозволением, которое получить было нелегко». Если же торговец решал выехать за границу самовольно, то у него отбиралось все имущество, его родственников допрашивали, подвергали пыткам и отправляли в ссылку [13, с. 358].

Россия периода XVII-XVIII вв. уже имела нормативные правовые акты, регулирующие вопросы: свободы передвижения и выбора места жительства; регистрационного учета населения; выезда из Российской империи и въезда на ее территорию; правового положения иностранных граждан в России; российского подданства. В то время имелись уже и документы, удостоверяющие личность («проезжая грамота, писцовая книга, отписи, полные грамоты»). Паспорт как документ, удостоверяющий личность и право на выезд с места жительства, стал использоваться государством с середины XVII в. Как отмечает Т.Б. Николаева, паспортное законодательство конца XVII в. регламентировало учет и паспортизацию населения, а также было направлено на установление механизмов преследования беглых и дезертиров [10, с. 8-15].

В допетровской Руси не существовало свободного въезда иностранцев в Россию. Из Новоторгового устава от 22 апреля 1667 года видно, что из торгующих иностранцев разрешалось пропускать в Москву и другие города лишь тех, у которых будут «...Великаго Государя жалованныя грамоты о торгах, за красною печатью...» [8, с. 7]. Что же касается тех иностранцев, у которых таких грамот не было, то им запрещался въезд в Москву, а торговать они имели право только в приграничных городах.

Серьезные изменения во внешнюю политику государства, систему пропуска через границу внес Петр I. Личным примером, законодательными и организационными мерами был резко увеличен поток людей, транспортных средств, товаров через границу, причем как на въезд, так и на выезд из страны. Важной категорией лиц, пересекавших границу, стали иностранные специалисты (профессиональные ремесленники, архитекторы, купцы, судостроители, и т.п.). Петр I законодательно регламентировал правовой статус для этих иностранцев. В 1702 г. он издал Манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповеданий. Контракты с иностранными специалистами обычно заключались на 2-4 года, но многие из них работали в России по 20 и более лет, честно служа новой родине. Как видим, государство оперативно реагировало на необходимость ввоза квалифицированных специалистов, в зависимости от потребностей рынка и при этом исключалась всякая бюрократия, чиновничий произвол.

Петр строго следил за исполнением указа: в случае, если иноземный мастер хотел выехать за границу до контрактного срока, производилось строгое расследование, не было ли ему какого стеснения, не обидел ли его кто-нибудь, и хотя бы он не выразил прямо недовольства, а только показал вид недовольного, предписывалось жестоко наказывать виновных. Такие выгоды давались иноземным

мастерам и фабрикантам с одним непременным условием: «учить русских людей без всякой скрытности и прилежно» [6, с. 192]. Был определен и порядок пересечения границы в этом случае: «...всякий, кто захочет въехать сюда для службы в нашем войске, может явиться со всеми находящимися при нем людьми и обиходом к первому губернатору или наместнику на границе — и оттуда на свободных подводах без всякой оплаты, спокойно и без опаски на своем пути следовать вплоть до самой нашей столицы.

И для этого мы приказываем послать сего же числа указы и наказы для всех наших наместников, губернаторов и приказных людей как на границе, так и на пути от Киева, Смоленска и Пскова к столице, чтобы там приезжающим офицерам не учинили бы никакой помехи и беспокойства, но, наоборот, встретили бы их со всяким вспомогательством и добрым благоволением.

Подобно воинским людям, такою же милостью будут свободно, пропуском, волею и честью удовольствованы и купцы, и художники, которые намерены будут ехать сюда» [6, с. 194].

Екатерина II, продолжая традиции Петра I, уделяла большое внимание переселению иностранных подданных в Россию. 4 декабря 1762 г. она издала манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу», законодательно обеспечивший политику переселения. Этим актом Екатерина II решила вопрос о свободном въезде иностранцев в Россию и предоставила им значительные права и льготы. 22 июля 1763 г. в дополнение к Манифесту от 4 декабря 1762 г. был подписан очередной манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованным им правах».

Лишенная жестких ограничений иммиграционная политика Петра I и Екатерины II способствовала появлению на территории Российской Империи так называемых «не приписанных» (без документов) или явившихся «самотеком» (бесконтрольных) иностранных переселенцев [14, с. 19]. По этой причине, в период с 1789 по 1820 гг. был затруднен въезд в Россию иностранцев и установлен особый надзор за приезжающими, в частности, «о не пропуске иностранцев в Россию без паспортов от министра иностранных дел» [11, с. 371].

В 1806 г. последовал Указ Александра I «О высылке из России всех подданных Французских и разных немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о не пропуске оных в Россию без паспортов Министра иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении комиссии для разбора иностранцев». Практически была объявлена депортация под-

данных Франции и запрещен их въезд в Россию (в отличие от подданных других стран разрешение на это должно было давать МИД). Манифестом от 1 января 1807 г. существенно ограничивались права иностранных купцов.

Эти ограничения прав иностранцев по торговле и в других сферах деятельности существовали до 1860 г., когда Александр II своим Указом «О правах пребывающих в России иностранцев» предписал, что прибывающим в Россию иностранцам по торговле, земледелию и промышленности дарованы такие же права, какими пользуются русские подданные.

Обобщая рассмотрение исторического опыта регулирования миграционных процессов, следует отметить, что, в тот исторический промежуток Россия превратилась из закрытого государства в надежного торгового партнера других стран. Российские императоры строго регламентировали порядок вызова, приезда, пребывания, а также пересечения границ государства иностранцами; даже по каким документам (Свидетельства российского генерал-губернатора) и в каких местах (Архангельск, Киев, Смоленск, Псков) осуществлять их пропуск через границу. Среди других многочисленных льгот иностранным специалистам законодательно предоставлялись льготы при пересечении границ, перемещении личных вещей, регламентировались и некоторые вопросы технологии пограничного и таможенного контроля, таможенных режимов (в современном понимании). XIX-XX вв. характеризуются неконтролируемым наплывом иностранцев из азиатских стран на юго-восток России и побережье Каспийского моря.

Анализ миграционной обстановки в Дальневосточном федеральном округе свидетельствует об увеличении внешней миграции иностранных граждан и лиц без гражданства. Основную часть мигрантов, въезжающих на территорию округа, составляют китайские граждане, въезжающие по многократным коммерческим, рабочим и туристическим визам, а также в рамках безвизового обмена [7, с. 29-31].

Проблемы борьбы с криминалом в российско-китайских отношениях в настоящее время затрагивают интересы всех регионов России, которые в той или иной мере ведут торгово-экономические отношения с Китаем. Они связаны с незаконной миграцией, контрабандой сырья и валюты, браконьерством и т.д. Некоторые виды деятельности (производство и реализация контрафактных товаров, контрабандный импорт-экспорт, незаконные финансовые операции, неуплата налогов, деятельность фирм-однодневок) твердо связываются с лицами китайской национальности и китайскими компаниями на территории России.

Обострение проблем миграции, в том числе нелегальной, связано с несовершенством правовой базы, а также отсутствием единого подхода к установлению принципов миграционной политики государства, что, безусловно, негативно влияет как на регулирование миграционных процессов, так и на осуществление миграционной политики. Открытые государственные границы России со странами ближнего зарубежья, (безвизовый режим) привели к бесконтрольности пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на ее территории.

На наш взгляд, весьма познавательным будет проанализировать правовые средства борьбы с незаконной миграцией в зарубежных странах. Так, действующим иммиграционным законодательством США, Канады, Франции, Германии и Великобритании является Закон об иммиграции.

В Канаде введены понятия поручительства и профессиональной миграции. В 1966 г. была опубликована «Белая книга по иммиграции», в которой заверялось, что не будет проводиться никакая дискриминация из-за расы, цвета кожи или конфессий, но в то же время подчеркивалось, что предпочтение будет отдаваться только хорошо образованным специалистам. В 1978 г. приняли Закон «Об иммиграции». Закон впервые определил статус беженцев, помимо уже существовавших классов независимых иммигрантов и «членов семей». В 1875 г. был принят Закон о запрете въезда в США некоторых категорий иностранцев. К ним были отнесены преступники, проститутки, душевнобольные, слабоумные, а также те, кто мог стать «обузой для общества» [4, с. 23]. В конце XX века миграционная политика обеих стран направлялась на дальнейшее закрепление приоритетности категорий мигрантов, борьбу с нелегальной миграцией, расширение полномочий миграционных чиновников; отказ в приеме миграционных заявлений, а также детализацию и упрощение процедур депортации. Так, в 1990 г. в США приняли «Закон об иммиграции», ставший основой для разработки современного иммиграционного законодательства страны. После террористических актов 11 сентября 2001 г. в США страны американского континента внесли серьезные коррективы в свое миграционное законодательство в плане ужесточения порядка выдачи въездных и регистрационных документов.

В Канаде события 11 сентября 2001 г. сыграли роль своеобразного «катализатора» и резко ускорили процедуру прохождения в парламенте «Закона об иммиграции и о защите беженцев». В нем значительно расширен и ужесточен перечень причин, по которым иммигрантам может быть отказано во въезде в страну (угроза национальной безопасности, нарушения прав человека, участие в орга-

низованных преступных группах и т.д.). Введено обязательное правило предоставления иммиграционных документов до фактического прибытия в Канаду. Введена новая защищенная «личная карта иммигранта», содержащая подробную информацию об ее владельце. Установлен более строгий порядок рассмотрения дел беженцев.

Франция – одна из старейших миграционных стран в Европе. Со времен Великой Французской революции она принимала мигрантов с разных концов света. Конституция Французской Республики 1793 г. закрепила норму о предоставлении «убежища иностранцам, изгнанным из своего отечества за их борьбу за дело свободы». После войны Франция продолжала проводить открытую миграционную политику. В начале послевоенного периода 2 ноября 1945 г. приняли постановление «Об иммиграции», которое регулировало условия въезда и пребывания иностранных граждан во Франции, за исключением случаев, когда положения международных договоров и соответствующих правил не устанавливали иное. Впоследствии в данный нормативный акт было внесено более 40 поправок.

Вслед за Францией активно строила свою миграционную политику и Великобритания. Иммиграционная ситуация в Великобритании в сравнении с другими государствами Европы, отличается значительным своеобразием. Миграционное законодательство Великобритании представляет самостоятельную отрасль с прецедентным правом. Немаловажную историческую роль в миграционной политике Великобритании сыграл Закон об иностранцах 1905 г., он был принят в ответ на волну еврейской миграции и антиеврейскую кампанию, развернутую в стране. Он закрепил ряд важных нововведений. Закон ввел жесткие условия депортации: например, за проживание в перенаселенных помещениях и в антисанитарных условиях по истечении 12 месяцев со дня въезда [15]. Принятый в Великобритании закон 1914 г. с изменениями, принятыми в 1919 г. об ограничении притока иностранцев означал ужесточение иммиграционных ограничений в преддверии первой мировой войны. Главным нововведением Закона стала обязанность иностранцев регистрироваться в полиции.

Закон об иммигрантах Содружества 1962 г. с изменениями 1968 г. явился своего рода новым этапом в иммиграционной политике Великобритании. Прежде все подданные Великобритании имели право на жительство в Великобритании и, как следствие, не подлежали иммиграционному контролю. Это означало, что правомочное лицо могло въезжать в страну без какого бы то ни было разрешения или уведомления, выбирая для этого место и время по своему желанию, а также оставаться на неограниченный срок [16, p. 954].

Таким образом, правительство Великобритании пыталось уменьшить «цветную» миграцию из азиатских колоний.

В Германии развивалась программа репатриации, основанная на законах о гражданстве по «принципу крови», т.е. этнической принадлежности, независимо от места рождения и проживания. Процессы репатриации в Германии рассматривались, в том числе и статистикой, не как миграционные, а как международные перемещения граждан этих государств. В августе 2000 г. Германия ввела основанную на балльной системе оценок мигранта программу «greencard» для привлечения квалифицированной рабочей силы в отрасли, связанные с развитием информационных технологий.

В 1997 г. страны ЕС подписали еще один важный документ – Амстердамское соглашение [12]. Первым важным шагом к европейскому единству стало Шенгенское соглашение между шестью европейскими странами, оно действует с 26 марта 1995 г. Соглашение предусматривает, что пограничный контроль внутри Шенгенской территории может быть введен вновь в случае серьезной угрозы. Большое сходство и одновременно большое различие между Россией и Соединенным Королевством в контексте иммиграции заключается в особом положении двух стран среди ряда миграционных доноров (стран СНГ и Содружества Наций соответственно). Если Россия проводит фактически политику «открытых дверей» по отношению к государствам-членам СНГ, соблюдая с ними безвизовый режим (за исключением Грузии), то позиция Великобритании значительно более «эгоистична». Все ее иммиграционные законы второй половины XX века, по сути, направлены на ограничение «цветной» иммиграции из бывших колоний. Однако, проводя такую политику, Британия стремится оградить себя от низко квалифицированных и неквалифицированных представителей стран третьего мира. В соответствии с нуждами своей экономики, государство проводит жесткую программу привлечения профессионалов в те отрасли, где в этом ощущается необходимость.

К нерешенным проблемам законодательства Российской Федерации в области миграции следует отнести отсутствие эффективной законодательной базы в сфере регулирования миграционных процессов (в том числе Закона «об иммиграции»), которое должно быть направлено на обеспечение динамичного притока профессиональных работников, развитие экономики и общества, обогащение национальных культур. Необходим эффективный контроль за соблюдением сотрудниками территориальных органов ФМС процессуальных сроков, предусмотренных миграционным законодательством.

Таким образом, для того, чтобы на качественном уровне разрешить проблему нелегальной миграции, необходим всесторонний анализ в ретроспективном контексте, который способствует выяснению всех причин и факторов, обусловивших появлению данной проблемы, а также способов ее устранения. Ретроспективный анализ позволяет исследователю достичь объективных результатов, которые в дальнейшем будут учитываться законодателем при разработке нормативной правовой основы.

Изучение статистических данных убеждает, что миграционная преступность в значительной степени усиливается. Усложнение социальной практики приводит к возрастанию роли мигрантов в жизни общества, сказывается на тенденции дальнейшего роста удельного веса миграционной преступности в структуре преступности в целом. В этих условиях криминализируется современный социум, создается негативная среда, слабо регулируемая позитивной нормативной системой и системой социального контроля. Предупреждение миграционной преступности должно соответствовать происходящим в миграционных процессах изменениям. Совершенствование законодательства должно не только устранять недостатки, но и способствовать оптимальному правовому регулированию и формированию в целом миграционных процессов в России [18].

Таким образом, отсутствие внятной системы правореализационных механизмов миграционной политики с использованием исторического опыта России и зарубежных стран будет только негативно сказываться на профилактической деятельности по противодействию миграционной преступности. Законодателю предстоит осознать и стать прагматичным в представлении того, что для представителя миграционной преступности Россия никогда не станет Родиной, а лишь местом для реализации преступных деяний, отчасти выживания. При этом не следует забывать и о тех мигрантах, которые посвятили свою жизнь процветанию России и подлинно воспринимают ее как Родину.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

2. *Аширкова Т.В.* Состояние законности и практика прокурорского надзора в сфере противодействия незаконной миграции // Миграционное право. 2011. N 4.

3. *Боярский В.И.* На стороже Руси стояти. Страницы истории пограничной стражи Российского государства. М.: Изд-во «Граница», 1992.

4. *Иванов М.М.* США: правовое регулирование иммиграционного процесса (условия и процедуры приобретения статуса постоянного жителя США). М.: «Международные отношения», 1998.

5. *Ивахнюк К В*. Международная трудовая миграция: Учеб.пособие. М.: Экономический факультет МГУ: ТЕИС, 2005.
6. Лекции Ординарного профессора В.О. Ключевского. М., 1888.
7. *Магомедов А.А., Чирков Д.К.* Незаконная миграция граждан Китайской Народной Республики на территорию Российской Федерации как угроза экономической безопасности // Миграционное право. 2011. N 4.
8. *Мыш М.И.* Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. СПб., 1888.
9. Нелегальная иммиграция. / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс, 2002.
10. *Николаева Т.Б.* Паспортная система России: формирование и механизмы функционирования во второй половине XVII в. – начале XX в. (историко-правовой анализ). Автореф. дис. канд. юрид. Наук. Н. Новгород, 2003.
11. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. XX.
12. Право Европейского Союза: Учебник для вузов / Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Юристъ, 2003.
13. *Шумилов М.М.* История торговли и таможенного дела в России IX-XVII вв. СПб.: Синтез-Полиграф, 1999.
14. *Ямзин И.Л., Ярилов А.А.* Вопросы колонизации. М., 1922.
15. A detailed analysis of the Act appears in Henriques, H.S.Q. (1906) The Law of Aliens and Naturalisation, Chap. VI. London. Also see Sibley, N.W. and E/ias, A. (1906) The Aliens Act and the Right of Asylum, passim. London.
16. *Patchett K. W.,* English Law in the West Indies(1968) Int. Сотр. andLawRev. 12 (pp. 922-66).
17. *Егоров И.А.* Безграничная миграция // Российская газета. Федеральный выпуск № 5838 от 20 июля 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.rg.ru/gazeta/rg/2012/07/20.htm
18. *Собольников В.В.* Юридический механизм управления миграционными процессами в России. Новосибирск, 2001.

Е.С. Федосеева
Тринадцатый арбитражный апелляционный суд,
г. Санкт-Петербург, Россия

Проблемы, связанные с определением юридической природы актов Европейского суда по правам человека

Аннотация. Статья посвящена исследованию юридической природы актов Европейского суда по правам человека. Обозначены основные проблемы, связанные с определением места актов Суда в российском гражданском процессуальном законодательстве. Проанализированы научные точки зрения по указанной проблематике.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, прецедент, юридическая природа актов Европейского суда по правам человека.

Summary. The article is devoted to the legal nature of the acts of the European court of human rights. The author indicates the main problems associated with the definition of the place of acts of a Court in the Russian law of civil procedure. The scientific points of view on these problems are analyzed.

Key words: The European court of human rights, the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, authority, legal nature of the acts of the European court of human rights.

В связи с ратификацией Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3] Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Несмотря на обширную законодательную базу, подтверждающую особый статус Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), до сих пор спорным остается вопрос о юридической природе выносимых им постановлений. Указанный вопрос являются ключевым при определении последствий актов Суда для РФ и их исполнении. Одни ученые ставят постановления Суда в один ряд с источниками внутреннего права (А.Л. Бурков, М.В. Кучин). Другие правоведы полагают акты Европейского суда исключительно результатами толкования положений Конвенции, правовой позицией (стандартом), то есть видят в них некий интерпретационный результат, возникший при постижении смысла общепризнанных принципов и норм международного права (А.Х. Абашидзе, Б.Л. Зимненко) [1, с. 24].

С.Ф. Афанасьев, с учетом подразделения прецедентов на три модели: модель частной аналогии, нормоустанавливающую модель и модель, имеющую в себе используемые принципы [6, с. 12], относит акты ЕСПЧ к третьей модели, а именно указывает на то, что юридический плюрализм судебного прецедента может быть представлен «моделью, имеющей в себе используемые принципы» (principle-exampling model). Она в отличие от частной аналогии либо нормоустановления направлена на синтез судебных актов, включающих обнаруженные стержневые правовые принципы или основополагающие идеи, способные выступать регуляторами социальных отношений [1, с. 24-25]. С.Ф. Афанасьев определяет юридическую природу актов ЕСПЧ как формально-юридический источник российского гражданского процессуального права, и вместе с тем, указывает на то, что решения приобретают надлежащий статус

лишь в случаях вскрытия конвенционных нарушений Россией в рамках применения и толкования Европейской Конвенции [1, с. 25].

Судьи Европейского суда не наделены правотворческими полномочиями, их деятельность направлена на отправление правосудия в рамках Конвенции, как юридической базы деятельности Суда, путем выявления нарушений странами-участницами Конвенции. Решения же Европейского суда носят декларативный характер, то есть это решения, выносимые на основании неоспоримых фактов и интерпретации закона. В этом смысле в полной мере проявляется формально-юридический характер постановлений ЕСПЧ, как источников гражданского процессуального права, являющимися таковыми в силу ст. 15 Конституции РФ [4], ст. 1 ГПК РФ [2]. С другой стороны, обязательными положения Конвенции, равно как и акты ЕСПЧ, стали для Российской Федерации только с момента ратификации Конвенции, а также в силу приоритетности международных договоров перед национальным законодательством, процессуально решение против страны-участницы может быть вынесено только в случае обращения гражданина в Суд с жалобой и при условии соответствия такой жалобы всем условиям приемлемости.

Исследуя проблему совместимости прецедента с романо-германской системой права необходимо учитывать следующее. В соответствии с прямым указанием статьи 32 Конвенции акты Европейского суда являются результатом правоприменения и толкования норм права, изложенных в Конвенции. Таким образом, постановления Суда являются неотъемлемой частью Конвенции и в данном случае противопоставлять такие понятия как судебный прецедент и судебная практика ошибочно. Повторим, что постановления Суда есть результат правоприменения, а не норма права. Сущность постановлений ЕСПЧ определяется статусом принявшего их органа, однако не может быть произвольно изменена и поставлена в зависимость от сложившейся в государстве системы права. В Российской Федерации, как в государстве романо-германской правовой системы, позиции ЕСПЧ, содержащиеся в вынесенных им постановлениях, не могут отождествляться с законом [10]. Конвенция о защите прав человека, равно как и внутреннее законодательство, не содержит прямого указания на обязательность постановлений ЕСПЧ, вынесенных против других стран, для России.

С.Ф. Афанасьев по этому поводу считает, что решения Европейского Суда против других стран-участниц Конвенции формально для нашей страны не императивны, но должны приниматься судами во внимание (Г.А. Жилин), ибо в них может быть реализована principle-exampling model и показаны новые принципы, обязательные к применению в рамках гражданской процессуальной деятель-

ности [1, с. 25]. Таким образом, вся прецедентная практика Суда должна приниматься Российской Федерацией во внимание.

Необходимо отметить, что до сих пор не решена проблема официального перевода и опубликования актов Европейского суда. В соответствии с п. 3 ст. 15 Конституции РФ любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Конвенция ратифицирована Федеральным законом РФ от 30.03.1998 [12] и получила официальное опубликование в соответствии с положениями ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 [11]. В свою очередь, акты ЕСПЧ, являясь неотъемлемой частью Конвенции, не имеют источника официального опубликования и перевода. Исходя из буквального толкования п. 3 ст. 15 Конституции РФ и положений ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», опубликованию подлежат только нормативные акты. Постановления ЕСПЧ не являются законодательными актами, однако особый статус актов Суда предполагает обязательное их применение. Для разрешения сложившейся противоречивой ситуации, а также для удобства обращения к актам ЕСПЧ целесообразным было бы создать ресурс, на котором будут публиковаться официальные переводы постановлений.

В завершение следует отметить, что в 2001 г. в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона «О порядке опубликования в РФ решений Европейского Суда по правам человека». Указанным законопроектом определялись порядок и сроки перевода актов, а также источник их публикации — «Собрание законодательства РФ». Однако постановлением от 23 мая 2003 г. № 4099-III ГД он был отклонен.

Список литературы

1. *Афанасьев С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: автореф. дисс. ... уч. степ. докт. юр. наук. Саратов, 2010.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ.2002. N 46. Ст. 4532.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом N 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом N 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. N 2. Ст. 163.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. N 4. Ст. 445.
5. *Марченко М.Н.* Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2.
6. *Рехтина И.В.* Постановления Европейского суда по правам человека как фактор, обусловливающий динамику гражданского процессуального законодательства России // Современное право. 2001. N 4: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения 20.10.2013).
7. Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 25.12.2012) «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.07.1995. N 29. Ст. 2757.
8. Федеральный закон от 30.03.1998 N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ 1998. N 14. Ст. 1514.

М.С. Шайхуллин
Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, г. Уфа, Россия

Принципы деятельности инновационных научно-исследовательских институтов в сфере права, действующих на евразийском пространстве

Аннотация. В статье на основе опыта деятельности Евразийского научно-исследовательского института проблем права определены задачи инновационных научно-исследовательских институтов, а также сформулированы принципы деятельности консолидированных центров в области права.
Ключевые слова: Евразийский, инновационный, институт, принципы, консолидация, проекты, международное сотрудничество
Abstract. In the article on the basis of experience of activity of the Eurasian research institute of problems of law tasks of innovative research institutes are defined, and also the principles of activity of the consolidated centers in the field of law are formulated.
Keywords: Eurasian, innovative, institute, principles, consolidation, projects, international cooperation.

В настоящее время межгосударственные органы по защите прав, свобод и законных интересов заинтересованы в развитии инновационных научно-исследовательских учреждений, проводящих исследования в сфере права для обеспечения юридического сопровождения национальных и межгосударственных проектов. В этом

контексте приобретает актуальность идея создания инновационных научно-исследовательских центров и институтов, основной целью которых должна стать консолидация в рамках единой организации юридической общественности, занимающейся исследованием актуальных проблем юридической науки и правоприменительной практики на Евразийском правовом пространстве [5, с. 6]. Экономика государства зависит от квалификации специалистов, ее создающих, от того, насколько успешно они смогут перевести ее на инновационные рельсы. И потому важно осознать, что инновационным должно быть все: экономика, культура, образование, медицина, человеческие взаимоотношения [6, с. 142].

Концепция современных научно-исследовательских организаций должна состоять в создании инновационной формы учреждения. Инновационность проекта проявляется в том, что вся деятельность организации строится на выполнении следующих задач: издание научных периодических журналов в области права; организация и проведение научно-практических конференций, круглых столов, съездов и иных публичных мероприятий, издание по результатам их проведения сборников материалов; участие от имени организации в региональных, всероссийских, международных и зарубежных научных мероприятиях; подготовка, издание и распространение научных, учебно-методических и учебных изданий и иных материалов в области права; оказание консультационных услуг в области права; проведение просветительских лекционных мероприятий с населением в целях способствования формированию правовой грамотности граждан; организация и проведение мероприятий, направленных на установление и развитие межрегионального и межгосударственного сотрудничества в области развития юридической науки и практики, участие от имени организации в подобных мероприятиях [2, с. 114]; проведение научно-практического мониторинга российского и зарубежного законодательства и подготовка предложений, направленных на его совершенствование; способствование объединению деятельности государственных органов и институтов гражданского общества в целях развития юридического образования и науки и совершенствования законодательства и практики его применения; проведение научно-методических семинаров с научными и практическими работниками, направленных на повышение квалификации слушателей; проведение правовой пропаганды с использованием средств массовой информации и сети Интернет; выполнение научных исследований по заказу физических лиц и организаций, в т.ч. привлечение грантов на их проведение.

Для реализации этих задач инновационные центры и институты должны функционировать по совершенно новым, даже беспрецедентным принципам, к которым необходимо отнести следующие: *беспрецедентная масштабность деятельности* — сущность данного принципа состоит в том, что в составе организации консолидируются усилия ученых, занимающихся разработкой отдельных, избранных ими самими тем научных исследований. Предъявление требований к направленности исследований не осуществляется, взыскания к сотрудникам института, которые по каким-то причинам относительно длительное время не проявляют научной активности, не применяются. Сотрудник института волен сам определять свой график и интенсивность научной работы и сам определять характер и степень своего сотрудничества с инновационной организацией (оформление отношений — штатный сотрудник или внештатный сотрудник, род занятости — научный сотрудник, представитель или одновременно научный сотрудник и представитель). В данном случае получает свое развитие принцип свободы труда, однако в несколько иной интерпретации, чем это установлено трудовыми правоотношениями, в которых существует масса проблем с заключением и расторжением трудового соглашения [1, с. 32].

Следующим принципом инновационной организации является *демократичность условий осуществления научной деятельности*. Дирекцией института и руководителями научно-исследовательских центров могут быть предложены темы научных исследований, являющиеся актуальными в данное время в соответствующем государстве или регионе, а также разрабатываются методические материалы. По просьбе сотрудников на безвозмездной основе могут быть даны различного рода консультации по вопросам организации и проведения индивидуальных и коллективных научных исследований и иных проектов; оказано содействие в установлении межличностных научных контактов между сотрудниками из различных регионов и государств, а также контактов с иными учеными и научными организациями, осуществляющими свою деятельность в соответствующих субъектах РФ и государствах. Может быть оказана также иная методическая и консультативная помощь по правовым вопросам.

Важным принципом функционирования инновационной организации является взаимопомощь при осуществлении научной деятельности. При проведении научных исследований и осуществлении различных проектов исследователи зачастую сталкиваются с проблемой отсутствия необходимой информации, особенно, если это касается вопросов, связанных со сравнительно-правовым исследованием законодательства различных государств (субъектов феде-

ративных государств). Наблюдается и нехватка научной литературы, подготовленной в иностранных государствах. В этом смысле государство должно нести ответственность за проведение любого социального эксперимента и быть подконтрольно гражданскому обществу в осуществлении своей политики [4, с. 121].

Инновационная научно-исследовательская организация в своей деятельности должна придерживаться принципа внутреннего взаимообмена научной информацией, что позволяет сотрудникам быстро и эффективно разрешать стоящие перед ними проблемы с поиском научной информации для проведения дальнейших исследований. Одной из проблем при проведении научных исследований является проблема осуществления коммуникаций между участниками научно-исследовательских проектов. В рамках деятельности инновационного научно-исследовательского института в сфере права должны применяться как традиционные средства коммуникации (личное общение, контакты по телефону, с помощью почтовой связи), так и инновационные средства коммуникации (интернет-почта, общение с использованием системы SKYPE, передача документов в электронном виде) [3, с. 132]. Таким образом, реализация в деятельности инновационной организации принципа сочетания традиционных и инновационных средств коммуникации позволяет сотрудникам института быстро и эффективно решать стоящие перед ними задачи.

Важным элементом научно-исследовательской деятельности является возможность быстро, без бюрократических проволочек, разрешительных процедур, последовательных согласований, оформить соответствующие документы, требуемые для реализации научных проектов, соискания грантов и иных вопросов повседневной деятельности. Инновационный научно-исследовательский институт должен придерживается в своей деятельности принципа отсутствия бюрократических барьеров, что позволяет оперативно принимать решения по поставленным вопросам, согласовывать возможность осуществления научных проектов и выполнения иных задач производственной деятельности и получать необходимые разрешительные и (или) подтверждающие документы.

Гласным принципом деятельности инновационного научно-исследовательского института в сфере права должен стать принцип открытости деятельности, что позволяет любым заинтересованным лицам получать всю необходимую им информацию о деятельности организации посредством запросов и путем ознакомления с веб-сайтами инновационной организации в сети Интернет.

Основным принципом деятельности инновационного научно-исследовательского института в сфере права является принцип от-

крытости для сотрудничества. Организация должна рассмотреть любые предложения об участии организации и отдельных ее сотрудников в осуществлении научно-исследовательских и иных проектов от любых заинтересованных лиц, будь то крупное межгосударственное объединение, научно-исследовательский институт или физическое лицо.

Инновационным принципом деятельности научно-исследовательского института в сфере права должен быть принцип адекватного материального и нематериального стимулирования деятельности сотрудников. Любой труд в организации вознаграждается посредством гибкой системы стимулирования как материального плана (заработная плата, премия, ценный подарок, целевое вознаграждение за участие в выполнении научно-исследовательского проекта, вознаграждение по гражданско-правовому договору), так и нематериального плана (объявление благодарности, внеочередная срочная публикация научных работ, а также публикация материала о сотруднике в юридическом журнале и иных печатных изданиях).

Инновационный научно-исследовательский институт в сфере права при осуществлении исследовательских проектов должен руководствоваться принципом обеспечения эффективностной консолидации усилий сотрудников, что позволяет при их выполнении задействовать в этом процессе как сотрудников одного научно-исследовательского центра или отдела, так и создавать комплексные группы из сотрудников разных отделов, в целях обеспечения максимальной эффективности деятельности группы и междисциплинарного и комплексного подхода при решении соответствующих задач. Реализация этого принципа позволяет сотрудникам инновационной организации выполнять мультивариативные научные исследования и проекты в области права. Вышеизложенные принципы обусловливают максимально высокий уровень эффективности всех реализуемых в рамках всего одного инновационного научно-исследовательского института в сфере права научных исследований и проектов.

Инновационная научно-исследовательская организация в сфере права должна создаваться в целях проведения фундаментальных и прикладных исследований в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры, социологии права, политологии, изучения закономерностей правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разработке на этой основе практических рекомендаций, участия в разработке законопроектов, содействия повышению профессионального уровня юристов, организации и участия в проведении научных ме-

роприятий, оказания консультационных услуг в области права, а также редакционно-издательских услуг. При этом сфера проведения научных исследований не ограничивается описанными выше областями. Инновационная организация должна расширять области научных исследований путем создания научно-исследовательских центров для разработки проблем иных отраслей права и для проведения междисциплинарных исследований. Для создания единой информационной площадки по обсуждению возникающих на евразийском пространстве проблем, на базе инновационного института должны выпускаться международные юридические периодические издания, в которых освещались бы три главных компонента: а) научный; б) практический и в) информационно-новостной. Инновационная организация должна также иметь в своем информационном арсенале «Юридический портал» для создания информативной актуальной научной базы в области права и успешного ориентирования в современном юридическом мире, свободного обмена теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках стран Содружества Независимых государств (СНГ).

Литература

1. *Завгородний А.В.* Соглашение сторон или собственное желание работника: советы адвокату // Евразийская адвокатура. 2013. № 1.

2. *Коптева Е.А.* Классификация международных обязательств // Евразийская адвокатура. 2013. № 1.

3. *Мазур Е.А.* Правовой режим интернет-сайта как сложного объекта по законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2013. № 1.

4. *Мазуренко А.П.* Законодательная политика: общетеоретический аспект // Евразийская адвокатура. 2013. № 2.

5. *Мирзоев Г.Б.* Евразийская адвокатура — путь к консолидации // Евразийская адвокатура. 2012. № 1.

6. *Тресков В.И.* Чем отличается российское образование от оксфордского? // Евразийская адвокатура. 2013. № 1.

Л.В. Яковлева
Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар, Россия

Совершенствование российского уголовно-процессуального законодательства под воздействием глобализации

Аннотация. В статье характеризуется уголовное законодательство РФ и направления международного антикриминального сотрудничества. Автор указывает актуальные проблемы уточнения уголовного законодательства в связи с криминальной глобализацией.

Ключевые слова: уголовное законодательство, глобализация, антикриминальное сотрудничество.

Abstract. The article characterizes the criminal legislation of the Russian Federation and international anti-crime cooperation. The author points actual problems of clarifying the criminal legislation in connection with criminal globalization.

Key words: criminal law, globalization, anti-crime cooperation.

Российская Федерация, став полноправным членом Европейского сообщества, связала себя целым рядом международных обязательств в деле противодействия преступности и укрепления системы уголовного правосудия, в частности, в рамках такой международной организации, как Совет Европы с его более чем 30 конвенциями по вопросам уголовного права и антикриминального сотрудничества [1]. Существенное влияние на процессы сближения Российской Федерации по вопросам борьбы с преступностью оказывают ускоряющиеся процессы глобализации, что, в свою очередь, способствует распространению практики заключения межгосударственных соглашений на уровне национальных правительств, наднациональных и субрегиональных международных организаций, в том числе неправительственных, таких, в частности, как Международная ассоциация уголовного права, Международное криминологическое общество, Международное общество социальной защиты, Международный уголовный и пенитенциарный фонд, Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум и др.

Однако, как точно заметил В.С. Овчинский, национальные системы уголовного правосудия медленно перестраивают свои концепции, процедуры и практику с учетом новых реалий и масштабов преступности и ратифицируемых антикриминальных конвенций, хотя и признают, что только эффективное международное сотрудничество способно действенно противостоять криминальной глобализации [2, с. 259]. В Концепции национальной безопасности Российской Федера-

ции вполне обоснованно указывается, что «сотрудничество в борьбе с преступностью является частью социального взаимодействия Российской Федерации с суверенными государствами» [5].

Существенные изменения, которым подвергается в последнее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, служат ярким тому примером. Сравнительный анализ изменений, произведенных ранее в действовавший УПК РФ, и ныне происходящих указывает на особенности их внесения. Если в УПК РСФСР существенные изменения вносились путем активной деятельности Конституционного Суда РФ, то в настоящее время большинство изменений производятся путем издания новых законов. Данные изменения направлены на расширение прав участников, детализацию производимых процессуальных действий и мер, усиление требований к должностным лицам по соблюдению уголовно-процессуальных норм.

Поток изменений в уголовно-процессуальное законодательство указывает на несовершенство норм УПК РФ.

Основаниями, влияющими на изменения норм УПК РФ, являются следующие: 1) несоответствие норм УПК РФ Конституции РФ; 2) необходимость изменения и дополнения нормативного содержания УПК РФ в связи с правовыми пробелами; 3) внесение изменений и дополнений в связи с общественными преобразованиями, в частности, путем влияния правовых реформ; 4) влияние международно-правовых норм в процессе глобализации на изменение норм УПК РФ.

Преобразование нормативного содержание УПК РФ за счет новых законов происходит также в виду принятия или изменения законов, регулирующих отношения в других отраслях права, например, уголовного, уголовно-исполнительного, а также изменений, происходящих в российском обществе. Именно имеющие в стране место демократические преобразования, влияющие на развитие уголовно-процессуальных отношений, толкают законодателя на принятие новых законов, изменение и дополнение действующих.

В качестве отдельного основания происходящих изменений, вносимых в действующий УПК РФ, является приведение его нормативного содержания в соответствие с международными стандартами, на что оказывают влияние процессы правовой глобализации. Следует отметить, что фактором, способствующим в последнее время усилению влияния правовой глобализации на содержание уголовно-процессуальных норм, является вступление России в Европейское сообщество. В результате превращения в полноправного члена Европейского сообщества Российская Федерация взяла на себя целый ряд международных обязательств в деле противодействия

преступности и укрепления системы уголовного правосудия. Здесь необходимо особо обратить внимание на такую международную организацию, как Совет Европы, где имеется более 30 конвенций по вопросам уголовно-правового характера.

Существенное влияние глобализации на изменение норм УПК заметно проявилось с момента принятия данного кодифицированного закона. Об этом наглядно говорит, во-первых, признание в УПК принципа состязательности, указывающего на то, что законодателями избрано движение российского уголовного процесса в сторону состязательности. Это свойственно в большей мере англосаксонской системе права, но в настоящее время не соответствует нормативному содержанию российского уголовного судопроизводства. В некоторых случаях принцип состязательности даже противоречит нормам УПК, в частности, нормам, регламентирующим порядок возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, в ходе которого сложно соблюсти условия применения принципа состязательности, так как значительно влияние стороны обвинения. Во-вторых, в принятом УПК применение органами расследования мер принуждения, ущемляющих права и свободы человека и гражданина, регламентированные международными нормами, стало возможным только по решению суда и по итогам судебного заседания. В-третьих, новый УПК существенно отличается от ранее действовавшего широким спектром у заинтересованных участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, подозреваемого, гражданского истца и гражданского ответчика, особенно обвиняемого) прав, позволяющих им реализовывать и защищать свои права и интересы.

В свое время достаточно широкое использование в государствах Содружества получили и модельные кодексы антикриминальной направленности — Уголовный (17 февраля 1996 г.), Уголовно-процессуальный (17 февраля 1996 г.) и Уголовно-исполнительный (2 ноября 1996 г.) [4], а также развивающие их модельные законы о борьбе с организованной преступностью; о противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; о борьбе с незаконным оборотом оружия; о борьбе с коррупцией; о борьбе с терроризмом; об ответственности за легализацию доходов от преступной деятельности; о защите работников правоохранительных органов и участников уголовного процесса. Однако со времени принятия в рамках СНГ этих модельных актов прошло немало времени, в течение которого в отдельных странах Содружества были приняты новые отраслевые кодексы и иные законы, не всегда обладающие сходными чертами, а

порой существенными отличиями как в концептуальном, так и в прикладном планах [3, с. 15].

В целом по-прежнему сохраняется необходимость дальнейшего расширения межгосударственного универсального и регионального сотрудничества по вопросам противодействия отдельным видам общеуголовной и международной преступности на основе взаимодополняемости и более действенной координации в деятельности государств и их интеграционных объединений. Кроме того, в целях поддержания и развития тенденции уголовно-правовой интеграции в рамках СНГ следует ускорить и упростить ряд процедур международной взаимопомощи по уголовным делам; продолжить унификацию национальных законодательств антикриминального цикла (уголовного, уголовно-процессуального, пенитенциарного); укреплять конвенционный путь выработки единообразного законодательства по вопросам борьбы с транснациональной преступностью на территории СНГ и расширять договорно-правовые основы сотрудничества государств-участников СНГ в сфере уголовной юстиции.

Литература и примечания

1. Защита прав человека и борьба с преступностью: Документы Совета Европы. М., 1998. Наиболее подробно вопросы правовых последствий вступления РФ в СЕ и подписания Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. были разработаны в докладе «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации», подготовленном в рамках программы сотрудничества СЕ, Европейской комиссии и РФ.

2. *Овчинский В.С.* Глобализация преступности и ответные меры мирового сообщества // Российское государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18-20 апреля 2001 года). Вып. 1. Калуга, 2001.

3. *Пирвагидов С.С.* Понятие, источники и принципы уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран-участниц Содружества Независимых Государств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

4. Постановление МПА СНГ от 15 июня 1998 г. «Об использовании модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ». Внедрению этих модельных кодексов в практику был посвящен проведенный 22 октября 1997 г. круглый стол на тему «Судебно-правовая реформа в государствах-участниках СНГ».

5. Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 18 янв.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. БАРЫШЕВ Владимир Алексеевич, УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», юридический факультет, кафедра истории и теории права, доцент; г. Витебск, Республика Беларусь

2. БОДЫКОВА Мулдир Ерлановна, Агентство Республики Казахстан по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовая полиция), Академия финансовой полиции, кафедра уголовного права и досудебного производства, старший преподаватель, магистр, доктор PhD; г. Астана, Республика Казахстан

3. ВОЛОШИН Юрий Алексеевич, Мариупольский государственный университет, проректор по научно-педагогической работе, экономико-правовой факультет, кафедра конституционного, административного и международного права, доктор юридических наук, профессор; г. Мариуполь, Украина

4. ВОРОНЦОВ Александр Михайлович, Балтийский институт экологии, политики и права, научно-образовательный центр экологической безопасности, директор, доктор технических наук, профессор, член Высшего экологического совета (Экспертный совет Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Госдумы ФС РФ), член Научного совета Российской академии наук по аналитической химии, председатель Независимого экспертного совета «Чистая вода»; Санкт-Петербург, Россия

5. ДМИТРИЕВ Алексей Анатольевич, ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права (г. Казань)», аспирант; г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

6. ДМИТРИЕВ Владимир Константинович, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», аспирант кафедры финансового и административного права; Санкт-Петербург, Россия

7. ЕЛГЕШИН Вячеслав Николаевич, Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент; г. Санкт-Петербург, Россия

8. ЗВЕНИГОРОДСКАЯ Наталия Федоровна, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», старший преподаватель кафедры гражданского права, кандидат юридических наук, доцент, судья в отставке; г. Санкт-Петербург, Россия

9. ИБРАЕВ Арай Кыдырович, Агентство Республики Казахстан по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовая полиция), Академия финансовой полиции, факультет очного обучения и послевузовского образования, докторант кафедры уголовного права и досудебного производства; г. Астана, Республика Казахстан

10. ИВАНОВА Диана Владимировна, Белорусский государственный университет, юридический факультет, кафедра гражданского права, доцент, кандидат юридических наук, доцент; г. Минск, Республика Беларусь

11. ИПАТОВ Вадим Дмитриевич, Национальный центр законодательства и правовых исследований при Президенте РБ, директор, г. Минск, Республика Беларусь

12. КАСТОРСКИЙ Геннадий Львович, Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, юридический факультет, профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор; г. Санкт-Петербург, Россия

13. КОДОЛОВА Валерия Витальевна, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, студентка, III курс; Санкт-Петербург, Россия

14. КОЖУХОВА Ирина Владимировна, ФГБОУ ВПО Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, юридический факультет, кафедра уголовного права, старший преподаватель кафедры уголовного права; Санкт-Петербург, Россия

15. КОСТИНА Ольга Владимировна, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), кафедра гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент; г. Белгород, Россия

16. КОСТЮК Николай Николаевич, Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса, кандидат юридических наук, доцент; г. Санкт-Петербург, Россия

17. КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Владимирович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-западный институт управления, кафедра теории и истории государства и права, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент; г. Санкт-Петербург, Россия

18. ЛЫСЕНКО Юлия Сергеевна, ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», Институт права, политики и экономики, отделение «Избирательное право», кафедра кон-

ституционного и международного права, студентка, V курс; г. Саратов, Россия

19. МАЛАШЕВИЧ Виктория Александровна, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Институт управленческих кадров, факультет управления, кафедра теории и истории государства и права, преподаватель; г. Минск, Республика Беларусь

20. МАЛИНИН Василий Борисович, Межрегиональный институт экономики и права при МПА ЕврАзЭС, юридический факультет, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор; г. Санкт-Петербург, Россия

21. МАЛЫШЕВ Евгений Александрович, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент; г. Санкт-Петербург, Россия

22. МАМИТОВА Жанат Аскаровна, Агентство Республики Казахстан по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовая полиция), Академия финансовой полиции, факультет очного обучения и послевузовского образования, докторант кафедры уголовного права и досудебного производства; г. Астана, Республика Казахстан

23. МАЮРОВ Николай Петрович, Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, юридический факультет, кафедра государственного и административного права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; г. Санкт-Петербург, Россия

24. МЕДИМНОВ Алексей Валентинович, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, кафедра химической технологии и экологии, старший преподаватель; Санкт-Петербург, Россия

25. МОКОСЕЕВА Марина Александровна, ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», юридический факультет, кафедра конституционного и административного права, доцент кафедры конституционного и административного права, кандидат юридических наук; г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия

26. МОРОЗОВА Юлия Владимировна, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, кандидат юридических наук; Санкт-Петербург, Россия

27. НИКАНОРОВА Марина Николаевна, Балтийский институт экологии, политики и права, Научно-образовательный центр экологической безопасности, заместитель директора, кандидат химических наук, доцент, академик МАНЭБ — Международной ака-

демии наук экологии и безопасности человека и природы; Санкт-Петербург, Россия

28. НОВИКОВ Андрей Борисович, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», кафедра финансового и административного права, заведующий кафедрой, доктор юридических наук, доцент; Санкт-Петербург, Россия

29. ОРОЕВА Оюна Доржаевна, Санкт-Петербургский университет МВД России, доцент кафедры кадровой и воспитательной работы, кандидат юридических наук; г. Санкт-Петербург, Россия

30. ПИЛИПСОН Эдвард (Edvard Pilipson), Riga Stradiņš university (Рижский университет Паула Страдиня), докторантура; г. Рига, Латвийская Республика

31. ПЛЕТЕНЁВ Денис Алексеевич, Белорусский государственный университет, юридический факультет, кафедра конституционного права, доцент, кандидат юридических наук; г. Минск, Республика Беларусь

32. ПРОКОПЕНКО Виктор Николаевич, Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, кафедра теории и истории государства и права, доцент, кандидат юридических наук, доцент; г. Санкт-Петербург, Россия

33. ПРОТОПОПОВ Александр Львович, Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, кафедра уголовного процесса и криминалистики, профессор, кандидат юридических наук; г. Санкт-Петербург, Россия

34. РАГУЛИН Андрей Викторович, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, Центр исследования проблем организации и деятельности адвокатуры, руководитель центра, кандидат юридических наук, доцент; г. Уфа, Россия

35. СПИРИДОНОВА Валерия Сергеевна, Межрегиональный институт экономики и права при МПА ЕврАзЭС, юридический факультет, студентка, III курс; Санкт-Петербург, Россия

36. СТАРОДУБЦЕВ Юрий Ильич, Межрегиональный институт экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, кафедра гражданского права и процесса, доцент, кандидат юридических наук; г. Санкт-Петербург, Россия

37. СТОЙКО Николай Геннадьевич, Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет, кафедра уголовного процесса и криминалистики, профессор, доктор юридических наук, доцент; г. Санкт-Петербург, Россия

38. СУХИХ Алексей Юрьевич, Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному Федеральному Округу, заместитель начальника штаба – начальник отдела (анализа, планирования и контроля); Санкт-Петербург, Россия

39. ТАНГИЕВ Бахаудин Батырович, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, профессор кафедры теории и истории государства и права, академик МАНЭБ; ЕАЕН; Гранд-доктор права, полный профессор международного права (Оксфордского Университета, Англия); действительный член Русского Географического Общества, Дома ученых РАН им. М. Горького; эксперт ЮНЕСКО в области экобезопасности и экокриминологии; Санкт-Петербург, Россия

40. ТРОИЦКАЯ Татьяна Викторовна, ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», Институт права, политики и экономики, преподаватель кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент; г. Саратов, Россия

41. ФЕДОСЕЕВА Екатерина Сергеевна, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд; ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», аспирантка; Санкт-Петербург, Россия

42. ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович, Евразийский научно-исследовательский институт права, Центр государственно-правовых исследований, директор, кандидат юридических наук, доцент; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

43. ЯКОВЛЕВ Виталий Александрович, Федеральная миграционная служба России, начальник Управления по организации работы с соотечественниками; г. Москва, Россия

44. ЯКОВЛЕВА Людмила Валериевна, Краснодарский университет МВД России, докторант кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент; г. Краснодар, Россия

45. ЯРОВИНСКИЙ Илья Викторович, Выборгский районный суд Санкт-Петербурга, судья 6-й категории; г. Санкт-Петербург, Россия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Барышев В.А. Необходимость принятия и концепция Конвенции «Об иммунитете государств-членов Евразийского экономического сообщества». 3

Бодыкова М.Е. О должностных лицах иностранного государства или международных организаций как субъекте дачи и получения взятки. 9

Волошин Ю.А. Взаимодействие правопорядка межгосударственных объединений и конституционного правопорядка государств (на примере ЕС, Совета Европы, СНГ). . . . 12

Воронцов А.М., Никанорова М.Н., Медимнов А.В, Тангиев Б.Б. Модернизация Системы экологической безопасности на основе инновационных методов оперативного реагирования на загрязнение вод и морской среды 22

Дмитриев А.А. Юридико-лингвистический анализ законодательного определения коррупции 34

Елгешин В.Н. О проблемах гармонизации национального гражданского законодательства 39

Звенигородская Н.Ф.Брачный договор: сравнительно-правовой анализ в контексте формирования Евразийского Союза 43

Ибраев А.К., Бодыкова М.Е. О феномене коррупции с учетом европейского опыта борьбы с должностными преступлениями 51

Иванова Д.В. Влияние интеграционных процессов на развитие национальных систем права интеллектуальной собственности стран ЕЭП 66

Ипатов В.Д. Проблемы унификации законодательства государств-членов Евразийского экономического сообщества в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве . 73

Касторский Г.Л.Безопасность государства и личности в условиях глобализации: криминологический анализ. 81

Кодолова В.В. Проблема правопреемства в отношении бывшего СССР 86

Кожухова И.В. Проблемы гармонизации уголовно-правовой политики в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на евразийском пространстве 91

Костина О.В.Институциональное развитие и формирование медиации в правовом пространстве 95

Костюк Н.Н. Проблемы реализации гражданско-правовой защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в Российской Федерации 100

Костюк Н.Н. К вопросу об ответственности государства при функционировании финансовых пирамид 113

Красильников С.В. Юридические гарантии обеспечения прав человека и гражданина и ограничения правового статуса личности. 120

Лысенко Ю.С. Особенности конституционно-правового статуса и роли молодежи в структуре электората Российской Федерации 132

Малашевич В.А. Международно-правовое регулирование ограничений транзита товаров в Таможенном союзе. 137

Малинин В.Б.География преступности как объект криминологического исследования 143

Малышев Е.А., Яковлев В.А. Сравнительный анализ правового регулирования внешней трудовой миграции в Европейском союзе и Едином экономическом пространстве 148

Мамитова Ж.А. О некоторых вопросах имплементации норм Конвенции ООН против коррупции 155

Маюров Н.П., Ороева О.Д. Ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина сотрудниками полиции Российской Федерации: теория и практика 160

Мокосеева М.А. Проблемы исполнения решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации 164

Морозова Ю.В. К вопросу о соотношении составов преступлений, предусмотренных статьями 195-197 Уголовного кодекса Российской Федерации 174

Новиков А.Б., Дмитриев В.К. Реализация конституционной модели правового государства в условиях интеграционных процессов 178

Edvard Pilipson (Пилипсон Э.) Judicial decisions and statements as an inheritance by contract institutions an auxillary groundwork for correct qualification. 183

Плетенёв Д.А. Механизм волевой деятельности коллективного субъекта как элемент объективного основания правовой ответственности 191

Прокопенко В.Н. Юридический состав административного правонарушения в области таможенного законодательства государств-членов Таможенного союза 199

Протопопов А.Л. Реанимация ломброзианства 210

Рагулин А.В. Международный научно-практический журнал «Евразийская адвокатура» как средство консолидации адвокатского сообщества 221

Спиридонова В.С., Яровинский И.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации и ее правовое регулирование в контексте интеграции в евразийское сообщество . 228

Стародубцев Ю.И. Сравнительно-правовой анализ трудового законодательства стран ЕврАзЭС: вопросы обеспечения дисциплины труда. 238

Стойко Н.Г. Состязательное правосудие и уголовный процесс в США 242

Сухих А.Ю., Тангиев Б.Б. Генезис развития миграционной преступности. Актуальные проблемы теории и практики 246

Федосеева Е.С. Проблемы, связанные с определением юридической природы актов Европейского суда по правам человека 256

Шайхуллин М.С. Принципы деятельности инновационных научно-исследовательских институтов в сфере права, действующих на Евразийском пространстве 260

Яковлева Л.В. Совершенствование российского уголовно-процессуального законодательства под воздействием глобализации 266

Сведения об авторах 270

Научное издание

Проблемы гармонизации законодательных механизмов обеспечения безопасности личности, общества и государства на евразийском пространстве

Материалы Международной
научно-практической конференции в рамках
Евразийского научного форума
«Интеграционные процессы на евразийском пространстве:
успехи, проблемы, перспективы»

28-29 ноября 2013 года

Сборник научных статей

Научный редактор
А.Е. Шилова

ISBN 978-5-91950-046-9

9 785919 500469

Формат 60×84 1/16
Объем 17,5 п.л.
Тираж 300 экз.
Отпечатано в МИЭП
194044, Санкт-Петербург,
ул. Смолячкова, д. 14, корп. 1
278

**«ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
УСПЕХИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ И ГУМАНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАЗАРБАЕВ ЦЕНТР»**

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА
при МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕЕ ЕВРАЗЭС**

**ЦЕНТР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
при МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕЕ ЕВРАЗЭС**

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
и ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ**

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

28-29 ноября 2013 года

**Санкт-Петербург
2013**